

С.Т.ШАЦКИЙ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

С. Т. ШАЦКИЙ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Под редакцией
И. А. КАИРОВА, Л. Н. СКАТКИНА,
М. Н. СКАТКИНА, В. Н. ШАЦКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»
Москва 1965

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК

С. Т. ШАЦКИЙ

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ**

ТОМ
ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»
Москва 1965

Составитель
Д. С. БЕРШАДСКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание Педагогических сочинений С. Т. Шацкого завершается настоящим IV томом.

В первом разделе этого тома помещены статьи, выступления и доклады С. Т. Шацкого, относящиеся к последним годам его жизни (1930—1934).

В связи с широко развернувшимся в конце 20-х годов кооперированием крестьянских хозяйств в деревне создались благоприятные условия для осуществления задач коммунистического воспитания подрастающего поколения, и С. Т. Шацкий продолжает разрабатывать проблемы воспитания в этих новых условиях. В беседах на тему «Основные принципы построения новых программ» (1930) С. Т. Шацкий отмечает, что эти программы являются «программами социалистического воспитания нашей молодежи»¹, которое, по мысли С. Т. Шацкого, может осуществляться только путем активного участия школьников в социалистическом строительстве.

Работавшие под руководством С. Т. Шацкого школы широко развернули общественную работу учащихся в деревне, в колхозах. При этом С. Т. Шацкий, как и некоторые другие деятели того времени в области народного образования, стал придавать общественно полезной работе неправоммерно большое значение, полагая, что школьники должны усваивать знания, умения и навыки глав-

---

¹ См. стр. 91 настоящего тома Педагогических сочинений С. Т. Шацкого.

ным образом на основе выполняемой ими практической работы.

В поисках способов установления связи между деятельностью учащихся по усвоению знаний и практически-ми делами советские педагоги стали изучать так называемый «метод проектов», применявшийся в некоторых американских школах. «Метод проектов» в этих школах представлял собой такую форму организации учебной работы, при которой учащиеся намечали те или иные практические работы («проекты») и для выполнения их приобретали необходимые знания и навыки. Американский «метод проектов» был направлен на формирование практиков-«дельцов», на воспитание индивидуалистических черт характера.

В советских условиях пытались использовать «метод проектов» для организации коллективной работы школьников, для планирования их общественно полезной деятельности и установления связи изучаемой школьниками теории с практикой. При этом знания усваивались школьниками без определенной системы, попутно с выполнением тех или других «дел» общественного характера. Распространение «метода проектов» в советских школах приводило к нарушению системы в усвоении знаний и имело своим следствием снижение уровня общего образования.

Статьи С. Т. Шацкого, в которых затрагиваются вопросы о «методе проектов», для современного читателя представляют интерес как опыт разработки методики общественно полезной работы школьников, направленной на осуществление задач социалистического воспитания.

В известном постановлении ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 года было подчеркнуто, что «школа значительно продвинулась вперед по пути соединения школьного обучения с производительным трудом и общественной работой», и вместе с тем отмечено, что «обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук»¹.

---

¹ «Директивы ЦК ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании». Сборник документов за 1917—1947 годы, вып. 1, М., Изд-во АПН РСФСР, 1947, стр. 151—152.

Учитывая новые задачи, поставленные перед школой постановлениями ЦК ВКП(б) 1931 и 1932 годов, С. Т. Шацкий сосредоточивает свои силы на разработке вопросов повышения качества работы школы, теории и практики урока как основной формы организации учебной работы. Эти проблемы наиболее полно освещены в докладе «Повышение качества урока» (1932). В то же время С. Т. Шацкий уделяет большое внимание разработке проблем политехнизма. Его интерес к этой проблеме нашел свое отражение в докладе «О политехнизме» (1930) и статье «Шестнадцать лет советской политехнической школы» (1933).

С 9 мая 1932 года С. Т. Шацкий возглавлял Центральную экспериментальную педагогическую лабораторию Наркомпроса, где с помощью небольшого коллектива сотрудников организовал изучение и обобщение опыта существовавших тогда образцовых и опытных школ. В настоящем томе впервые публикуются доклады С. Т. Шацкого о методике изучения практического опыта школ и о постановке экспериментальных уроков в опытных школах.

В феврале 1932 года С. Т. Шацкий был назначен директором Московской государственной консерватории. К сожалению, сохранилось очень мало материалов, отражающих работу С. Т. Шацкого в Московской консерватории. В томе помещается его доклад на производственной конференции педагогов консерватории (1934), в котором он ставит вопрос о необходимости разработки новой методики музыкального образования и воспитания молодежи.

В настоящем томе, завершающем издание сочинений С. Т. Шацкого, помещены также некоторые работы, которые при подготовке издания не были включены в предыдущие тома (раздел «Статьи разных лет»). Среди этих работ значительный интерес представляет предисловие к книге «Годы исканий». В нем С. Т. Шацкий отчетливо формулирует свои взгляды на советскую трудовую школу, которая изучает окружающую среду и организует активное участие детей в жизни. Такую школу он противопоставляет школе, оторванной в своей деятельности от жизни, а также школе, привлекающей материал, взятый из жизни, только в качестве иллюстраций к содержанию учебных программ.

Статьи С. Т. Шацкого о его ближайших товарищах по работе Н. О. Массалитиновой и Л. К. Шлегер показывают, как глубоко он знал и высоко ценил своих сотрудников, какое большое значение придавал сплоченному, творчески работающему педагогическому коллективу.

Из немногих сохранившихся писем С. Т. Шацкого для публикации отобраны письма и извлечения из писем, раскрывающие формирование его педагогических взглядов и практическую деятельность в области народного образования.

В IV том включены также некоторые статьи и письма, написанные С. Т. Шацким специально для своих воспитанников. Эти небольшие произведения — яркое свидетельство того, как С. Т. Шацкий внимательно изучал детей, воспитывал их то на хорошем примере, то силой страстного убеждения, то с помощью меткой шутки.

Завершение четырехтомного издания Педагогических сочинений С. Т. Шацкого создает благоприятные условия для изучения трудов этого выдающегося советского педагога. Исследование педагогического наследия С. Т. Шацкого будет способствовать заполнению существенных пробелов в освещении истории советской школы и педагогической науки.

Ознакомление широких масс учителей, воспитателей, родителей с педагогической деятельностью и педагогическими идеями С. Т. Шацкого окажет существенную помощь в практической работе по воспитанию коммунистически сознательных и высоко образованных людей, способных как к умственному, так и физическому труду, к активной общественной деятельности.

Л. Скаткин

СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ,
ВЫСТУПЛЕНИЯ
1930–1934 годы

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВТОРОМ ВСЕСОЮЗНОМ ПАРТИЙНОМ СОВЕЩАНИИ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

...Товарищи, которые указывают на то, что нам необходимо строить систему коммунистического воспитания и что нам необходимо определить все рычаги, которые содействуют этому коммунистическому воспитанию, безусловно, правы. Сейчас речь идет о социалистическом строительстве. В этом строительстве необходимо обеспечить участие буквально всех, и только таким путем мы можем достигнуть реальной возможности коммунистического воспитания. Но ведь система массового участия в социалистическом строительстве и взрослых, и детей без методов культпохода, в сущности отдельно стоящая система общеобразовательная, будет для нас мало удовлетворительной. Надо, чтобы в широчайших массах людей, подвергающихся коммунистической переделке, организовалось понимание социалистического строительства, с одной стороны, а с другой — необходимо достигнуть того, чтобы участие в этом строительстве происходило со вкусом, с интересом, с большим подъемом, с воодушевлением. Эти две стороны — мыслительная и эмоциональная — должны быть в нашей системе предусмотрены.

Мы говорим, товарищи, о социалистическом строительстве, но в этом строительстве, как в свое время говорила Надежда Константиновна Крупская, одна балка должна крепить другую *. Отсюда нам необходимо пересмотреть все звенья этой системы, чтобы убедиться, как именно одна балка крепит другую и какое значение имеет та или другая балка. В первую очередь мы должны по-

ставить вопрос о научной работе в области культурного строительства.

В этой части у нас дело обстоит довольно плохо, тем более что сейчас речь идет о такой чрезвычайно сложной и трудной вещи, как планирование массовой работы. Планирование культурной работы очень серьезная, научная работа. Необходимо нам от имени партсовещания предложить Госплану взяться за научную работу в области этого планирования. Рядом с этой научной работой, при огромном повышении деятельности наших научно-исследовательских институтов, необходимо поставить систему социалистического воспитания и опытные учреждения. Сейчас, товарищи, в целом ряде областей и краев есть даже областные опытные учреждения, и областные научные учреждения до некоторой степени начинают связываться с этой опытной работой. Необходимо это узаконить, и тем самым подвинуть дело вперед. Мне кажется, необходимо, товарищи, организовать научную проверку и нашей массовой работы, но не такую проверку, которую мы обычно делаем для всех видов нашей культурной работы, потому что то, что мы имеем, т. е. бесконечный поток обследований, очень разнообразной продолжительности, дает случайный материал, а выводы получаются не очень ценные, случайные, по внешнему впечатлению, на глаз, не объективные, не научные. За это дело необходимо взяться как следует.

Мы говорим о политехнизме, но говорить — мало. Надо осуществить и получить конкретный опыт политехнизма. Только тогда мы вступим на настоящую дорогу. Возьмем самый лучший тип нашей школы, с которой мы ближе подходим к политехнизму, — это ФЗУ*. Разве мы не должны научно изучить ее, чтобы то ценное в области политехнизма, которое там есть, проводить в жизнь, сделать политехнизм достоянием массовой школы? Этого мы не делаем.

Кстати сказать, относительно Гастева*. По-видимому, ни для кого не тайна, что Гастев проникает не только в хозяйственные организации, но он проникает и в школы ФЗУ. Там вводится гастевская система, но, по-моему, для специальных целей, именно для того, чтобы водворить дисциплину среди юношества. Полгодика они по этой системе поработают, будут приучаться вставать вовремя, отдыхать, приниматься за работу, учитывать время. Зна-

чит, гостевская теория завоевывает место в педагогической системе, а не только является методом обучения.

Спрашивают мое мнение об этом. Ясно, что к ЦИТу мы относимся отрицательно, как к системе, претендующей на широкое значение. Но в узком, специальном смысле слова обучение приемам работы ЦИТа может быть полезным.

Что у нас получается сейчас? Мы сейчас подняли колоссальную работу по ликбезу*, у нас появилось несколько миллионов людей, которые могут читать и писать. Ну, а дальше что? Необходимо ввести в систему дальнейшее продолжение образования этих ликбезников. Это необходимо выполнить во что бы то ни стало. Поэтому сразу перед нами возникает необходимость введения в нашу систему заочного обучения, и не только заочного обучения, но и школ-передвижек. Мы должны использовать буквально все возможные средства для того, чтобы наша система была возможно более полнокровна и возможно более гибка, чтобы она отзывалась на всевозможные нужды, которые постоянно возникают в нашей жизни. Вот я получил сегодня из Австралии много документов об организации заочного обучения. Там поставлено дело настолько широко, что никаких тупиков нет и самые отдаленные от культурных центров места работают при помощи этих методов. На организацию заочного обучения и на систему передвижных школ нам надо обратить серьезное внимание.

Мы совершенно прошли мимо такой важной части, как эмоциональное воспитание, а, между прочим, оно нужно нам для социалистического строительства. Я думаю, что мы должны приступить к разработке широкого плана массовой художественной работы; театр, музыка, живопись, кино, радио и все то, что мы имеем в этой области, в сущности настоящее кустарничество, а если подсчитать наши силы и средства, то мы могли бы сделать очень много. Таким образом, наша система становится все более и более сложной.

Мы пропустили еще одну, чрезвычайно важную вещь — это вопрос о тех кадрах, которые должны готовить преподавателей для техникумов. Это будет настоящий тупик. Мы откроем много техникумов, но у нас и сейчас не хватает преподавателей. А что мы будем делать дальше? Эта сторона нашей системы должна быть под-

черкнута особенно остро, иначе мы рискуем утопить нашу систему технического образования, о которой мы так сильно дебатировали. Понятно, что в систему социалистического массового воспитания необходимо ввести массовый профотбор. Это, товарищи, для нас, педагогов, даст колоссальное облегчение в смысле оценки сил и средств учеников. Мне кажется, что это возможно...

То же самое нужно сказать (в связи с колхозным движением) и по охране детского труда, и это должно быть включено в нашу систему коммунистического воспитания.

Вот еще один серьезный вопрос с высшим образованием. У нас все учебные заведения принадлежат различным хозяйственным организациям, и, я думаю, ввести их в общий план будет совсем не так просто. Мы организации единой системы не достигнем, если партсовещание не скажет по этому поводу своего веского слова.

Надо еще пожалеть о том, что партсовещание имеет недостаточно тех сил, которые должны здесь быть, а именно хозяйственников и профработников. По-видимому, этот вопрос недостаточно проработан. Неужели ЦК не может пригласить хозяйственников и профработников так серьезно, чтобы они здесь были? Конечно, может. Что же — звонить по телефону, приглашать, просить сюда явиться? Разве тов. Стецкий * не понимает, какое огромное значение имеет для нас присутствие хозяйственников и профработников? Нужно, чтобы они выступали здесь с докладами, выступали в прениях...

Теперь перехожу к некоторым уже практическим вопросам. Вся наша система будет действовать невероятно скверно, как она сейчас действует, — хотя я считаю, что пока наша система кустарная, — если мы не обратим колоссальное внимание, исключительное внимание на оборудование наших школ и на пособия. В Сормове рабочие мне показали циркуль — острием надавливаешь на стол, и циркуль гнется. Он никуда не годится и дорог. Но представьте себе, товарищи, что у нас при колоссальном размахе рабочего образования почти всем придется чертить и у нас такой обыденной вещи, как циркуль, нет. За это дело взялся ВСНХ. Я имею к этому делу некоторое отношение *. Дело обстоит пока скверно. Царит колоссальная кустарщина в производстве пособий. Все делается по старым образцам, очень дорого и скверно. Мы говорим, что нашему школьнику нужно трудиться, а между тем

вопрос о производстве инструментов, которыми школьник может работать, совершенно не поставлен. Мы выработали стандарты, но они лежат. По-видимому, нужно построить целые фабрики и заводы, для того чтобы удовлетворить потребность в пособиях, в инструментах, и дело нужно поставить так, чтобы оно было сдвинуто скорее и чтобы на него были потрачены нужные средства. Но 4 месяца, как началась эта работа в ВСНХ, и никакого движения нет.

Я должен коснуться вопроса программно-методического. Наши орудия производства, при помощи которых мы будем в школе воспитывать наших ребят, а к ним относится и программа, требуют умелой, огромной работы над собой. Мы считаем, что система проектов есть последняя, нас удовлетворяющая программная система, и мне кажется, что по этому поводу наше совещание могло бы определенно высказаться. То же самое относительно методов школьной работы. Я исследовал этот вопрос, и мне кажется, что наши методы обучения чтению, письму, счету абсолютно не обоснованы научно. Мы будем тратить огромное количество времени на то, чтобы получить маленький результат. Наш учитель — настоящий методический кустарь. Эта сторона должна быть предусмотрена в наших решениях о системе.

Я кончаю таким маленьким замечанием. Соединенные Штаты на 112 млн. населения тратят в этом году 6 млрд. руб., имея в своих школах различных ступеней 24 млн. учащихся. Но у них системы единой, в том смысле, как мы понимаем, нет. Затрачивая колоссальные как будто средства на свое народное образование, американцы все-таки не получают тех результатов, которых хотят добиться. И они самым тщательным образом изучают иностранные системы, в том числе и нашу, даже в том несовершенном виде, в каком до сих пор она существовала. Как люди деловые, американцы отлично понимают целесообразность единой системы. Наша система направлена, быть может, к медленному, но глубокому культурному подъему широчайших масс населения. Отсюда мы черпаем новые ресурсы, новых деятелей, новые средства. Здесь и заложена возможность выполнения той труднейшей задачи, которую мы себе поставили, — «догнать и перегнать» и Европу, и Америку. Поэтому над нашей системой надо упорно работать...

ИЗ ЛЕКЦИОННОГО КУРСА «КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ШКОЛА»

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Уважаемые товарищи! Цель моего курса «Колхозное строительство и школа» — помочь разобраться просвещенцам в основных вопросах воспитания в переживаемую нами эпоху строительства социализма.

«Для работников просвещения и для коммунистической партии, как авангарда в борьбе, должно быть основной задачей — помочь воспитанию и образованию трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс»*.

Эти навыки, оставшиеся нам от старого строя, о которых говорил Ленин, живы и до сих пор. И мало сказать, что живы, они чрезвычайно сильно мешают нам в нашей собственной работе. Каждый просвещенец сейчас испытывает огромное количество вопросов, разрешения которых он жаждет и которые могут помочь ему вести по-новому свое нелегкое дело. Надо разобраться как в явлениях новой эпохи, так и в самом себе потому, что и в том, что нас окружает сейчас, и в том, что мы сами из себя представляем, есть очень много такого, что не может нам позволить применить достаточно плодотворно наши силы на новое строительство и в нашей общественной жизни, и в нашей школе.

Мне приходилось неоднократно беседовать с просвещенцами различных районов нашей страны. Если раньше

работники просвещения выдвигали целый ряд вопросов, касающихся программы, методов, учебников, некоторых частных вопросов, например вопросов, связанных с исправлением ошибок, с вопросами, как вести работу по отдельным темам, то теперь, в наступившую бурную эпоху колхозного строительства, просвещенцы начинают выдвигать вопросы другого порядка, гораздо более серьезные, более глубокие. Это совершенно понятно потому, что сейчас, когда мы приступаем вплотную к строительству социализма, перед нами возникает огромный ряд совершенно новых вопросов, на которые мы еще не имеем ответа в практике нашей педагогики. Очень много приходится нам строить заново, и этот процесс перестройки должен быть нами основательно понят, и только тогда, когда мы в нем основательно разберемся, когда основы социалистического строительства нашей страны будут нам ясны, тогда мы сумеем разобраться и в основных практических вопросах, вопросах программных, вопросах методических, вопросах организационных.

Поэтому я в своем курсе думаю поставить перед вами две задачи. Одна задача — это задача освещения основных принципов работы, которыми мы должны руководствоваться. Мне кажется, что это чрезвычайно важно. Разумеется, учителю весьма трудно вести свою работу, трудно вести ее потому, что на него сейчас навалилось громадное количество новых общественных задач; но если мы не будем руководствоваться основными принципиальными точками зрения, да и руководствоваться притом еще так, чтобы мы чувствовали, как они направляют нашу работу, как они ведут работу по правильному пути, то мы не сумеем овладеть и нашей практикой. Тем более это важно, по моему глубочайшему убеждению, потому, что самые программы, методы и организация педагогической работы должны претерпеть огромное изменение. Много из того, что мы знаем, придется отобрать и многое придется поставить совершенно по-новому. Я постараюсь это в своем дальнейшем изложении осветить и думаю, что то время, которое я потрачу на выявление принципиальных вопросов, для товарищей не будет временем напрасным. Другая задача — практическая. Я затрону и целый ряд практических вопросов, жизненных вопросов, которые на путях нового строительства мы все-таки сейчас можем уже разрешать.

По счастью, надо отметить, что мы в этом отношении не совсем лишены какого-нибудь опыта. Этот опыт у нас был, мы уже по-новому, в сущности говоря, отчасти вели свою работу, и это все новое, что мы осуществляли в нашей работе, и называлось у нас общественной работой школы. Каждый из вас, товарищи, в свое время, в известной степени, в известной мере ставил перед собой некоторые общественные задачи и разрешал их со своими учениками. Вот этот опыт, который мы должны подытожить, который мы должны обобщить, и должен лечь в основу всей новой работы.

Мы переживаем сложное время, работать будет не легко. Следовательно, мы все время должны иметь перед собой два рода трудностей, с которыми мы встречаемся: с одной стороны, трудности принципиального порядка, с другой стороны, трудности практического порядка.

Однажды я был в колхозе и спросил учителя: «Не можете ли вы мне сказать, почему население вашего села решило организовать колхоз?» Он мне ответил так: «Я думаю, что это главным образом потому произошло, что у нас очень много лодырей на селе, и вот те граждане, которые хотят работать, и решили заставить этих лодырей заниматься делом, и отсюда и вышло решение организовать в колхоз».

Ну вот этот учитель, который мне дал такой ответ, он может справиться с трудностями новой работы? Какое мнение он отразил в этом ответе, как он относится к колхозному строительству?

Разумеется, он в своем ответе отражал то мнение, которое целиком было основано на кулацких настроениях, идущих вразрез с колхозным строительством. Если же учитель не отдает [себе] отчета в этом, то он своей работы не сумеет вести так, как следует, в новом духе.

Всякий из вас, товарищи, должен сейчас понять, что действительно мы строим социализм. На путях этого строительства мы преодолеваем колоссальные трудности. Помимо того что мы идем небывалыми темпами, испытывая недостаток и в материалах, и в машинах, и в зданиях, и в транспорте, и в продовольствии, перестраивая все наше хозяйство на новых началах, мы нуждаемся еще и в умелой, организованной, воспитанной по-новому человеческой силе, в армии новых строителей. Понятно поэтому, что вопросы социалистического строительства

так тесно связываются с государственной системой социалистического воспитания.

Как мы воспитывали на практике «строителей социализма и борцов за него?» То, что мы до сих пор делали, было в значительной степени случайно, оно не основывалось на глубоком понимании вопросов социалистического воспитания. Занятия наши в значительной степени носили словесный характер. В сущности говоря, у нас не было разработано обоснованного плана государственного социалистического воспитания. Мы можем смотреть, как я сказал уже выше, на то, что мы до сих пор делали, именно как на опыт, как на материал, из которого мы должны построить новое здание. Но новое — это и есть система социалистического воспитания. Почему мы этот вопрос сейчас ставим, почему мы его ставим как широчайшую проблему? Именно потому, что, во-первых, мы страшным образом нуждаемся в новой человеческой силе, нам нужны те руки, которые будут строить этот социализм, а для этого нужно и понимать, что такое социализм. С другой стороны, надо уметь организовать эту работу. Если мы сейчас испытываем огромные трудности в связи с человеческим материалом, который принимается за эту работу, то ведь нельзя же ставить вопрос так, чтобы эти трудности вечно стояли перед нами. И сейчас уже проблема кадров перед нами вырисовывается как проблема огромного значения, и, в сущности говоря, мы все должны приняться за решение этой проблемы.

Реально мы видим, что во всех местах, во всех уголках нашей страны, везде разбросаны курсы и для женщин, и для взрослых, и для подростков, и для батраков, бедняков, и для колхозников, и для счетоводов и так далее. Мы этот вопрос поставили страшно широко. Мы переделываем наши высшие учебные заведения, наши средние учебные заведения, мы стоим перед коренной переделкой и наших школ повышенного типа, и вообще всей системы нашей. Все это означает, что [нам нужны] новые кадры работников. Поэтому старым кадрам надлежит прежде всего заняться этим вопросом. При их помощи мы сможем организовать новые кадры.

И вот эта задача, имеющая такой широкий, массовый, государственный характер, должна быть нами решена так, чтобы мы могли в довольно быстрое время осуществить эту грандиознейшую работу.

Ведь речь идет о целых десятках миллионов людей, и старых и молодых. Понятно, что мы не можем с этим вопросом и медлить; и, понятно, поскольку мы должны страшно усилить темпы нашей работы, то всегда перед нами стоять будут и всевозможные трудности. И не надо, товарищи, смущаться теперь этими трудностями. Ошибки и промахи в таком новом, в таком трудном, таком великом деле неизбежны. Дело ведь заключается не в том, чтобы нам безошибочно строить нашу работу, а в том, чтобы мы могли, делая ошибки, переделывать свою работу, ставить ее по-новому для того, чтобы, в конце концов, достигнуть нашей цели. Ведь мы должны и учиться в нашей работе; и первое требование, которое нужно предъявить к нашим работникам, — это смелость в разрешении новых задач.

Строить нам придется новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду. Это, конечно, работа многих лет, но [она] теперь стала возможной. В настоящее время строительство идет повседневно. Нет ни одного уголка нашей страны, где бы это строительство не ощущалось.

Мы все, работающие на этом поприще, должны ощущать, что в это дело строительства вошли промадные миллионы. Вот это дыхание, так сказать, огромных миллионных масс, занятых одним делом, — это должно нам дать новые стимулы к одушевленной работе. Никогда раньше мы этого не чувствовали потому, что та среда, в которой мы работали, та среда, к которой мы уже привыкли, она в сильнейшей степени отличалась от той среды, которую мы сейчас создаем. Ведь та среда в общем должна быть определена нами как среда распыленная, состоящая из отдельных человеческих единиц, из отдельных семей, из отдельных хозяйств, каждое из которых шло по своему собственному пути, имело свое собственное дело и, строя свой путь жизни, вступала во враждебное отношение к другому.

Ленин говорит о том, что нам нужно строить новые формы общественной связи между людьми *. Что же это значит? Это значит, что мы должны строить другую среду.

Теперь мы строим ведь другую среду. Эта среда отличается организованностью огромной массы людей. Все

больше и больше [растет] сознание того, что они участвуют в одном общем деле. Это общее дело — строительство социализма. Мы знаем, что чем дальше мы будем жить и работать, тем больше и больше это сознание будет проникать глубоко в умы людей, и поэтому организация работы целых миллионов по одному общему плану действительно станет возможной.

И вот это отличие старых условий работы от новых условий должно нами, педагогическими работниками, быть принято во внимание. Мы не можем уже так оценивать трудности нашей работы, как мы оценивали их раньше. Часто прежде мы говорили, что нет в руках пособий, нет в руках общего метода, умения работать, но очень мало мы принимали во внимание педагогическое значение среды, именно среды разрозненной, распыленной, которая сама внутри имеет чрезвычайно много противоречий, тормозов, противоположностей. И вот все это, вместе взятое, нам чрезвычайно затрудняло работу, мы это недооценивали в достаточной степени, а, между прочим, это имело такое громадное влияние на нашу работу, что, в сущности говоря, большое количество наших неудач должно быть отнесено за счет этого. Мы все ощущали тягостное давление этих условий на успешность нашей работы.

И единственный для педагога выход такой. Раз среда имела такое громадное влияние на направление процессов воспитания, мы должны употребить все усилия, чтобы ее переделать. Переделать среду, сделать ее организованной, в которой можно ставить общие задачи и разрешать их коллективными усилиями и тем самым достигнуть огромной производительности труда, и тем самым повысить успешность всякой работы. Это значит участвовать в культурной революции, это значит участвовать в социалистическом переустройстве нашего хозяйства. Понятно, мы должны говорить не только о переустройстве нашего хозяйства (на это сейчас мы очень много времени уделяем, по вполне понятным причинам), но мы должны говорить и о коренном переустройстве старого быта на новый.

Поэтому термины — «новый быт», «коллективизация быта» — должны быть так же знакомы, как и термин «социалистическое воспитание».

Товарищи, сейчас мы переходим к вопросу, почему

работа в области социалистического строительства теперь стала особенно возможной.

Работа эта стала теперь особенно возможной, во-первых, потому, что мы руководствуемся пятилетним планом переустройства нашего хозяйства. Эта плановость: а) дает нам перспективы в работе; б) [дает] возможность вперед рассчитать силы и средства для работы; в) создает дисциплину в труде; г) расширяет умственные горизонты; д) сберегает силы, материалы и время; е) облегчает проверку работы. Во-вторых, в строительство социализма фактически вовлечены огромные массы населения. В-третьих, рабочий класс, выработав у себя навыки коллективного труда на фабриках и заводах, широко помогает трудовому крестьянству перестроить на коллективных началах не только мелкое хозяйство, но и быт. В-четвертых, работа стала возможной потому, что мы вплотную приступили к окончательной ликвидации корней капитализма в деревне, создавая полную невозможность эксплуатации у нас одних людей другими, и, наконец, в-пятых, потому, что огромное повышение роста наших производительных сил создает прочные экономические предпосылки для успеха дела социалистического воспитания.

Теперь я подробнее остановлюсь на этих пунктах.

Я считаю, что плановость в работе, участие масс, помощь рабочего класса в организации колхозов, ликвидации кулачества как класса и рост наших производственных сил, связанных с нашей индустриализацией и с колхозным движением, могут нами оцениваться с педагогической точки зрения.

В самом деле, что нового в педагогической нашей работе, в работе по воспитанию подрастающего поколения дает нам плановость?

Вот я говорил о том, что это прежде всего дает перспективность в работе. Подумайте о том, что было раньше? Ведь у нас не было никогда мысли о том, чтобы мы всякую нашу работу строили, рассчитывая вперед и время, и силы, и средства, то есть мы никого не приучали к умению ставить перед собой перспективы в работе, а это значит, что мы не интересовались, не разрабатывали вопросов, связанных с перспективностью мышления. Это совершенно новое, что вносит в нашу педагогическую практику принцип плановости.

Наши дети, работая по плану так же, как и вся масса трудящихся, с каждым годом все больше и больше приучаются к умению работать. Иметь перед собой перспективу не только отдельной детали работы, но и всей жизни нашей страны — это, конечно, огромная педагогическая ценность. Расчет сил и средств для работы — вот это умение, которым мы должны зарядить наших учеников. Они должны сообразить, что для каждого дела должны быть найдены подходящие силы, которые возьмутся за его проведение, и средства.

Ведь в самом деле, как часто у нас бывало, что мы задумываем что-нибудь сделать, а ведь не сообразим, что наличность или отсутствие достаточного количества сил и средств могут чрезвычайно тяжело сказаться на успешности нашей работы.

Вот обычный пример из нашей педагогической практики. Учитель предлагает ученикам выполнить какую-нибудь работу. Он объясняет им эту работу, спрашивает — поняли? Обыкновенно все ученики хором отвечают — поняли. «Ну, теперь начинайте делать». И вот, мне пришлось наблюдать, как только ученики принимаются за дело, они начинают обращаться к учителю с разнообразными вопросами: или они не поняли чего-нибудь, или у них не хватает бумаги, или нет карандашей, или карандаш сломался, или в чернильнице нет чернил и так далее. Все это мешает работе. Значит, маленькая, простенькая работа была дана, совершенно понятная, но не подумали о простых орудиях производства этой работы, об этих средствах, при помощи которых можно было бы ее сделать, и она затягивается, она не выполняется в тот срок, в который нужно выполнить, и ученики приучаются небрежно вести работу. У них разрушается рабочее настроение, а это уже есть не что иное, как качество отрицательного порядка. Мы должны, понятно, на это обратить внимание, и раз мы говорим о плане, то вопрос о силах и средствах будет играть огромную роль в воспитании деловых навыков.

Мы чрезвычайно жалуемся на то, что у нас нет дисциплины в классе. Ведь это, как всем вам известно, один из самых общих больных вопросов. Я сам слышал, что некоторые учителя, которые изверились в возможности ввести порядок в своем классе, уже начинают думать о внешних формах дисциплины. Все это, конечно, никуда

не годится, и все это указывает на то, что мы должны коренным образом переделать условия нашей работы, чтобы эта дисциплина была уже, так сказать, в самом корне нашей работы. Без дисциплины, разумеется, работать по-настоящему нельзя. Но раз у нас есть план, то этот план, эта перспектива, эти общие силы и средства уже создают большую дисциплинированность, готовят почву для этой дисциплины. Но, понятно, мы не должны смотреть на это очень узко. Мы должны думать, что дисциплина — это есть результат очень многих факторов. Тут нужно говорить и о рабочем настроении, нужно говорить и об интересе к делу, нужно говорить о достаточном снабжении ребят инструктивными указаниями, нужно говорить, конечно, о примитивных средствах, при помощи которых можно было бы что-нибудь сделать.

Таким образом, мы постоянно должны думать о тех моментах, которые налаживают работу и тем создают дисциплину.

Теперь наш пятилетний план, в сущности говоря, создает новые возможности расширения детских горизонтов. Мы сами не представляем в полной мере, какой громадный вред мы наносили тем, что сужали горизонты детских интересов, детских мыслей. В самом деле, если ребенок в течение длительного времени сидит над упражнениями по чтению или по письму, если все внимание его на это дело употреблялось, то, разумеется, и все умственные силы в значительной степени должны были быть направлены на то, чтобы это маленькое дело выполнялось, но в то же самое время большое количество сил у него оставалось неиспользованным. Теперь уже ставятся вопросы о социалистическом воспитании, о плановом социалистическом воспитании, и мы вводим в план нашей работы необходимость сообразить, что именно годится для выполнения той или другой работы, что на нее влияет, от чего она зависит, входим в общение с гораздо большим количеством людей, чем это было раньше. Раньше ученик, учитель, теперь колхоз и сельсовет и так далее; везде течет жизнь, жизнь разнообразная, широкая, и ученик должен обогащаться новыми впечатлениями, связывая их со своей работой.

Таким образом, обогащение умственных горизонтов является тоже огромным нашим преимуществом в новой системе работы.

Громадное значение в плане — это сбережение сил, и средств, и материалов. Мы должны сказать, что в нашей прежней жизни мы в значительной степени вели дело так, что не жалели ни сил, ни средств и времени. Каждый учитель знает, что и до сих пор еще в очень серьезной степени никто у нас не ценит ни времени, ни сил, ни материалов, все это разбрасывается, растрачивается. Конечно, все это мешает работе и не дает нам возможности разумно расходовать силы, средства и время. Мы этому должны научиться, этому, конечно, помогает план, и в этом заложен процесс того воспитания, которое мы должны давать в этом плане социалистического строительства.

Мы [предусмотрели] все силы, средства и время, мы построили план, но мы до сих пор не привыкли еще к учету, к контролю нашей работы. Если у нас есть план, то гораздо легче его проверить, а эта необходимая проверка работы даст возможность учиться умению работать. Мы в достаточной степени еще не усвоили, что наша задача в школе не только учить, но учить детей нашей работе. План должен помочь и этому делу.

Теперь я перехожу ко второму условию — это вовлечение огромной массы трудящихся в дело социалистического строительства. Разумеется, надо считать громадным, большим делом для нашей педагогической работы то, что ею начали интересоваться широчайшие массы. Опыт культурного похода в связи с ликвидацией неграмотности в Саратове и в Саратовском округе нам показал, что, как только за это дело принимаются широкие массы, дело начинает двигаться быстро и получают реальные результаты. Отсюда мы должны считать самым ценным не только то, что мы будем употреблять все наши силы на работу в школе, но именно то, чтобы параллельно с этим и население приучать к этой работе, чтобы оно интересовалось ею, помогало этой работе и своими средствами, и своими силами. Мы должны вовлечь в педагогическую работу гораздо бóльшие массы населения, чем это было когда бы то ни было. Разумеется, сейчас мы имеем гораздо более благоприятные условия для этого, и если только учитель это понимает, если он сумеет построить свою работу так, чтобы каждый значительный шаг ее был поддержан окружающей массой, то ему будет легче работать.

Вот мы имеем сейчас массовое вовлечение рабочих в дело колхозного строительства. Вы все, товарищи, знаете, что везде появились рабочие бригады, которые ведут и огромную политическую работу, и огромную организационную работу. Рабочий за длительное время коллективного труда на фабриках и заводах уже приучился и к дисциплине, и к плану, и к коллективной работе. И вот этим своим умением, этим знанием он может реально помочь нашему крестьянству, которое в силу распыленности, неумения его что-нибудь построить по общему плану, согласно общих сил, страшно теряло в производительности труда. Вот этим самым рабочий класс облегчает нашу задачу в сильнейшей степени.

На практике мы можем постоянно видеть, где появилась рабочая бригада, в особенности бригада, которая политически хорошо подкована, которая состоит из крепких, настоящих рабочих, она очень быстро начинает приводить бесформенные начала колхозного движения в весьма стройную организацию, которая уже может и производственный план свой построить, и распределить труд между своими членами, и организовать выбор правления по-настоящему, и бороться с проникновением кулаков и т. д. В общем появление небольшой группы рабочих в кругу колхозников оказывает всегда большую помощь. Эта помощь должна быть не только обращена на организацию колхозов, но она должна быть обращена и на установление новых форм культурной работы среди массы населения.

Ликвидация кулачества как класса в районах сплошной коллективизации значительно изменит и условия всей педагогической работы. Мы в этих районах будем иметь более однородную массу, заряженную единым планом, единым методом организационной работы, конечно, нам будет гораздо легче найти свое настоящее место и окончательно поставить ее.

Наконец, новые формы хозяйственной работы дают нам огромный рост нашего бюджета на народное образование.

В настоящее время целый ряд отраслей работы Наркомпроса, в особенности в области профессионального образования, берут на себя наши хозяйственные организации. Все наркоматы имеют свои собственные культурно-просветительные учреждения. Мы, пожалуй, сейчас

имеем промадный рост этих учреждений, поскольку в них заинтересованы те или другие ведомства, те или другие организации. И Колхозцентр, и Тракторострой, и Коопхлеб, и Наркомзем, и Наркомпуть, и Наркомтруд — они все имеют свои просветительные учреждения, на которые тратится очень много средств. Если сейчас эти средства все сложить, то уже окажется, что мы на народное образование тратим неизмеримо большее количество средств, чем это было раньше, чем тратил один Наркомпрос. И понятно, что они будут в значительной степени увеличиваться. На дело народного образования будут двинуты кооперативные средства, профессиональные средства. Но все эти средства на культурную работу мы должны тратить по одному общему плану. Вот сейчас этот процесс и происходит, и он нам показывает, какое громадное количество ресурсов имеется в нашей стране.

В том районе, где я работаю*, перед коллективизацией у нас было всего 90 тысяч рублей на всю сеть культурной работы; сейчас же, после того как мы сюда присоединили средства самообложения, средства кооперативные, профессиональные, от различных наркоматов, которые работают на нашей территории, то мы видим, что этих средств получилось не менее 300 тысяч. Если эти 300 тысяч в одном районе на 25 тысяч жителей будут затрачены по единому плану, то получится крупнейший результат в области социалистического строительства нашего района.

Таковы те благоприятные условия, которые не только идут по линии хозяйственной, по линии бытовой, но в значительной степени создают новые возможности в педагогическом деле. Этого до сих пор не было. Мы должны это знать, мы должны понимать и должны этим воспользоваться.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

Товарищи, в прошлой моей лекции я указывал на те цели, которые должны преследовать курсы «Колхозное строительство и школа».

Я говорил о том, что надо помочь просвещенцам разобраться в основных вопросах воспитания в переживаемую нами эпоху строительства социализма. Я говорил о том,

что мы в процессе социалистического строительства должны преодолеть колоссальные трудности, потому что мы идем небывалым темпом, потому что мы испытываем недостаток в материале, машинах, в зданиях, в продовольствии и в транспорте, и мы нуждаемся еще в гораздо большей степени в умелом, организованном по-новому воспитании человеческой силы.

Понятно поэтому, почему мы связываем вопросы социалистического строительства с системой социалистического воспитания. Недостатки, ошибки и промахи в этом новом, в этом трудном деле, конечно, неизбежны. Трудностей бояться нечего. Нам нужно строить новую дисциплину труда, новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду. Это, понятно, работа многих лет, но эта работа сейчас стала, бесспорно, возможной. И я указывал, почему эта работа теперь возможна.

Мы пускаем сейчас в ход принцип плановости в нашей работе. Это дает нам перспективы, дает возможность рассчитывать силы и средства для работы. Это создает дисциплину в труде, расширяет умственный горизонт, бережет силы, материал и время и облегчает проверку работы.

Таково огромное значение плановости. Во-вторых, мы имеем огромный интерес широчайших масс населения к делу социалистического строительства. Это особенно ясно отражается в росте колхозного движения. В-третьих, рабочий класс приходит на помощь делу социалистического воспитания. Затем мы вплотную подошли к окончательной ликвидации корней капитализма в деревне. И, наконец, мы совершенно ясно повышаем в сильной степени производительность труда. Поэтому мы все больше и больше будем иметь приток значительных материальных средств к делу социалистического воспитания.

Все эти предпосылки в настоящее время уже имеются налицо. И чем дольше мы будем жить, чем дольше будем работать, тем больше окажется в руках новых сил и средств.

Отсюда мы должны сделать вывод, что социалистическое воспитание — это не есть задача будущего, а есть задача настоящего.

Поэтому мы должны ясно представить себе, что же такое социалистическое воспитание, какими путями оно может быть у нас осуществлено.

Теперь, товарищи, я прошу вас записать то, что я вам продиктую.

Социалистическое воспитание молодежи может быть осуществлено лишь при организации планового, коллективного участия ее в социалистическом строительстве. Почему мы так ставим вопрос? Почему нельзя обучать социализму путем книг, путем бесед, путем разговоров? Почему необходимо организовать коллективное, плановое участие молодежи в социалистическом строительстве? Это мы должны потому делать, что нам нужны навыки социалистического строительства воспитать в нашей молодежи.

Какими же путями мы можем достигнуть укрепления этих навыков? Если молодежь в социалистическом строительстве участвовать не будет, если наша молодежь будет учиться социализму только из книг, если наша молодежь будет только наблюдать строительство социализма, то она никогда не подойдет к нему практически, никогда не сумеет им овладеть. Мало того! Мы очень часто видим, что люди, которые очень много знают, но мало умеют, начинают бояться жизни, начинают бояться претворить свои знания в конкретную работу.

Все это мы должны предусмотреть. И поэтому вся задача наша, основная задача, заключается в том, как нам организовать это плановое коллективное участие молодежи в социалистическом строительстве. А так как наша деревня вступила на путь социалистического строительства, то отсюда, понятно, эта проблема в значительной степени облегчается. Мы не строим эту работу (социалистическое воспитание) на каком-нибудь пустом месте. У нас есть большой опыт. Этот опыт связан с общественной работой школы, примеры которой мы можем дать сейчас и которые знакомы в значительной степени каждому учителю, в особенности в деревне.

Мы сделали ряд работ в области охраны труда, охраны здоровья, в области хозяйственной, в области санитарии, техники, в области общественной организации. Я напому постоянное участие наших школ в общественных праздниках, в кооперативных собраниях, в перевы-

борах сельских Советов, в Женском дне, в весенних и осенних сельскохозяйственных кампаниях. Все эти работы дали нам огромный материал, но только надо иметь в виду, что мы эту работу производили в значительной мере оторванно от общей учебы. Мы не научились делать так, как советовал Владимир Ильич Ленин. Он говорил о том, чтобы мы каждый шаг нашего учения связывали с делом рабочего класса, с борьбой рабочего класса за социализм*. Такого умения мы не достигли. И поэтому у нас очень часто бывало так, что в школе мы проходим программу, давая те или другие навыки и знания, а с общественной работой их не связывали. И у нас появилось, естественно, делчество, так сказать, в нашей работе. Мы не внушали в достаточной степени ясно нашим детям, нашим ученикам, смысл и значение школьной практической работы.

Но сейчас, когда мы переходим на другую организацию хозяйственной жизни, наш опыт общественной работы школы приобретает гораздо больше смысла и гораздо больше значения, и мы должны им воспользоваться.

Если перед нами стоят новые задачи, то очевидно, что нужно как будто внести коренные изменения в основную начальную программу ГУСа. Это будет не совсем верно. Вернее — нужно сказать, что только теперь начальная программа ГУСа может быть введена как следует.

Ведь в самом деле, те условия, в которых работала школа до сих пор, заставляли ее в высшей степени ограничить область трудового воспитания, и мы не имели организации массового трудового воспитания, не имели по-настоящему связи учебных занятий с жизненной практикой. Мы не умели конкретно проверять те знания, которые дает школа. А это, между прочим, очень важно потому, что если раньше мы могли проверять знания устройством под тем или другим соусом экзаменов нашим ученикам, проверяя их умение читать, писать, считать или проверяя их знания по естествознанию или обществоведению и так далее, то сейчас мы должны говорить о проверке другого порядка, о проверке не школьной, а о проверке общественной, о проверке жизненной.

Нам нужно знать, в какой мере школа связывает свою учебу с общественными делами, с колхозным строительством. Такая проверка будет носить несколько другой характер, чем прежняя. Она будет носить характер выяснения того, что внесла школа в жизнь того или другого колхоза.

Школа должна найти свое место. Как же мы формулируем это место школы в колхозном движении?

Я опять, товарищи, прошу взять в руки карандаш и записать. Школа — в новом понимании — является государственным учреждением, которое должно организовать участие детей в колхозном строительстве.

Эта новая установка школы, которая должна организовать участие детей в колхозном строительстве, довольно сильно изменит ее характер. Тут для каждого учителя и возникают трудности другого порядка в связи с привычной программной работой, в связи с борьбой старых способов работы с новыми. В сущности, ведь каждый из нас, педагогов, свою педагогическую подготовку получил в рамках еще старых приемов. Теперь же он переделывается под влиянием новых идей, под влиянием нового государственного строительства. И чем ближе он подходит к этому строительству, тем переделка его происходит глубже. Но тем не менее старые навыки и привычки еще остаются в нем и действуют с очень большой силой, влияют на методику работы, и поэтому учитель будет испытывать внутреннюю борьбу старого с новым, борьбу, которая происходит на широкой арене массового социалистического строительства.

Но, кроме этой внутренней борьбы, внутренней работы и внутренних трудностей, которые перед ним стоят, есть еще трудности другого порядка.

Ведь не только учитель получил собственническое, индивидуалистическое воспитание, не только он является носителем старых методов занятий, но он еще имеет дело с детьми, которые получали общественное воспитание в нашу переходную эпоху, с одной стороны, в среде собственников, с другой стороны, они вступают в новую социалистическую организованную среду, которую мы создаем. Обе эти «среды» воспитывают по-разному. Вот эта двойственность будет

еще давить на нашу работу и вызывать соответствующие затруднения.

Однажды я шел по деревне с группой ребят и стал их спрашивать, где кто живет. С величайшей охотой ребята стали мне указывать: вот мой дом, а там мой сарай и так далее. Слово «мой» повторялось так часто, что мы стали смеяться. Действительно, нам бросилось в глаза, что местоимение «мой» занимает огромное место в жизни. Посмотрите, товарищи, что в ваших колхозах происходит! По-видимому, значительно ограничено слово «мой». Уже трудно сказать «моя корова» в колхозе, который на все 100 процентов обобществил свои средства производства. Нам придется говорить «наши коровы», «наши лошади», «наше хозяйство». И это обстоятельство указывает нам на те сдвиги в психологии, которые уже сейчас имеют место. Тем не менее борьба собственнических начал с началами общественными будет еще в значительной мере продолжаться. Это будет создавать трудности, но нельзя проходить мимо этих трудностей, нельзя не бороться с ними. Это нужно делать для того, чтобы с большим успехом могли провести нашу линию социалистического воспитания. Таким образом, ребенок еще в настоящее время будет являться, с одной стороны, ребенком-собственником, а с другой стороны, ребенком-общественником. Вот эта специальная трудность педагогического характера будет стоять перед нами.

Многие из товарищей учителей ставят постоянно вопрос о дисциплине. Понятно, что дисциплинировать ребенка-индивидуалиста, собственника, получившего соответствующее воспитание, чрезвычайно нелегкая задача. Мы всегда страдали от трудностей этой задачи. Мы не находили достаточной поддержки в окружающей среде потому, что среда состояла из таких собственников.

Какими мерами мы справлялись с ними? Мы старались детей убедить, но это мало давало результатов, и мы применяли меры дисциплины, вплоть до телесных наказаний. Вот эта внешняя дисциплина, которая стояла перед нами, должна сейчас парализоваться внутренней дисциплиной, которая будет исходить от общего порядка жизни колхоза.

Каким же образом мы будем бороться с нарушением дисциплины? Ничем другим, как плановым, твердым, организованным участием детей в колхозном строительстве,

где хозяйство должно быть плановое, где хозяйство должно быть организовано-деловое.

Перед нами встает огромный вопрос о труде. Надо иметь в виду, что мы имеем две цели труда. Наиболее привычная цель труда — это работа для себя. Та же цель, к которой мы должны перейти, эта цель будет коммунистическая — труд на пользу обществу. Такой труд, который стоит вне нормы, вне надежды получить то или другое вознаграждение за этот труд, вне принудительных начал. Мы должны стремиться к такому труду, который будет исходить из горячего желания работать на пользу общества, который будет проистекать из внутренних побуждений работать.

Таким образом, мы достигнем того, что труд будет простой потребностью здорового организма. Об этом еще говорил Ленин*.

Есть еще одна трудность, о которой нужно сказать несколько слов.

Дело идет о значении учения для ребят. Для чего ребятам учиться? Ребята учатся — и им интересно стало жить. Они учатся — и отношение взрослых, членов колхоза, занятых своими общественными делами, к ним меняется: ребят признают, с ними считаются, они кое-что значат; ребята учатся — и все больше и больше каждый из них приобретает товарищей, вместе с которыми строится новая жизнь; ребята учатся — и присоединяются к великому потоку жизни, в которой они начинают разбираться, которую начинают понимать и ценить.

Дети учатся жить и работать — и чем больше учатся, тем более у них спорится дело в руках, тем бодрее, радостнее себя они чувствуют. Вот этих настроений надо добиться. Они создаются только живым участием в общественном строительстве. Никогда педагоги не ставили так задач учения перед детьми. Мы не привыкли так работать, так относиться к детям. Эти трудности нам надо преодолеть во что бы то ни стало. Эта задача огромна.

Нам нужно провести как массовую меру систему профессионального отбора, чтобы дети могли с двенадцатилетнего возраста более легко определить, к чему они способны.

И нам нужно разработать систему детского производительного труда. Таким образом, следующая лекция будет посвящена этим вопросам.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

Товарищи, в прошлый раз я говорил о тех условиях, в которых может быть организовано социалистическое воспитание. Оно может быть организовано только тогда, когда гарантировано участие детей в социалистическом строительстве. Если мы имеем широкое развитие колхозного движения, то это значит, что нам необходимо организовать участие детей в колхозном строительстве.

Таким образом, в рамках колхозного движения мы можем организовать условия для социалистического воспитания детей. Я говорил о том, что это воспитание встречает разнообразные трудности, и надо поэтому думать о том, чтобы создать правильные условия для социалистического воспитания.

Колхозное движение является одним из прекрасных условий, благоприятствующих этому воспитанию, так как в колхозном движении перестраивается не только само хозяйство, но и быт. Поэтому мы можем говорить не только об организованном детском труде, но можем говорить о реорганизации детского быта.

Здесь возникают такие трудности. При недостаточно правильном понимании воспитания могут быть такие случаи, когда детей привлекают к труду в таком виде, что участие детей в этом труде будет приносить им не пользу, а вред. Дети могут быть подвергнуты известной эксплуатации. Начнутся разговоры о том, что необходимо детей заставлять везти грузы, стеречь стада, возить навоз и так далее.

Таким образом, мы можем стоять перед большой опасностью, так называемым делячеством. Я лично видел примеры такого деляческого воспитания на ткацком деле. Представьте себе ребенка лет шести, который сидит неподвижно в течение нескольких часов в душной комнате, слабо освещенной, и своими маленькими ручонками завязывает узлы на платках. У него выработались механические движения. Он не смотрит на работу и делает свое дело. Конечно, здесь ни о каком трудовом воспитании не может быть и речи. В данном случае мы должны говорить о реакционной форме этого воспитания. Мы должны говорить здесь о совершенно недопустимом, деляческом подходе к этому делу. И вот нам необходимо поставить

дело так, чтобы ребенок учился работать так же, как учится приобретать знания. Вот такого трудового учения мы до сих пор не имели. И тут нам нужно избежать опасности. Ребенок не только должен учиться работать, но он должен учиться работать со смыслом.

Таким образом, первая опасность — это узкое делячество и, возможно, не сознательная, но эксплуатация детей. Если я раньше говорил о государственной системе социалистического воспитания, то мы как раз и должны воспользоваться такой широкой постановкой для того, чтобы обратить внимание на вмешательство государства в организацию детского труда. Разумеется, и государство, и все его органы, к числу которых принадлежит и школа, должны стоять на страже охраны детского труда. Таким образом и создается необходимое государственное регулирование детского труда. В чем же это регулирование может выражаться? Возьмем колхоз. Разумеется, надо себе ясно представить, в каких видах труда могут участвовать дети разного возраста, какое количество времени, насколько они понимают необходимость работать и необходимость подготавливаться к этой работе. И надо всеми силами избегать таких форм детского труда, которые будут (учащимся) непосильны. Тут возникает еще целый ряд затруднений, связанных как раз с организацией детского труда.

Уже начинают говорить об обязательности детского труда. Начинают говорить о таком детском труде, который дети должны выполнять, причем их собственные желания, их собственные интересы совершенно не принимаются во внимание. Мы должны поставить дело так, чтобы был простор детскому творчеству, разнообразным изобретениям, чтобы был простор детской самодеятельности. Дети должны контролировать труд друг друга. Дети должны обслуживать неорганизованный труд взрослых, дети должны находить другие участки для работы. И в этом направлении мы должны идти максимально далеко. Принудительный детский труд, который создает тягостное настроение у детей, он нам не нужен. Нам нужен такой детский труд, который был бы полон смысла и подъема.

У нас есть такие примеры в прежней практике, которые указывают, что такой детский контроль уже играл значительную роль. Вот, например, детская контрольная

комиссия при школе в деревне. Комиссия из трех человек ходит по избам, в которых живут их товарищи, и проверяет, как эти товарищи живут, как работают. У них в руках книжка, они записывают все, что увидели. Разговаривают с родителями и затем делают доклад в школе.

Однажды я был свидетелем разительного случая.

После того как мне пришлось осмотреть целый ряд колхозов в Центральной Черноземной области, я делал доклад в областном отделе народного образования. Во время заседания отворяется дверь и входят трое детей. Девочка и два мальчика. Нимало не смутившись, девочка спросила, кто заведующий отделом народного образования. Подошла и попросила ответить на ряд вопросов. Она явилась с пионерского слета и задавала такие вопросы совещанию: известно ли вам постановление пионерского слета, во-вторых, знаете ли вы, что необходимо улучшить постановку дела в детских домах, и, в-третьих, надо обеспечить горячие завтраки. С одной стороны, она спрашивала, известно ли это нам, а с другой стороны, — что сделано. Я наблюдал, что у взрослых, которые присутствовали на этом допросе, наблюдалось некоторое смущение, как будто бы они в чем-то провинились. Дети вели себя совершенно спокойно. Получив ответы, они спросили друг друга, довольны ли, поклонились и ушли.

Конечно, это есть пример совершенно новых отношений, которые возникают от предоставления детям значительной доли самостоятельности. Наши дети не должны чувствовать себя на задворках. Они должны входить куда угодно и задавать какие угодно вопросы, критиковать старших и тем самым вносить долю участия во все наши общественные дела.

Однажды ко мне на квартиру пришла одна [школьница] и начала спрашивать относительно моей племянницы. Известно ли мне, когда она ложится спать, когда ходит в школу, когда готовит уроки, и известно ли мне, чем она больна. Я считаю, что это участие детей должно быть систематически организовано. Это совершенно правильные меры в области детского труда.

Совершенно ясно для нас, что при настоящем положении вещей мы в рамках колхозного движения должны организовать государственную систему регулирования охраны детского труда. Это необходимо потому, что в переходную эпоху, которую мы переживаем, постоянно бу-

дуг встречаться разнообразные искривления или в сторону эксплуатации детей, или, может быть, в сторону неумения организовать детский труд. Нам ни эксплуатации, ни детского безделья совершенно не нужно. Мы должны с двенадцатилетнего возраста подойти к всеобщему трудовому обучению — так, как подходим к всеобщему обязательному начальному обучению в наших школах. Вот это первое условие — государственное регулирование охраны детского труда — нам поможет правильно организовать массовое социалистическое воспитание наших детей.

Таким образом, должен быть необходим детский труд, и если говорить об учреждениях, которые будут регулировать, то мы должны их назвать. С одной стороны, это будут сельсоветы, которые будут обслуживать и регулировать этот труд, а с другой стороны, школа как государственный орган. Это первое.

Во-вторых, надо обратить очень серьезное внимание на то, что мы в наследство от старой буржуазной системы получили чрезвычайно одностороннее направление развития детской силы. Тут масса случайностей. Ни один из наших учеников, в сущности говоря, не понимает, в какой области он работал бы с большим интересом, и не только ребенок, но мы сами над этим очень мало задумываемся. И наше определение детских способностей, направление детских сил в значительной степени случайны...

Объективная выработка учета детских способностей, их детских сил должна быть поставлена как настоящая государственная мера.

Необходимо приучить нашу молодежь к тому, чтобы она все больше и больше разбиралась в понимании того, для какой деятельности она способна. Вот такая постановка может быть достигнута только тогда, когда мы в новой полосе педагогического строительства будем обращать больше внимания на то, чтобы каждый из наших педагогов, или по крайней мере значительная часть, разбиралась в педагогических способах определения сил, способностей и интересов ребенка. Я считаю, что это было бы в высшей степени важной мерой.

Таким образом, такая объективная постановка учета результатов детских усилий вполне могла бы заменить все экзамены, которые под тем или другим видом учета все-таки происходят.

Вся детская масса должна проходить через такого рода исследовательские институты. Я лично на своей собственной практике видел, как это помогает самим ребятам осознавать себя, оценивать свои собственные успехи. Чем это будет более объективно, тем лучше для детей и учителей. Мы должны выработать сознательное отношение к своей собственной работе. Но, с другой стороны, могут сказать, что такая постановка может возбудить именно желание каждого ребенка вступить в конкуренцию с другими, выделить себя, обратить на себя внимание. Мы, понятно, должны считать эту привычку глубоко буржуазной, исходящей из собственнических инстинктов. Мы должны стремиться, чтобы каждый из наших учеников старался оказать помощь своему товарищу. Он должен говорить так: «Я не только сам работаю, не только сам понимаю, но что я способен, а хочу, чтобы успевал каждый из моих товарищей». Вот эта выработка призвания, с одной стороны, и, с другой стороны, интерес к тому, чтобы каждый из товарищей максимально себя проявил, — это есть отличительная черта новой постановки этого дела. Ни в коем случае не надо стремиться к тому, чтобы быть выше других. Нужно стремиться к тому, чтобы быть полезным общему делу. Следовательно, мы думаем, что такая система, система определения сил, способностей, призвания каждого ребенка начиная, скажем, с десятилетнего возраста, была бы в высшей степени благоприятным условием для того, чтобы трудовое социалистическое воспитание было бы решено.

С третьей стороны, мы должны еще раз возвратиться к вопросу о детском производительном труде. Нам необходимо добиться, об этом я говорил в самом начале, чтобы детский труд понимали, ценили не только сами дети, но и взрослые, которые стоят вокруг детей. Мы, конечно, должны думать о том, чтобы все население поддерживало детский труд. Но для этого нужно, чтобы население понимало детский труд. А то у нас так получается, что всякий детский труд, как бы он ни был ценен, представляется в виде игрушки. По отношению к нему вырабатывается снисходительный взгляд. А между прочим, детский труд есть создание ценностей, и эти ценности должны помочь ребенку чувствовать себя строителем и участником общего дела. Это должно быть оценено всем населением. Внедрение в сознание населения этой мысли было бы в выс-

шей степени важно. Поэтому мы должны считать, что перед нами стоит еще одна задача. Необходимо установить оценку материальных результатов детского труда, то есть детский труд должен быть оплачен, конечно, не путем личной оплаты, а путем оплаты коллективной. Эта оплата должна идти на разнообразные общественные цели, связанные с детским трудовым движением.

Например, в одной школе, которую я знаю *, был произведен опыт взращивания турнепса как кормового вещества. Эта задача была ими решена чрезвычайно хорошо. Они очень хорошо ухаживали за турнепсом, в результате получили с небольшого участка около 300 пудов турнепса. Продав по 50 копеек за пуд, они получили 150 рублей денег. Эти деньги пошли на создание фонда беднейшим товарищам. Эта форма оплаты является ценной, и возражать против этого нельзя.

Поэтому мы должны говорить о том, чтобы был постоянный общественный интерес к детскому труду. А если у нас нет [подтверждений] жизненного значения этого труда, то, конечно, никакой интерес мы возбудить не можем. В этом отношении мы должны отличать тот производительный труд, о котором я говорил, от случайного ручного труда. Производительный детский труд, конечно, есть одна из форм участия детей в социалистическом строительстве. Вот что говорит Маркс по этому поводу: «При разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником». Точно так же и для взрослого не может быть исключения из такого общего закона природы, что человек должен работать, чтобы есть. Исходя из этой точки зрения, Маркс говорит, что ни родители, ни предприниматели не могут получить разрешение общества пользоваться детским трудом и трудом подростков иначе, как под условием, чтобы их производительный труд был связан с воспитанием.

«Под воспитанием мы понимаем три вещи:

Во-первых: *умственное воспитание*.

Во-вторых: *физическое воспитание*, такое, какое дается в гимнастических школах и военными упражнениями.

В-третьих: *техническое обучение*, которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и одновременно дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств» *.

Эта вот постановка вопроса Марксом является чрезвычайно знаменательной. Здесь, разумеется, не говорится о том, что дети должны только работать, а говорится о том, что детский труд должен быть связан с образованием. Как вам известно, мы до сих пор в широком государственном масштабе трудовое воспитание не осуществили. И поэтому все условия, которые благоприятствуют постановке этого вопроса, должны быть нам ясны. Я говорил о тех условиях, которые, по-моему, являются чрезвычайно благоприятными в рамках колхозного движения. Но, конечно, одно колхозное движение этой проблемы разрешить не может. Мы должны подумать о том, как организовать благоприятные условия для развития этого дела. К числу этих благоприятных условий относятся государственное регулирование детского труда, система профессионального отбора, определение детских сил, интересов и способностей и затем установление ценности детского труда. Мы должны бороться со всякой эксплуатацией детского труда, и, с другой стороны, мы должны бороться с детским бездельем. Вот эти две вещи должны быть нами отвергнуты, и мы должны идти по ясному, определенному пути трудового социалистического воспитания.

В следующий раз, товарищи, я буду говорить о том, в какой мере эти принципиальные соображения можно применить к нашей программе. Наша программа, которую мы имеем в настоящее время, является недостаточной, она не удовлетворяет. Мы должны нащупать целый ряд новых форм такого проведения в жизнь хороших программ, которые дадут нам основу для трудового социалистического воспитания детей.

ЛЕКЦИИ ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ

Товарищи, я повторяю вкратце содержание предшествующих лекций.

Я говорил о том, что социалистическое строительство нашей страны создает необходимость разработки государственной системы социалистического воспитания и в то же время создаются в высшей степени благоприятные условия для проведения этой системы в жизнь. Условия эти: плановость, коллективизация хозяйства и быта, уча-

стие [в строительстве социализма] широких масс населения, искоренение эксплуататорских классов в жизни нашей деревни.

Социалистическое воспитание нашей молодежи, говорил я, может быть осуществлено лишь при организации планового коллективного ее участия в социалистическом строительстве. В этих условиях мы можем нашу программу ГУСа, по которой мы работали столько лет, осуществить в полном виде. Но у нас существуют большие препятствия на нашем пути. Одно из препятствий, и, вероятно, главное, — это то, что мы встречаемся в нашей работе с еще очень сильными и серьезными остатками буржуазного воспитания, с которым вступает в борьбу воспитание социалистическое.

Для того чтобы преодолеть все эти трудности, нам необходимо указать на целый ряд широких государственных мер, которые помогут нам эту огромную задачу выполнить.

Во-первых, мы должны организовать государственную систему охраны детского труда. Это нужно обязательно поставить перед собой потому, что наблюдаются и будут наблюдаться многочисленные случаи вовлечения детей в такие виды работы, которые могут быть непосильны для них, и поэтому необходимо установить нормы работы и виды труда, к которым дети могут быть с наибольшей пользой привлечены.

С другой стороны, необходимо, кроме государственного регулирования детского труда, государственной социалистической охраны труда, подумать также и о профессиональном отборе для того, чтобы начиная уже с двенадцатилетнего возраста мы имели бы объективную возможность определить уровень знаний, интересы, силы и способности учеников, с тем чтобы, в конце концов, каждый из этих учеников стоял бы на своем месте в своей последующей социалистической работе.

Затем я указывал на то, что детский производительный труд как основа трудового социалистического воспитания должен цениться. Этот труд не игрушка, это труд, который дети, сообразно своим силам, возможностям, своему интересу, вносят в общие области государственного строительства. Таким образом, мы подойдем к оплате детского труда, но к оплате не единоличной, а к оплате коллективной. Результат детского труда — накопленные

суммы — пойдет на дальнейшее улучшение жизни детского трудового коллектива.

Вот вкратце все, о чем мне приходилось говорить. Теперь я в целом ряде последующих лекций подойду уже к более специальной педагогической задаче. Передо мной стоит главный вопрос. Как надо строить не план социалистического воспитания вообще, а именно местный план социалистического воспитания. Как надо его строить так, чтобы те формы, те виды социалистического труда, которые мы будем организовывать для детей, чтобы они соответствовали местным особенностям, местным нуждам и вытекали бы из этих особенностей, из этих нужд.

Я развивал такую мысль и указывал, что план детской общественной работы в социалистическом строительстве не может явиться обособленной частью от общего хозяйственно-бытового плана, но он должен явиться частью этого хозяйственно-бытового плана.

Таким образом, для того чтобы нам построить наш план работы по социалистическому воспитанию, мы должны прежде всего хорошо ознакомиться с планом хозяйственно-бытовой работы, которая должна вестись в каждом местном районе. Поэтому при разработке этого плана мы должны обратить особое внимание на то место, которое уделяется в нем детскому населению. Разумеется, мы будем применяться к различным детским возрастам, к детским силам и интересам. Мы должны иметь в виду, что у нас детский производительный труд должен быть полон смысла для детей, с одной стороны, а с другой стороны, он должен эмоционально их поднимать. Если же этот труд, который является своеобразной долей участия детей в социалистическом строительстве, будет для детей скучен, то мы, разумеется, не достигнем той цели, которую ставим перед собой.

Вот я дам вам один пример организации такого плана. Возьмем довольно крупный колхоз, который имеет около 3600 гектаров одной пашни, а в общем охватывает 10 тысяч гектаров, со всеми видами земельных угодий. В этом плане мы имеем следующие отрасли хозяйства: молочное дело, куроводство, полеводство, огородничество, садоводство, ягодное дело, токарничество, кирпичное дело. Мы имеем дорожные работы, пожарное дело и всякого рода мелиорации. Общая сумма тех средств, которые должны по нашему плану извлекаться из всех этих

отдельных сельскохозяйственных работ, доходит до 3 миллионов 767 тысяч. Население здесь, в нашем колхозе, около 4 тысяч, включая сюда и нетрудоспособных детей, стариков и инвалидов. В общей сложности мы будем иметь высокоинтенсивное хозяйство, которое будет обслуживаться человеческой силой в размере почти полумиллиона, несколько больше, человеко-дней.

Если сравнить производительность труда тут, в этих новых условиях работы, с тем, что мы имели раньше, и сравнить доходность на одного человека или на одну семью с тем, что мы раньше имели, то у нас получатся такие суммы: в среднем каждое семейство, состоящее из пяти человек, у нас вырабатывало из сельскохозяйственных и кустарных промыслов около тысячи рублей, то есть 200 рублей в среднем на человека. Теперь мы дойдем до того, что на каждое семейство в ближайшие годы получится не менее 1500 рублей. Таким образом, мы увеличиваем в полтора раза производительность сельскохозяйственного труда нашего населения. Благодаря этому будет обеспечено полное содержание детей, инвалидов, женщин, стариков и старух, и затем труд нашего трудового крестьянства будет в значительной мере нормирован.

Но нельзя ограничиться только этим хозяйственным планом и планом использования рабочей силы. Нужно сказать, что уже теперь совершенно ясно для нас, что рабочей силы, которой мы располагаем в нашем районе, для нашей работы не хватает, что мы будем испытывать в ней недостаток, и, понятно, придется все больше и больше думать об использовании машин для сельского хозяйства. Мы, повторяю, не можем ограничиться только этим хозяйственным планом. Мы должны думать и о тех изменениях, которые этот план внесет в самый быт населения.

Что мы здесь имеем? Разумеется, придется строить новые дома, учреждения общественного пользования, как хлебопекарни, столовые, прачечные, бани, придется позаботиться о водопроводе, устраивать клубы, избы-читальни, кооперативы, мастерские, общественно-санитарные учреждения. Затем нужно также подумать об организации театров, концертов, о распространении книг, газет, журналов, нужно подумать о таких [учреждениях], как почта, телеграф, телефон, радио, которые могли бы охватывать все население. Следовательно, в быту мы по-

лучаем общественное обслуживание обыкновенных нужд. Это, конечно, коренным образом ломает тот мелкобуржуазный уклад крестьянской семьи, который мы имели до сих пор.

Но, для того чтобы это осуществить, нам, конечно, придется довольно значительное внимание обратить на детское население. Разумеется, мы должны думать о том, чтобы все дети возраста яслей были бы обеспечены уходом. То же самое, мы должны обеспечить уход за детьми возраста детского сада. Мы должны осуществить всеобщее обучение начальное. Затем мы должны подумать о том, чтобы была поставлена и организована работа по подготовке всех кадров для этого строительства. Следовательно, здесь мы имеем следующее, что для этих изменений, хозяйственного и бытового порядка, мы должны думать и о такой работе, которая могла бы и в смысле техническом, и в смысле организационном, и в смысле культурном удовлетворить все организационные нужды нашего колхоза.

Поэтому я перехожу отсюда к изображению центральных хозяйственных установок. Здесь мы должны иметь: лабораторию для испытания жира в молоке, мы должны иметь большой центральный курятник (предполагаем на 25 тысяч кур), затем опытное поле, затем необходимо устроить парники, организовать садоводство. Необходимо устроить целый ряд питомников, садовых и ягодных. Нужно организовать испытательную станцию строительных материалов, центральный кооператив. Мы должны иметь машинную или тракторную станцию с присоединением дорожных машин и центральные мастерские, которые могли бы обслуживать весь колхоз.

Вот эти учреждения, собранные в одном центре, должны помочь организовать все наше хозяйство. Но этого, конечно, мало. Мы должны подумать, и я уже говорил об этом раньше, относительно кадров. Здесь мы должны иметь: местные курсы для взрослых, для женщин, для молодежи. Курсы по счетоводству, курсы по различным другим специальностям, курсы для организаторов колхозов, технические курсы. Все это мы должны иметь для того, чтобы всю эту массу населения, которая будет работать в нашем колхозе, повышать в смысле ее технической и агрономической квалификации. Но, разумеется, этого тоже мало: надо иметь в виду, что все это, вместе

взятое — и центральные и периферийные учреждения — [должны] усилить темпы своей работы. Отсюда огромное значение агитации и пропаганды. Мы должны иметь центральную библиотеку — стационарную — и ряд передвижек. Необходимо устраивать лекции, читать доклады, организовывать выставки, консультации, справочные бюро. Нужно иметь свой центральный театр, кино, радио, телеграф и почту.

Вот в общей сложности все, что мы должны построить в нашем колхозе. В сущности, те средства, которые будут извлекаться из его хозяйства, то есть около 4 миллионов, могли бы отвечать в значительной степени организации всего этого дела со стороны хозяйственной, со стороны технической, со стороны культурной и со стороны инструктора.

Вот перед нами прошла вся сумма тех основных нужд и запросов, которые возникают при строительстве нового колхоза. Из [этого] мы должны черпать те области работы, которыми должны заниматься дети. Поэтому я и говорю, что план детской общественной работы должен исходить из всех местных, хозяйственно-бытовых планов. Из всех этих планов необходимо сейчас же наметить и известную долю выделить детям. Поэтому дети должны будут работать по хозяйству. Дети должны иметь бытовую работу. Дети должны иметь пропагандистскую работу. Дети должны организовать свой собственный быт. Вот это и есть соответствие плана детской общественной работы с общей работой всего колхоза. Разумеется, все местные силы и средства должны быть при этом учтены.

Вот вы видите, сколько тут учреждений имеется в таком колхозе. Все это учреждения, которые нужны для продвижения вперед колхозной работы. Школа является при такой установке лишь частью всех тех культурных средств, которыми должен располагать колхоз. Поэтому она по своему плану работает не одна, она привлекает все силы и средства населения. При такой конструкции, когда мы исходим из хозяйственно-бытовых нужд населения, когда все вопросы агитации и пропаганды и все возможные культурные учреждения приближены к населению, мы видим, что все население будет иметь доступ к различным курсам, которые будут повышать их квалификацию, заинтересовывать их для различных отраслей знаний и работы. Население будет чрезвычайно заинтере-

совано в том, чтобы, повышая свою техническую и культурную квалификацию, оно в то же время уделяло бы все свои силы и средства воспитательной работе. Поэтому и в области яслей, и в области работы детского сада, и в области работы школы I и II ступени — словом, во всех областях необходимо максимально привлекать силы и средства населения.

Поэтому мы должны дело ставить так, что за проведение этого плана социалистического воспитания в жизнь перед советской общественностью отвечает не только школа, но и все местные советские учреждения и организации, а также, конечно, отвечают и местные колхозные организации. За что же придется отвечать? Во-первых, за плановое расходование средств, за плановую организацию всех тех условий, которые должны быть созданы как наиболее благоприятные для воспитания всей детской массы. Следовательно, население должно организовать контроль за всем этим делом. Разумеется, не одно население взрослых будет принимать в этом участие — мы должны максимально организовать детскую массу, привлекать ее к участию во всех отделах жизни колхоза. Выбирая из этих отделов те части, которые по силам и по средствам детям и которые могут их заинтересовать в данных условиях, мы должны предоставить максимальную инициативу, максимальную активность детской массе. Здесь чем больше будет детской активности, чем больше дети будут участвовать в строительстве колхоза, чем они яснее найдут свою долю участия в этом деле, тем успешнее и плодотворнее будет идти вся наша работа.

Мы считаем, таким образом, что план детской общественной работы является планом хозяйственно-бытовой работы всего колхоза, и дети-общественники должны явиться как раз теми маленькими социалистами, которые, участвуя во всей этой работе, получают социалистическое воспитание.

Вот это для нас является чрезвычайно важным, что основой всего нашего дела является производительный труд, так как он будет регулироваться государством (ведь сельсовет и школа являются государственными учреждениями), так как он будет привлекать интерес, силы и внимание всего населения.

Таким образом, товарищи, совершенно ясно, что мы

имеем в высшей степени благоприятные условия для создания всех форм общественного труда, для создания социалистической школы.

Разбираясь во всех этих вопросах более детально, — сейчас я дал только общую наметку — я сказал бы, что поскольку в различных местах, в различных районах мы имеем разные планы, более или менее сложные (я вам как раз дал более сложный план, могут быть планы более простые), то, естественно, они должны отличаться от того плана, который я вам дал в организации детской работы...

Мы должны поставить дело так, что за это должны отвечать и местные сельсоветы, и школа, и все местное население; дети должны всю эту работу проводить с пониманием смысла того, что они делают. В этом будет заключаться основная суть того воспитания, которое мы даем...

Кроме того, надо еще обратить внимание на то, что еще недостаточно, если дети будут понимать, что они делают; нам надо организовать дело так, чтобы дети обнаружили величайший интерес, величайший подъем ко всем этим видам работы. Вот эта эмоциональная часть работы должна быть нами проведена с особой заботливостью. Здесь изучение детского характера, изучение детской среды, изучение тех условий, при которых всякая работа будет представлять для детей особый интерес, привлечение детской активности, детской инициативы, детского контроля, детской энергии и критики того, что происходит у них перед глазами, — все это должно быть использовано как самое важное педагогическое средство для этой работы.

Разумеется, огромную роль будет играть детское коммунистическое движение как такая форма детской организации, которая сейчас, в данных условиях, получает новый могущественный смысл, могущественные возможности для своего развития. С другой стороны, мы должны еще говорить о тех детских самостоятельных организациях, или, вернее, о самостоятельности детских организаций в колхозе, и о тех формах связи, которые должны существовать между массой взрослых, между руководителями колхоза и между самим населением, принимающим участие в колхозной работе, и детскими организациями. Здесь, конечно, надо стремиться к тому,

чтобы детская масса не была оторвана от массы взрослых. По существу говоря, всякий отрыв создает обособленные настроения, он создает некоторые такие специальные формы работы, которые могут быть нежелательны и вредны. Мы с этим тоже должны бороться во что бы то ни стало.

Таким образом, кроме плана, мы должны обратить особое внимание на то, чтобы представители населения заинтересовались работой или с маленькими детьми, или с детьми среднего возраста, или с детьми старшего возраста и принимали бы участие во всей этой работе, даже и в школьной работе. Чем больше мы будем это делать, тем лучше. Вот это есть новая область работы педагога. Он в новых условиях должен не только работать сам, запершись в четырех стенах школы, или устраивать и проводить с детьми экскурсии, но он должен заинтересовать в этой работе и население колхоза. И везде здесь мы увидим представителей населения, которые чем больше они будут работать, чем больше они будут заинтересованы вопросами культуры, тем большее участие они будут принимать в жизни детской среды, в процессе детского воспитания.

Таким образом, мы подойдем к тому, о чем я говорил вам раньше: к массовой организации социалистического воспитания, к массовому вовлечению в эту новую область работы.

Вот все, что нужно сказать по поводу соотношения между планом колхозного строительства и [нашим] планом воспитания, который мы организуем для детской среды...

Мы остановились на том, как организуется детская общественная работа исходя из местного хозяйственно-бытового плана и какую роль здесь играет школа.

Теперь перед нами стоит ряд вопросов программного порядка. Нам необходимо установить порядок выполнения и организацию этого плана. Конечно, план будет состоять из целого ряда разнообразных работ. Каждая такая работа, которую мы изберем, должна отвечать местным условиям, должна соответствовать детским силам и средствам, должна соответствовать тому и другому возрасту, должна быть интересна, должна быть жизненной и правильно соединенной с моментами учебного характера...

Надо поставить также вопрос: как протекает в этой работе жизнь детей различного возраста, что нужно для ее лучшей организации?

Нужно составить список всех тех задач, в которых школа могла бы принять посильное участие. Затем необходимо распределить эти дела по времени выполнения их в течение года, соответственно возрастным школьным группам. [Школа должна следить] за тем, чтобы ученики сознательно и организовано относились к своей работе, чтобы они могли всю эту работу преодолеть, и [выяснить], какие им для этого нужны навыки и знания. Каждое дело, каждую данную [тему] программы нужно сделать для детей практически приемлемой, понятной и жизненной.

Таким образом, мы имеем по существу программу трудового социалистического воспитания. Если дети известного возраста группируются вокруг школы и проделывают в течение года последовательный ряд доступных, интересных для них работ, являющихся их долей участия в социалистическом строительстве, то тем самым перед нами разворачивается программа трудового социалистического воспитания в данных условиях...

По существу, как необходимо было бы организовать это дело? Ведь каждая работа, в чем бы она ни заключалась, должна быть хорошо подготовлена. Дети должны знать, как эту работу организовать, какие для этого нужны силы и средства, как организовать контроль за этой работой, как учесть результаты этой работы, к чему эта работа привела. И поэтому с точки зрения нашей педагогической практики мы должны подумать о том, что дети должны написать, что дети должны прочесть, что дети должны посчитать, какие опыты мы должны проделать, какие экскурсии провести, какие беседы организовать для того, чтобы то и другое дело, которым дети займутся, было выполнено с максимальным смыслом, с максимальным интересом.

Вот это большая вторая часть нашей программы. Это часть теоретическая. И тут в этой области обычно возникают затруднения. Если мы будем распределять все те дела, всю ту работу, в которой дети будут принимать участие в течение целого года в известной системе, и по каждому из этих дел будем организовывать детскую подготовку, и именно так организовывать, чтобы она была

максимально приспособлена для воспитательных целей, то может получиться такое положение, что дети не получат тех знаний и тех навыков, которые им дают наши учебные систематические программы школ.

Для дальнейшего изложения мы с вами условимся называть каждое из таких общественных дел, которыми дети будут заниматься в общем плане колхозного строительства, проектом*. Дети будут проектировать целый ряд дел, будут к ним готовиться, будут учиться для того, чтобы то или другое дело лучше сделать, и в результате своей подготовки должны получить навыки, во всяком случае, не меньшие, чем те, которыми они располагают в настоящее время. Я бы сказал, что так дело поставить можно. Чем больше мы будем вращаться в социализм, тем больше нам потребуются хорошие знания и хорошие навыки, такие знания и навыки, которые могут быть применены в жизнь и на которые можно опираться.

Поэтому мы здесь должны действительно стоять перед огромной задачей улучшения методов школьного преподавания. То, что мы имеем в настоящее время — грамматические упражнения, арифметические упражнения, которые требуют огромного количества повторных упражнений, проверок и которые наводят только скуку на детей, по-видимому, должно быть коренным образом пересмотрено.

Надо сказать, что эти методы, которые ведут свое начало с давних времен, пожалуй даже со времени средневековья, они слишком узки, слишком односторонни. К примеру говоря, возьмем такое обычное дело, обычную тревогу учителей о том, что мы называем детской неграмотностью. Все учителя страдают оттого, что дети плохо пишут. Каким же образом можно научить их хорошо писать? Писать без ошибок, орфографически правильно? Если мы заставим детей в течение всего года заниматься орфографией и на это тратить все свое время, что происходит и на самом деле, потому что во всех наших школах, по-видимому, не менее 60 процентов всей работы уходит на письмо и ни на что другое, на более полезную и основательную работу, более интересную работу, расширяющую детский кругозор, у нас времени может не хватить.

Правильно ли мы поступаем, когда применяем вот такие слишком уж примитивные, узкие методы обучения

детей? Чтобы ответить на этот вопрос, надо установить ту связь, которая имеется между ошибками, которые делают дети во время процесса письма, с процессом их речи.

В самом деле, мы можем совершенно ясно себе представить, что если ребенок говорит отчетливо, ясно, не торопясь, не глотая слов, то, естественно, он будет лучше писать — в такой мере его грамотность зависит от ясности его речи. Тогда давайте же детей обучать ясной и отчетливой речи! От этого будет уменьшаться и количество ошибок.

Совершенно ясно, что грамотность зависит также в значительной степени от того, как мы читаем. Если мы сумеем научить ребят хорошо, толково читать, так читать, чтобы они смотрели, останавливались, не проходили своим вниманием мимо того, как то или другое слово написано, напечатано, то тем самым опять-таки на грамотности это тоже могло бы отразиться...

[Таковы те] средства, которые можно применить для того, чтобы преодолеть эту огромную по своей сложности задачу — обучение детей правильному письму...

Современные методы, разработанные с педологической стороны, указывают огромную роль интереса в самом процессе детского обучения. Вот этого у нас как раз и нет. Наш способ обучения детей письму, чтению и счету вызывает в ребятах отвращение к таким методам и приемам работы. Каким же образом можно было бы легко овладеть процессом получения элементарной грамотности? Разумеется, для этого мы должны произвести самое радикальное изменение наших основ и методов обучения. Я дальше буду говорить о возможности применения систематических упражнений, а сейчас я перейду к разработке самого проекта.

Я уже говорил вам, какое громадное значение имеет правильная, систематически проведенная организационная работа. И поэтому мы в каждом проекте, который по существу является куском жизни, рабочей жизни маленького человечка, мы должны определить цели работы, должны указать силы и средства, которые потребуются для ее выполнения, мы должны составить план постепенного введения этих сил и средств в работу и распределить нашу работу на ряд отдельных операций. Здесь мы должны определить служебную роль навыков чтения,

письма и счета, опытов, экскурсий и тому подобное, то есть всех процессов этой работы, с тем чтобы ребенок был максимально подготовлен к производству того дела, за которое он берется. Конечно, мы должны также определить служебную роль изучения природы, естествознания, физики, химии и так далее, потому что ребенок должен знать и почему он что-либо делает, и как он должен это делать*. Затем надо указать и на подсобные операции — всякого рода выставки, консультации, беседы и так далее. Затем нужно организовать контроль над этим делом, и отсюда перейти к результатам. В чем же будут заключаться результаты? Результаты будут заключаться в том, что то или другое знание, которое ребенок получает, применяется в жизни, и эту работу мы расцениваем с точки зрения значения для реальной жизни. Ребята, конечно, должны заниматься изучением колхозной жизни. Кроме этого, они должны эту колхозную жизнь изменять в социалистическом направлении. Вот это будет правильной конструкцией проекта...

В каждом проекте мы должны особенно отметить роль детского интереса, детской самостоятельности, инициативы, выдумки, и, наконец, даже самая конструкция проекта может быть изменена детским решением в ту или другую сторону. Разумеется, когда мы говорим о выполнении этого проекта, то мы говорим о групповом, звеньевом выполнении, причем каждый из ребят берет на себя определенно поставленные задания, имеет свою долю в этом общем деле.

Откуда же брать эти проекты, из каких областей? Мы должны иметь такие проекты, которые касаются здоровья и отдыха. Сюда входят игры, физкультура, упражнения, всевозможные игры на воздухе и так далее. Сюда входит всякого рода общественная работа. Затем у нас может быть работа хозяйственная, домашняя, как огородничество, садоводство, полеводство и так далее. Мы будем иметь проекты общественно-организационные: сюда входят перевыборы советов, сельсоветов, Женский день, всевозможные праздники... Затем мы должны обратить внимание на проекты уже другого порядка, поскольку они доступны силам детей. Сюда входят сельскохозяйственные выставки, изобретательство всякого рода, например конструкция [моделей] аэропланов и так далее, многочисленные авиаизобретения, [связанные с] изучением свойств

деревя, металлов, воды, всякого рода проекты хозяйственного порядка.

Затем проекты культурного значения, то есть театр, кино, концерты и так далее.

Вот из этих обширных областей мы будем выбирать отдельные дела, отдельные проекты, которыми будут заниматься дети.

Кто же должен организовать это дело, сгруппировать вокруг себя все детское колхозное население? Кто, в сущности говоря, выдвигает эти проекты? Конечно, мы можем поставить дело так, что целый ряд проектов выдвигается колхозным правлением. Правление колхоза говорит, что нужно такие-то части работы сделать, и это сделать могут дети. Например, работа в области питомника — общественное дело. Работа по созданию цветника, работа по ягодным кустарникам и так далее. Это работа, которую могут сделать дети. Правление колхоза это выдвигает, или, может быть, население колхоза на общем собрании выдвигает этот проект. Школа должна следить за тем, чтобы интересы детей не пострадали от этого проекта, и учитель, поскольку он является человеком весьма компетентным в этом вопросе колхозного строительства и организации детского быта, может очень много помочь. Опять-таки, я скажу, что очень важно, чтобы в этом проекте принимали участие не только учителя, школа, но и вся масса населения, потому что ведь в проведении его будут участвовать не только дети, не только учителя, но и само население. Дети, бесспорно, — мы должны это всячески поощрять — должны быть инициаторами целого ряда проектов. Они будут вносить известные изменения в те основные планы, которые мы ставим. И в этом нет никакой беды. Чем больше самостоятельности, тем лучше, потому что в этом будет проявляться детская сознательность по отношению к целому ряду общественных дел. Пускай дети вносят свои предложения, свои проекты, пускай они будут несколько своеобразными. Здесь опять-таки беды никакой нет. Мы должны приучать их к использованию их собственной инициативы, мы должны привлекать их к интересам нашего социалистического строительства.

По всей вероятности, довольно много будет детских проектов технического характера, характера изобретательства. Вероятно, очень много будет дано игр, спорта

и так далее. Что же за беда! Детская масса и ее организация жизни от этого только выиграют.

Весьма серьезное внимание мы должны также обратить на самое оборудование школы и школьных участков. Это имеет очень большое значение...

Как известно, самая система проектов выросла на американской почве. Все известные системы или методы проектов — это системы американские, и это совершенно понятно почему. Американцы — трезвые, деловые люди, и поэтому они ценят сильно выраженную детскую инициативу и самостоятельность. Вот почему все системы и методы проектов укрепились на американской почве. Но надо иметь в виду, что американская постановка этого дела в значительной степени отличается от нашей.

Мы с вами все время не выходим из круга общественной работы. А ведь американцы так дело не ставят. Американцы не говорят ни об общественной работе в школе, ни о социалистических проектах. Они говорят каждый о своем собственном проекте. Для американца важно, чтобы ребенок владел доступными ему силами и средствами, для того чтобы он в будущем мог успешно выполнять свою работу, чтобы он был настоящим практическим деловым американцем, чтобы он знал, как защищать свою собственность.

Таким образом, американская система — это насквозь буржуазная система, и благодаря этому она служит прекрасным средством для укрепления буржуазной американской школы. В американских школах учительство тоже, конечно, должно воспитывать собственников. И эта самая система проектов еще в большей степени укрепляет эту тенденцию собственничества. Поэтому в американских проектах имеются религиозные темы, историко-национальные темы, военные темы, темы, одобряющие буржуазный строй. Этого, конечно, мы не имеем...

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ

Разрешите, товарищи, сделать вывод из материала вчерашней лекции. Я говорил о том, какой план работы с детьми органически вытекает из плана хозяйства и быта в строительстве колхозов, чтобы построить свой педагогический план, учитывающий характер и ориентирующий в нуждах своего района. Из этого нужно сделать,

понятно, вывод, что работа по социалистическому воспитанию ни в какой степени не может идти хорошо, если учитель основательно не ориентируется в нуждах своего района. Я говорил о том, что план разбивается на ряд проектов...

Теперь мы должны разобраться во всех этих вопросах более серьезно. Я прошу вас записать основные положения сегодняшней лекции.

1) Проекты, то есть случаи участия детей в социалистическом строительстве, должны быть связаны с основательным пониманием смысла, условий и организации труда.

2) Школьные знания, навыки, то есть грамота, счет, естествознание, обществоведение, в проектной системе являются средствами подготовки к выполнению жизненной работы школьного коллектива.

3) Работа по проекту должна возбуждать в детях интерес, подъем к работе, тягу к знаниям и к участию в строительстве новых общественных форм жизни.

Эти три положения я и постараюсь разобрать в сегодняшней лекции. Я считаю, что они имеют очень большой практический интерес. Как сделать, во-первых, чтобы все случаи участия детей в общественной работе были бы им понятны, [во-вторых], чтобы мы могли воспользоваться нашим учением как средством подготовки к выполнению жизненной работы, и, в-третьих, [как] возбуждать у детей интерес и подъем к работе.

Это все ставит перед нами целый ряд практических задач. Во-первых, что значит понимать смысл работы в современном ее значении? Это значит — понимать ее общественное значение. Еще Маркс говорил о том, что до сего времени [философы] изучали мир, а ведь вопрос заключается не только в том, как изучать мир, а как его переделать *. Поэтому, когда мы хотим понять смысл какой-нибудь работы, связанной, разумеется, с социалистическим строительством, то мы должны видеть этот смысл в социалистической переделке окружающих условий. И вот в этой переделке и должны участвовать дети, и в этом и заключается смысл их работы. После того как они проделали какую-то работу, какой-то маленький шаг в сторону осуществления социалистического порядка должен быть ими осознан. Но, кроме того, чтобы понимать смысл, дети должны понимать и условия. Что это зна-

чит — понимать условия работы? Это значит — понимать те силы и средства, те возможности, то время, которое потребуется на работу; ведь работа-то ведется не вообще, а именно в данных условиях, с данным количеством сил, возможностей и времени. Не взять на себя непосильной работы или не сделать работу, которая никому не нужна, которая не имеет общественного значения и смысла, и употребить для этой работы все потребные для этого силы и средства — вот что значит понимать условия работы. Затем дальше мы ставим и понимание самой организации. Что же здесь мы должны подразумевать под пониманием организации? Необходимо нам думать о плане, о распределении сил для работы, о контроле, учете и о том, чтобы результат нашей работы был возможно более конкретным. Что же значит выполнение всех этих трех требований: [понимание] смысла, условий и организации работы? Практически это значит, что мы ребят начинаем социалистически воспитывать...

Предположим, мы обучаем детей счету. Очень хорошо. Кончают дети школу, выходят в жизнь с хорошим умением считать. Но можем ли мы согласиться с тем употреблением, которое они сделают из этого умения считать, а вдруг они станут обсчитывать, а это пахнет эксплуатацией. Понимание того, для чего мы занимаемся с ребятами счетом, какое из этого нужно сделать употребление, в высшей степени важно. Бывали случаи, которые говорят о том, как важно понимать условия. Однажды в детской колонии* собралась группа ребят, которые заявили, что они желают взяться за разработку целины для нового огорода. Группа человек в двенадцать взялась за это дело, устроила совещание, на котором выработали порядок работы, и с невероятным воодушевлением за эту работу принялась. Когда я смотрел, как эта работа производится, я констатировал, что дети до такой степени увлечены работой, что не идут обедать и работают подряд шесть часов. Я должен был сказать, что это не годится, что условия, которые они поставили для своей работы, ими не продуманы, и нужно [было] мне употребить большие усилия, чтобы эту работу распределить на более длительное время. Что же ценного получится, если дети в начале работы будут приниматься за нее с величайшим энтузиазмом, который потом начнет ослабевать, и работа, в конце концов, может сойти на нет. Это зна-

чит, что условия, план, средства и время, необходимые для работы, не обдуманы. В этой работе есть одно только воодушевление, но нет плана работы.

Мы сейчас будем вплотную подходить к вопросу оборудования нашей работы, которая связана с пришкольными участками. Чем мы там будем заниматься? Вот тут-то мы должны вспомнить те основания, которые я развивал перед вами, когда говорил о плане колхозной работы. Предположим, в нем стоит огородничество, садоводство, ягодное дело; пришкольный участок должен обслуживать некоторые стороны этого хозяйства. Почему детям не поручить уход за садом? Если мы так дело поставим, то окажется, что руками детей, работающих на пришкольном участке, будет выполняться известная часть колхозной работы, но доступная, интересная и понятная детям.

Нам нужно говорить о такой организации детской работы, которая является частью работы колхоза, такой частью, которая сильна, интересна, доступна детям, но она должна быть серьезной. В результате этой работы, если дети работают на парниках, например, должен быть выращен [урожай], который нужен для общественных огородов. Работа эта сравнительно нетрудная. Понятно, взрослые должны помогать этой работе, но, во всяком случае, эта работа должна быть ответственной.

Очень важное значение мы должны придавать постановке вопроса о месте школьных знаний и навыков. Они являются средством подготовки к выполнению в жизни работы, но здесь чрезвычайно много возникает вопросов методического порядка... Обычно [мы придаем] огромное значение длительным, повторным упражнениям. Для чего? Для того чтобы выработать автоматизм. «Столбики», бесконечное списывание в тетрадки, механическое чтение должны выработать автоматизм. Но мы должны сказать, что выработка автоматических движений, к которым приводят наши обычные методы, является вообще чрезвычайно вредной для правильного воспитания*. Научная постановка этого вопроса такова, что всякое движение должно регулироваться сознанием; дело, по-видимому, только в быстроте и точности работы сознания по отношению к тем или другим движениям: письмо, счет, решение задач, экскурсии, опыты и так далее. Мы ни в коем случае не можем согласиться с тем, что обычные жизнен-

ные движения будут выполняться механическим путем, без участия сознания. Надо иметь в виду, что мы требуем колоссального количества времени, чтобы научить детей читать, и писать, и считать, что результаты нашей работы очень незначительны, что для этого требуется огромное время и мы постоянно жалуемся на его недостаток; и это указывает на то, что у нас производится громадная лишняя затрата мозговой и мускульной энергии.

В конечном итоге мы должны стать перед очень серьезной задачей коренной переработки методов элементарного преподавания. Эта задача научная, она влечет за собой постановку новых методических проблем. Эта работа сейчас Наркомпросом начата, и я полагаю, что мы с этим вопросом вполне справимся. Я не останавливаюсь на этом вопросе более подробно, в дальнейшем изложении я вернусь еще к этой задаче, но, во всяком случае, моя задача — показать вам, что в этой области нам необходимо не останавливаться на том, что мы сейчас имеем, а переходить к другим, более совершенным, интересным, рентабельным и экономным способам обучения.

Здесь придется говорить не только о чтении, письме и счете вообще; нам нужно поставить перед собой совершенно ясный вопрос о наших способах обучать детей умению работать. Мы, к сожалению, только и поворим о том, чтобы дети в результате нашего процесса обучения получали те или другие точные знания или навыки, но мы совершенно не задумываемся о том, в какой мере мы приучаем детей основательно работать. То, что я говорил до сих пор, — план, организация, учет и контроль сил и средств — в сущности и есть все те средства, при помощи которых мы должны будем обучать детей умению работать. Мы удовлетворяемся результатом, тем, что ребенок знает, но как он сделал эту работу, в какое время: утром, вечером или днем, как он это время распределял, в какое он вошел соглашение относительно совместной работы, с чего он начал и чем кончил, какими пользовался приемами организационными и техническими? Этому мы детей очень мало обучаем.

Поэтому вопрос идет не только о том, чтобы выработать новые методические приемы обучения письму и счету, но вообще надо поставить вопрос о коренной задаче — мы должны обучать детей умению работать. А с этой точки зрения и все наши обычные педагогические

процессы должны быть пересмотрены; мы должны пересмотреть и наши обычные приемы: вопросы — ответы, объяснения, мы должны пересмотреть вопрос о диктантах, чтении книг и так далее. Одним словом, по всем линиям придется нам пересмотреть методику обучения под углом зрения этого основного требования — обучать детей умению работать.

На что я еще обращаю ваше внимание и чем я закончу сегодняшнюю лекцию — это то, что работа по проекту должна возбуждать в детях интерес и подъем, тягу к знанию и участию в строительстве новых общественных форм жизни. В самом деле, если мы ставили раньше перед собой вопрос, чем можно детей заинтересовать, увлечь, благодаря чему они начнут с большой охотой работать, если раньше мы ставили вопрос так, что нужно возбуждать чувство соревнования, конкуренции, устраивали поощрения, наказания, вывешивали имена отличных учеников на золотую доску и так далее, то теперь надо говорить о новых побудительных причинах к интересу в работе, и социалистическое строительство ставит перед нами чрезвычайно серьезные требования. Если наши дети будут участвовать в нашем новом строительстве из-под палки, с неохотой, если мы должны будем принуждать их к этому делу, если самое строительство во всем его разнообразии и богатстве для них не будет привлекательным, если это не будет сопровождаться эмоциональными [переживаниями], то мы сделаем плохое дело...

Следовательно, мы должны сделать вывод, что каждое дело, за которое ученик берется, должно быть окрашено в такой эмоциональный цвет, чтобы мы достигли максимального интереса, чтобы ребята были в этом глубочайшим образом заинтересованы. Работа должна вестись с большим воодушевлением, подъемом. И только такой путь для нас приемлем. И я думаю, что новая школа и самая обстановка социалистического строительства дадут нам для этого полную возможность.

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ

Товарищи, я перехожу к изложению ряда проектов, на которые я уже раньше обращал ваше внимание. Эти проекты являются способами организации участия детей в социалистическом строительстве. Так как сейчас при-

ближается весеннее время, то я сегодня разверну перед вами разработку так называемых весенних проектов. Часть из этих проектов является проектами бытовыми, а другая часть — проектами хозяйственными.

Прошу вас записать схему планирования проекта:

- а) Цель проекта.
- б) Силы и средства.
- в) Учебный материал.
- г) Контроль и учет.
- д) Результаты работы.

Первый проект: помощь детским яслям весной. Что для этого нужно сделать, чтобы осуществить этот проект? Во-первых, нужно переписать всех детей ясельного возраста в деревне. Для того чтобы это сделать, необходимо разбить [учащихся] на отдельные звенья, каждому звену дать известное количество домов, предложить им переписать всех детей ясельного возраста, с тем чтобы спросить и родителей, которые согласны помещать своих детей в ясли.

Во-вторых, после этого нужно подать список и заявление в сельсовет с просьбой открыть ясли. Список и заявление нужно написать хорошо и четко. Нужно, чтобы ребята научились сами обращаться в сельсовет и добиваться результатов своего обращения.

Эти предварительные работы должны повести к тому, чтобы перед ребятами встал следующий вопрос: каким образом происходит уход за маленькими детьми днем, как они умываются, как они пользуются ложкой, миской, как они сидят, кто за ними присматривает днем, какие недостатки ухода за маленькими детьми днем. Для этого надо сделать об этом доклад, который может быть написан, а может быть сделан и словесно. Дети, собравши материал со всей деревни относительно того, как ухаживают днем за маленькими детьми, обсуждают этот уход, наводят критику на этот уход и результаты своего обсуждения записывают в виде маленького протокола, а затем составляют свой собственный план работы.

Во-первых, им придется делать игрушки. Мы предполагаем, что каждая школа должна своевременно обзавестись так называемым трудовым уголком. В этом уголке должны находиться материалы, из которых ребята могли бы что-нибудь сделать, должен быть несложный запас инструментов. Этими инструментами мы вообще пред-

полагаем в Наркомпросе снабжать школы, предварительно составив список для каждой отдельной школы. С другой стороны, было бы очень хорошо, если бы сама школа позаботилась о том, чтобы те инструменты, которые имеются у населения на руках, могли бы быть исправлены и отправлены в школу. Школа уже даст им настоящее употребление.

В этом трудовом уголке дети должны заняться производством игрушек для маленьких ребят: колясок, тележек, граблей, лопат, простых строительных материалов, песочных ящиков. Все эти игрушки должны быть предназначены для детских яслей.

Затем — подготовка палисадника для игр. Это место должно быть ровным, должно быть освещено солнцем, должно быть сухим; и поэтому выбор такого места является делом вовсе не таким простым. Тут есть многое, о чем надо подумать: главным образом надо подумать о том, какие условия должны быть благоприятны для ухода за маленькими детьми. Это место нужно расчистить, нужно устроить скамеечки, столики, положить доски, которые можно было бы раздобыть у населения. Можно будет туда принести ряд палочек или веток. Таким образом палисадник для детских яслей может быть подготовлен. Но этого, конечно, недостаточно. Необходимо подготовить своими собственными силами оборудование, то есть полочки, вешалки, сетки для мячей, нашить платочки, пеленки, нагрудники, полотенца...

Нужно подготовить некоторые игры и песни, которыми следует пользоваться для занятий в этих яслях. Мы предполагаем, чтобы в этих яслях были не только взрослые руководители, не только представители населения, которые для этой цели будут обучены, но и сами дети будут налаживать дежурство, в котором они будут помогать детям [ясельного возраста] играть, петь песни...

Вот ряд тех работ, которые связаны с организацией яслей весной. Если мы спросим, каково же воспитательное значение этой работы для школы, то, во-первых, — это общественная работа детей.

Эта работа связана с освобождением женщины. Женщина в колхозах, конечно, должна переходить от труда домашнего, в чем бы он ни выражался, в данном случае — в уходе за детьми, к труду общественному. Силы ее нужны для более ответственной, хозяйственной работы.

И поэтому освобождение женщины не только в [этой] области, но и во всех других областях является очень важной общественной работой. Дети на это обращают внимание, они ходят по избам, составляют списки желающих поместить своих детей в ясли, готовят плакаты, агитируют, пропагандируют и, в конце концов, добиваются известных результатов.

Во-вторых, нужно перед детьми поставить вопрос о том, какое значение для здоровья ребят имеет правильный уход за ними, в особенности летом. Если мы на эту сторону обращаем внимание, то, разумеется, мы дадим ребятам целый ряд заданий, связанных с уходом за маленькими детьми, связанных с правильным учетом целого ряда условий, как, например, тепла, воздуха, света, которые так или иначе влияют на здоровье. Если ребята раньше проходили в одной из своих тем вопросы о здоровье, то они своей работой могут проверить очень многое на практике. Участвуя в этой работе, они сами делают игрушки, они устраивают палисадник для игр, они готовят оборудование, они обращаются за помощью к взрослым, готовят песни, игры, участвуют в регистрации маленького населения, посещающего ясли. Очевидно, тут им придется и прочесть, и пописать, и посчитать, и поработать, главное — поработать организованно. Придется все это дело организовать и добиться определенного толку. Хорошо детям сообщить данные о распространении яслей и уголков для детей. О том, что в связи с колхозным движением ясли, очевидно, будут распространяться, — об этом не стоит говорить: об этом все, разумеется, должны знать и знают.

Сколько времени продлится работа по такому проекту? Она продлится несколько дней, может быть, даже две декады. Это не значит, что дети будут заниматься этим вопросом каждый день всецело, нет; это значит, что дети будут известное количество времени уделять этой работе.

Для вас может показаться очень важным, как дети будут к этой работе относиться. Я считаю, что на эту сторону дела нужно обратить чрезвычайно серьезное внимание, на то, чтобы детям было весело и интересно эту работу проделывать. Вот если мы вспомним, какой каторжный труд для ребят в деревне ухаживать за маленькими детьми и какой веселый и интересный труд —

коллективный труд по-новому, который для них появится в связи с подготовкой к яслям, то, конечно, вы увидите, что мы можем добиться большого подъема, большого интереса у ребят к этой общественной работе.

Рядом с этим проектом можно [наметить] и другой проект, хозяйственный, вот хотя бы подготовка огорода для яслей. Что для этого нужно сделать? Во-первых, выбрать место, подготовить инвентарь и хранить этот инвентарь. Надо обсудить, почему это место удобно, каковы свойства почвы; относительно инвентаря нужно подумать, какие орудия будут удобны для того, чтобы там можно было работать. Все это должно быть заранее подготовлено и продумано. Затем в плане работы должна пойти заготовка удобрений, то есть золы и в особенности птичьего помета как такого удобрения, которым ребята могут воспользоваться чрезвычайно легко. Нужно рассказать, для чего нужно удобрение, какое оно имеет значение, для чего мы удобряем главным образом золой или навозом. Все это дети должны обсудить. Кроме этого, речь пойдет о самой обработке почвы. Что значит рыхлая почва или плотная почва, какое она имеет значение для того или другого вида растений. Это входит в курс нашего теоретического обучения. Затем ребята должны заготовить семена огородных растений. Можно заготавливать самые простые растения: морковь, репу, свеклу, салат, лук, редиску, бобы, капусту, но можно постараться достать и такие огородные растения, которые в данных условиях являются новыми. Это чрезвычайно важно, и для этого необходимо, чтобы дети могли заранее познакомиться с тем, что такое семенной каталог, откуда его выписать. Таким образом, можно было бы заранее заготовить соответствующие интересные для нас виды растений и подготовить их к посеву, воспользовавшись для этого теми инструкциями, которые даются в каталоге. Также нужно иметь наготове адреса тех учреждений, которые заготавливают семена. Дальше нужно разбить участок на грядки. Это уже более сложный вопрос в связи с тем, что эта работа уже более трудного типа, то есть нужно вспахать. Дети вспахать не могут. Надо, чтобы дети обратились организованно в сельсовет или в колхоз с просьбой вспахать огород для такой цели. В колхозе это будет особенно просто сделать, потому что всегда колхозы будут иметь свободных лошадей и могут назна-

чить кого-нибудь из членов колхоза для производства этой работы. Это очень важно потому, чтобы мы могли осуществить самый важный, с моей точки зрения, принцип: во всех работах необходимо привлекать интересы, силы и внимание населения. Население должно поддерживать работу. Не должно быть ни одного детского проекта, который не был бы известен населению и которому население в той или другой степени не помогло бы. В особенности это чрезвычайно удобно может быть сделано в колхозе.

Когда школа вспахала участок и обработала [его], она может сеять растения. Тут нужно составить план этого огорода, где нужно что сеять, сколько и какую площадь нужно отвести на каждый из отдельных видов овощей. Так как эта работа для детских яслей, то нужно перед тем узнать, какие виды овощей наиболее подходящи для ясельного возраста, затем нужно установить соотношение между количеством ребят и количеством тех культур, которые могут быть выращены на этом огороде. [Далее] идет посадка или посев овощей или растений. Совершенно ясно, что тут приходится думать об организации примитивного парника, для того чтобы можно было бы приготовить семена к ранней выгонке. Это очень важно, и здесь придется иметь под руками довольно большое количество материала, чтобы сообщить и разъяснить ребятам принцип ранней выгонки овощей. Очень хорошо было бы, если бы мы могли воспользоваться парником или маленьким ящиком, где можно было бы выращивать рассаду для овощей.

Затем идет постоянный уход за огородом, который имеет очень большое значение, потому что уход за огородом — это значит главным образом борьба с вредителями, которые страшно сильно нападают на маленькое, не окрепшее еще растение.

Вот два проекта, которые связаны друг с другом и которые могут занять очень большое место в школьной жизни. Опять-таки повторяю, что это не значит, что проект будет выполнен в течение двух-трех дней. Это значит, что в течение известного времени, изо дня в день известное количество часов или минут определяется как раз на это дело...

Третья работа, на которую я хотел бы обратить ваше внимание, — это работа с сорняками. Можно взять для

маленьких детей первой и второй группы работу не с полевыми сорняками, а работу с огородными сорняками. Для этой цели работа должна быть поставлена так. Необходимо обследовать огород для выяснения того, какие сорные растения там преобладают. Затем необходимо это сорное растение посеять и наблюдать за его развитием. Можно даже выделить это растение в отдельный ящик для того, чтобы можно было в дальнейшем наблюдать за его ростом. Особенно необходимо отметить, насколько быстро растут сорные растения по сравнению с растениями культурными. Необходимо дальше поставить некоторые опыты для выяснения того, как распространяются сорняки и как культурные растения обнаруживают большую слабость в борьбе с сорняками. Здесь нужно сравнивать быстроту роста сорняковых и культурных растений, а затем надо уже подойти к практической работе, то есть к полке простой и с употреблением простейших технических орудий, к рассадке, пикировке огородных растений и так далее.

Таким образом, совершенно ясно, что дети должны прийти к такому выводу, что без участия человека трудно вырастить культурное растение и что задачи, которые преследует человек, состоят именно в том, чтобы или от корней, или от стебля, или от плода получить наиболее высокий результат. К этому сводятся и на это тратятся все силы растения, и поэтому у него не остается для борьбы с вредителями никаких возможностей. Без помощи человека, само по себе, огородное растение бороться не может.

Затем дальше идет вопрос о том, о чем я уже говорил раньше: организация работы по полке и контроль за выполнением этой работы. Последнее — это учет результатов. Я эту работу назвал работой весеннего порядка, потому что, хотя эта работа будет вестись летом, тем не менее весной нужно добиться известных результатов, чтобы, в конце концов, пригласить представителей от колхоза, для того чтобы они могли убедиться в том, как реальна и нужна работа по организации огорода для яслей.

Следующая, товарищи, работа, о которой можно сейчас говорить, — это работа по куроводству. Нужно сказать, что мы, по всей вероятности, будем организовывать эту работу в колхозах. Для того чтобы эту работу поставить, нужно организовать учет носкости кур.

Дети снимают яйца у наседок. Это, конечно, дети-колхозники (об этом я дальше не буду упоминать). Нужно научить детей отмечать свежесть яиц путем отметки на яйцах даты. Нужно написать число и месяц, когда яйцо взято. Дальше идет рациональное кормление путем использования опыта рационального куроводства. Должна быть книжка о рациональном куроводстве. Она должна быть детьми изучена. Нужно кормить кур в известном порядке, нужно записать самый порядок их кормления на листочках.

Затем нужно поставить уход за молодняком и так далее. Все это, конечно, будет наиболее примитивная работа по куроводству для младших групп. В дальнейшем, при наличии благоприятных условий, необходимо проделывать все более и более сложную работу, например отбор наиболее носких кур путем устройства контрольных гнезд. Если мы имеем непрерывный учебный год, то есть такой год, который продолжается и весной, и летом, то можно организовать и опытный школьный курятник, куда можно будет помещать кур, и на первое время все внимание сосредоточить на навыках практического рационального хозяйства по куроводству. Сами затраты на это дело сравнительно небольшие. В особенности если мы будем работать в летнее время. Здесь, собственно, нужно установить постоянный внимательный уход. Дети должны уметь планировать отдельные моменты, как например борьбу с хищниками. Надо уметь устроить различные силки для хищников, и, наконец, последнее, надо подумать о самом необходимом: общественном учете этой работы. Следить за этой работой не только при школьном курятнике, но следить вообще, по всему колхозу. Нужно дать детям в этом необходимые навыки, нужно научиться делать расчеты. Тут нужно уметь рассчитать, сколько потребуется корму для кур, сколько потребуется сил и средств для устройства курятника и для устройства кормушки. Затем можно вносить те или другие изменения. При благоприятных условиях работы и при правильной постановке вопросов, связанных с куроводством, мы можем достигнуть очень хороших результатов, потому что эта работа требует большой точности. Я лично знаю пример, когда дети, которые принялись за эту работу с громадным интересом и вниманием, в результате до-

стигли того, что в их колхозе были совершенно выбракованы все куры, которые оказались неноскими и ненужными для хозяйства и которые только зря съедали корм.

При помощи школы удалось поставить вопрос о массовом рациональном кормлении кур. Дети высчитали, сколько убытка приносит курица при плохой постановке хозяйства. Оказалось, что в нашей местности, где мы не имеем дешевого корма для кур, курица в среднем приносит около рубля убытку в год. Затем дети высчитали, какое количество убытку имеется во всей волости, имея в виду, что всего-навсего у нас оказалось 17 тысяч кур. Если население поймет, какие крупные убытки приносят неноские курицы в целом ряде колхозов, то тем самым дети могут подтолкнуть население к тому, чтобы заняться этим делом серьезно. В сущности говоря, это такая область работы, где школа может сделать очень много.

Здесь также может быть работа теоретическая, работа по учету питательности того или другого сорта кормов, работа по изучению рентабельности содержания тех или других кур, работа по плановому устройству хотя бы самого элементарного курятника. Такая работа даст возможность развить теоретическую сторону этого вопроса.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ

Товарищи, я демонстрирую перед вами сейчас один из проектов, который реально проведен в деревенской школе и который подвергся весьма значительной методической проработке. Это школа Михайловская Малоярославецкого уезда; она взялась за дошкольный подход. Работа по уходу за маленькими детьми, как известно, занимает много времени. При всех наших школах было бы в высшей степени важно устроить эту работу, которая бы привела в конечном итоге к установлению большей заботливости школы о детях, которые там учатся, и по отношению к малышам, живущим в колхозах. Этот проект, разработанный для второй группы и проведенный реально, называется «Устроим уголок здоровья малышам». Цель такая: во-первых, уход за здоровьем, затем необходимо приучить ребят

к порядку, разумеется, конечно, маленьких ребят. Каковы условия работы? Работа в школе проходит в классной комнате, которая служит помещением для школьных занятий, для красного уголка деревни и залом для проведения некоторых игр. В классной обстановке имеется 12 старинных парт, один стол, один шкаф для учебных пособий, который частично используется для обслуживания передвижки-библиотеки красного уголка, этажерка, где кладется детский материал: тетради, книги, рисунки. Все простенки заняты объявлениями и плакатами красного уголка. Учебных пособий для проведения данного проекта достаточно. У учителя на руках одна группа в 23 человека (вторая группа), другая — в 7 человек (четвертая группа), которая характеризуется таким образом: три девочки и четыре мальчика; из них два мальчика — батраки-подпаски, которые пришли в школу с большим опозданием (они переростки). Они являются особенно трудными ребятами.

Занятия, связанные с физическим трудом, экскурсией, прогулкой, дети очень любят. Они охотно дежурят по столовой, по классу, охотно выполняют общественные небольшие поручения: разнести повестки, собрать дошкольников и другие. Каков же объем знаний, которые эта группа должна получить в процессе проработки проекта? По естествознанию — все элементарные сведения, о которых идет речь в нашей гусовской программе для второй группы. По арифметике приходится повторить меры длины, познакомить детей с мерами веса, продолжать изучение таблицы умножения и дать детям упражнения на четыре действия в пределах сотни. Наряду с этим имеется ряд грамматических занятий. Они касаются (это я говорю в порядке текущей работы, которую школа проводит) правильного написания «о» и «а», безударных, «е» безударного, «ь» — как знака мягкости согласных, «я», «ю» как знаков мягкости согласных, «чу, щу, ча, ща, жи, ши». Наряду с этим — повторение и закрепление пройденных навыков. Вся эта работа по арифметике, грамматике, естествознанию идет на том материале, который может дать данный проект. Затем работа с книгой. Здесь необходимо дать ребятам такие навыки, как умение найти название книги или автора, узнать количество страниц в книге, цену книги, уметь найти нужный материал в книге по оглав-

лению, познакомиться с отделами книги, научить детей разбирать и использовать поставленные вопросы в конце рассказа, стихотворения, повести и тому подобное. Затем необходимо проработать санитарно-гигиенические правила пользования книгой: книгу не перелистывать пальцами, побывшими во рту, не кушать во время чтения и тому подобное. Затем идет чтение. Здесь надо обратить внимание на пунктуацию. Затем необходимо приблизить чтение по возможности к выразительному чтению и бороться с недостатками в речи (шепелявость, картавость, нечистое произношение).

На проработку и навыки в день идет около двух с половиной часов. Учитель, конечно, должен подготовиться. Он подбирает материал. Есть книга товарища Варушкина «Первая помощь»*. [Учитель] намечает такие статьи: «За обедом», «Наши школьные обеды», «Гигиена питания», «Что делается с пищей, которую мы едим», «Правила при еде», «Язык и зубы», «Как Ваня испортил свои зубы». Этот материал подбирается учителем, прорабатывается, о чем шла речь. Прорабатывается отдел «Кости».

В книге «Здоровая смена» И. Бобыниной* есть рассказ «Как сидеть на парте», в книге «Новая деревня»* имеется статья, подходящая для этой цели. Она называется «Общественная баня в новой деревне» и «Как вести себя после бани». В той же книге Варушкина, о которой я говорил раньше, есть статьи: «Наша кожа дышит», «Как Ваня болел чесоткой», «О чем говорил наш доктор». В «Школе и деревне»* (часть вторая) надо прочитать «Наши правила дома» или «В избе» Демидова из «Новой деревни» (часть вторая). Из всех этих материалов выделяют вопросы для самостоятельной проработки. Дети самостоятельно измеряют рост, приготавливают плакаты и пишут сочинения, например на такие темы: 1) «Нравится ли мне у нас в избе, а если нет, то почему не нравится», 2) «Что говорили дома, когда я повесил плакат о здоровье», 3) «Как я сплю», 4) «Проработка вопроса «Уход за зубами», 5) «Изготовление вещей для санитарного обслуживания малышей», 6) «Подготовка к родительскому собранию».

Форма детской организации. Занятия идут групповым порядком, за исключением выделенных выше вопросов для самостоятельной проработки. Работают

ребята по два-три человека. Есть некоторые ребята, которые работают самостоятельно.

Дозировка работ. На беседы — десять занятий, читки учителя — десять занятий, зарисовки — пять занятий, экскурсии — одно занятие, занятий по труду — три, проведение опытов — три занятия, подведение итогов — два занятия и самостоятельные вопросы, проводимые детьми, — семь занятий. Вся тема прорабатывается в течение 25 дней.

Форма учета проработки. Здесь мы имеем краткие записи, которые делают ребята во время своей работы, затем коллективные сочинения, индивидуальные сочинения, зарисовки, плакаты, таблички, диаграммы и задачки, которые решают дети дома.

Товарищи, есть целый ряд примеров детской работы на эту тему. Тема, как я говорил раньше, «Устроим уголки здоровья малышам». План: 1) [Узнаем] о здоровье человека. 2) Наметим вопросы к собранию родителей малышей. 3) Расскажем родителям об охране здоровья малышей. 4) Предложим родителям устроить домашний уголок для своего малыша. 5) Поможем родителям устроить детские уголки дома.

Меркулова Тоня пишет: «Что я расскажу родителям малышей»

Я расскажу, как нужно маленьких вывозить на воздух, один час с ними погулять — и домой. Долго не надо с ними гулять, а то они могут застыть. Гулять можно в хорошую погоду два-три часа, а в плохую один час.

Тихонова Шура. «Что я расскажу на родительском собрании».

Я расскажу, как нужно спать малышам. Надо спать на отдельной постели, а если будешь спать вместе с родителями, то как-то душно, и если кто заразный, то и ты заразишься, а надо спать на отдельной постели, на отдельной подушке; если будешь так спать, то тогда хорошо будет, и не заразишься, и будешь здоровой.

Ямщиков Паша. «Что я расскажу родителям малышей».

Я расскажу, как нужно держать уголок здоровья: надо отдельное полотенце, зубную щетку, мыло, чашку.

Мы скажем родителям, чтобы они делали для дошкольников уголки, а мы будем помогать.

Кузьмичева Шура. «Что я расскажу родителям малышей».

Я расскажу, как надо мыть руки, шею. Надо мыть руки для того, чтобы не грязнились, а потом, чтобы не заразиться от них, и когда ешь, если руки грязные, то можно заразиться.

Кузьмичев Вася. «Что я расскажу родителям малышей».

Я расскажу, как надо есть, надо есть в меру, надо есть вовремя. За едой надо сидеть тихо, надо разжевывать пищу, а то желудок не будет принимать неразжеванные куски.

Тихонова Шура. «Что говорили дома, когда принесла плакаты».

Я принесла бумаги из школы, а вечером делала плакаты. Мне папенька принес стол, и я писала два плаката: первый «Мой руки, уши, шею», второй «Ешь молча». А на другой день я их повесила к уголку, а потом мы сели чай пить, а Миша как закричит, а мамка сказала: «Зачем ты кричишь, вон Шурка плакаты повесила: «Ешь молча», а бабушка говорит: «Ишь какой плакат, уж покричать нельзя».

Тихонова Шура. «Нравится ли мне у нас дома, если нет, то почему не нравится».

Мне дома нравится. У нас там цветы и половики, на окнах занавески, а в другой избе мне не нравится, потому что там грязно: в углу стол, у кровати занавеси нет, на печке валенки валяются.

Ребята второй группы составили альбом, имеющий отношение к этой теме. В альбом они писали о том, что они хотят сделать для маленьких детей. Вот это сочинение.

ЧТО МЫ ХОТИМ СДЕЛАТЬ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ

Коллективное сочинение

С первого декабря мы начнем в школе обедать. А мы не знаем хорошенько, как надо питаться, чтобы быть здоровыми. Вот мы и решили учить про питание.

Когда мы все изучим, мы будем готовить завтраки для малышей, детей, которые будут приходить к нам в День дошкольника.

Вот тут-то возникает вопрос: откуда нам достать деньги на завтраки? Немного денег нам дадут учителя. Еще мы хотим устроить кукольный театр и сделать платную постановку. Еще мы попросим у красного уголка и напишем письмо в землячество.

ПИСЬМО В СОВЕТ КРАСНОГО УГОЛКА

от учеников четвертой группы
Михайловской школы

З а я в л е н и е

Товарищи, мы хотим для дошкольников устраивать завтраки, а денег у нас нет. Мы просим вас помочь нам: дайте нам денег, сколько можете.

ПИСЬМО В ЗЕМЛЯЧЕСТВО

Здравствуйтесь, дорогие земляки!

Просим вас помочь в нашей нужде. Мы взялись проводить все время с дошкольниками. Мы им взялись готовить завтраки и с ними играть. Играть-то мы взялись, а у нас игрушек-то нету.

Просим вас прислать два мячика и компоту. Фрукты им очень полезны. Шлем все привет.

*Макарова Стеня
Белякина Кланя*

ЧТО НАДО, ЧТОБЫ СВАРИТЬ КИСЕЛЬ

В пятницу дежурить мне и Макаровой.

Мы должны купить:

1 кг песку	65 коп.
500 г картофельной муки	43 коп.
1 кг клюквы	42 коп.
1 кастрюлю	4 руб. 05 коп.
Итого:	5 руб. 55 коп.

Нам надо узнать, как готовить кисель. Мы спросим у Александры Абрамовны...

Дальше организация подготовки завтраков. [Ученики пишут об этом так:]

1. Какие продукты детям полезны?

Детям полезны молоко, яйца, мясо, компот, белый хлеб, лапша, сахар, овощи, какао.

2. Какие продукты мы можем достать в нашем кооперативе?

Мы можем достать мясо, компот, белый хлеб, лапшу, сахар, яблоки, клюкву, картофельную муку, капусту, а молока мы достать не можем. Молоко будем доставать весной.

3. Какие кушанья мы можем готовить из этих продуктов?

Мы можем готовить из этих продуктов лапшу, щи, клюквенный кисель, компот, суп, чай с булкой, котлеты.

Затем идет расписание, кто с кем будет готовить.

Вы видите, товарищи, что здесь речь идет о такой работе, которую полезно всякой школе проводить. Проект достаточно простой и жизненно необходимый. Во время проведения этого проекта получается целый ряд потребностей: написать, сосчитать, выполнить то или иное поручение, организовать работу, составить расписание, нарисовать плакат и пропагандировать в своих семьях вопросы здоровья малышей, готовиться к родительскому собранию и обсуждать полученные результаты в классе.

Все это связывает, с одной стороны, то, что ребята делают в школе, с тем, что приходится делать в колхозе. Дети являются в одно и то же время и учениками, и общественными работниками. Целый ряд детских сочинений, которые я перечислил, был разработан учителем с точки зрения упражнений, которые нужно было как раз в это время делать. [Ряд упражнений] детям приходится делать в виде вычислений. Из чего эти вычисления состоят? Эти вычисления состоят в вычислении стоимости различных видов пищи. Все это записывается, сопоставляется в различных табличках, диаграммах, и все это является [учебным] материалом. Потом учитель вместе с детьми упражняется в счете.

Затем чрезвычайно большое значение имеют вопросы не только практические: как готовить пищу, как варить

овоши, какое количество давать картофельной муки для киселя, но в самой организации работы. Здесь дети разбиваются на отдельные звенья. Каждое звено имеет свою особую собственную работу. Но оно не может ограничиваться только работой своей собственной группы... Четвертая группа занимается больше общественно-организационными делами, и затем фактически она берет на себя варку пищи при школьной кухне. А что касается доставки продуктов, подготовки помещения, то в этом деле старшим ребятам помогает вторая группа.

С этой точки зрения проект имеет то преимущество, что здесь мы можем давать ту или иную работу для всех групп. Дело заключается в том, что это — жизненный проект, он может захватить четыре группы ребят, они делают общее дело.

КОЛХОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ

В сегодняшней лекции я буду говорить об общих условиях строительства колхозов и того участия, которое принимает учитель в этом строительстве, затем я затрону вопрос о работе учителя в разнообразных формах жизни колхозов. Во-первых, я буду говорить о таких колхозах, которые еще только начинаются, в которых должна производиться подготовительная работа, а во-вторых, затрону вопрос о работе учителя в том колхозе, который уже организовался.

Товарищи, вы работаете в деревне, встречаетесь ежедневно с крестьянами и крестьянками, которые в настоящее время имеют то или другое отношение к колхозному движению, видите нужды деревни и те трудности, которые приходится ей переживать, разрешая вопросы нового колхозного строительства. Конечно, то, что есть, нас удовлетворить не может. В жизни нашей деревни сохранилось еще огромное количество неизжитого наследия прежнего времени. И всякий из нас, деревенских работников, должен поставить перед собой вопрос, в какой мере он участвует в этой работе по возрождению деревни, то есть в какой мере он принимает участие в строительстве колхозов. Это участие у нас, учителей, идет по двум путям: с одной стороны, мы работаем в наших школах, мы помогаем созданию будущих кадров молодежи, которые с большим, конечно, успехом, чем их отцы и матери, смогут работать над общественным строительством

деревни; но, с другой стороны, мы все-таки чувствуем, что этого мало, и поэтому употребляем все усилия для того, чтобы сделать наши школы общественными, чтобы к интересам той важной жизненной задачи, которую мы себе ставим в школах, привлечь и все деревенское население. Воспитывать детей мы можем только с участием крестьянства. Отдельные наши усилия в этом отношении дадут небольшой результат. Но, поскольку мы должны принимать участие в строительстве деревни, работая над воспитанием детей, мы, конечно, должны стать общественниками. Мы люди, которые должны поддерживать ростки культуры в деревне, люди, которые хорошо умеют читать, выписывают газеты, следят за общественной жизнью нашей страны, и нам прежде всего надлежит тщательным образом воспитать общественное широкое умение разбираться в общих вопросах и поддерживать то новое, свежее, что возникает в деревенской среде. К сожалению, эта работа в нашей среде еще недостаточная, и нужны моменты, которые обладают значительной остротой, чтобы мы могли почувствовать, какая же на нашей культурной работе лежит огромная общественная ответственность. Вот какой момент подошел в настоящее время. Этот момент — колхозное строительство.

Товарищи, для всех ясно, что мы придаем колоссальное значение колхозному движению. Мы должны поставить это движение в такие рамки, чтобы оно развивалось правильно, устойчиво, поэтому, товарищи, нужна серьезная подготовка, и готовиться мы должны все. Поэтому учителю нужно внимательно изучать, все время изучать, следить за ходом, за развитием колхозного движения и его поддерживать. Почему нам нужно это делать? Потому что оно вносит в наше хозяйство и в нашу общественную жизнь чрезвычайно много нового, оно радикально изменяет эту самую жизнь. Конечно, товарищи, мы все должны согласиться с тем, что уже теперь в связи с колхозным движением мы начинаем видеть огромный подъем сельского хозяйства. Во-вторых, колхозное движение вносит коренную переделку в быт, и, наконец, ликвидируется та распыленность, та неопределенность, та хаотичность среды, в которой нам приходится работать, — наступает пора, когда мы будем работать в среде организованной.

Колхозное движение может развиваться только как плановое движение. Поэтому единство цели и перспектив, к которым мы идем, является неперенным условием успеха колхозного движения. Мы видим, что у наших крестьян расширяются горизонты. Мы видим, что в деревню вместе с колхозным движением начинают проникать новые элементы, лучшие элементы рабочего класса, которые должны работать в деревне. Одним словом, мы наблюдаем массовую заинтересованность в этом деле и уже имеем порядочный опыт, опыт тех культпоходов, которые возрастают в чрезвычайно сильной степени в связи с колхозным движением. Эти культпоходы начинают развиваться уже не ведомственным путем, как раньше, а именно путем массового вовлечения широких масс в культурную работу, как нельзя больше дающую нам в руки правильные организационные пути новой культурной работы.

Что мы видим в колхозном движении? Огромное повышение потребности в культуре во всех ее видах. Понятно, что эта работа грандиозная, что она сопряжена с колоссальной борьбой. И вот в полосу борьбы за новую культуру мы в настоящее время и вступаем. С одной стороны, товарищи, нам приходится создавать, участвовать в созидательной работе, с другой — нам приходится и бороться. С чем же нам приходится бороться и придется бороться? Во-первых, с колоссальным наследием прошлого. Во-вторых, мы переживаем острейшую классовую борьбу, и рядом с этой борьбой, рядом с этим идет положительная часть — мы в то же время обучаемся строительству социализма.

Надо, товарищи, отметить те специфические условия, в которых приходится работать учителю. Конечно, мы переживаем острые моменты в общественной жизни... В этом заключается значительное своеобразие его положения. Он ближе всех работников соприкасается в области культуры и со старым, и с новым. Разумеется, товарищи, что ему трудно, разумеется, ему нужно помочь; но чем помочь?

Во-первых, товарищи, надо сказать, что если раньше мы могли считать неправильным положение какого-нибудь культурного работника, а в том числе учителя, в стороне от политики, то теперь нам нужно определенно сказать, что всякий просвещенец должен стоять за нашу

советскую культуру... Если он стоит ни «за», ни «против», а стоит в стороне, то мы считаем, что он стоит против нас: он помогает чуждым элементам бороться против нас. Сегодня совет, который мы можем дать просвещенцу, — указать на правильное отношение к просвещенческой работе. Вот как об этом говорил Ленин: «... сотни тысяч учителей — это есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками...» *

Какую работу двигать? Конечно, ту работу, которую мы должны организовать в колоссальном масштабе, работу по колхозному движению. Какую мысль мы должны будить? О строительстве новой жизни, о строительстве социализма. С чем мы должны бороться? Со всеми враждебными силами, которые будут мешать.

[В «Страничках из дневника»] Ленин говорит, что нужна систематическая работа над всесторонней подготовкой учителя к его действительно высокому званию и к улучшению его материального положения.* Для всего этого надо бороться, чтобы учителя поставить в достойное его положение. Вот, товарищи, на что мы должны обратить внимание. Для того чтобы учитель в колхозе мог работать плодотворно, для этого он должен быть политически грамотным, и не только политически грамотным, но и политически хорошо образованным.

Мы должны дать основной совет массовым просвещенцам: товарищи, беритесь за политическое образование, без этого вы не разберетесь в тех хозяйственных условиях работы, в которых вам придется работать. Я когда посещал колхозы, то обращал внимание на работу учителя, спрашивал крестьян: «Что делает у вас школа и что она делала раньше?» Мне говорили так: «Раньше учитель у нас вел большую общественную работу, вникал во все, помогал нам на селе, а теперь он стоит как будто бы в стороне, как будто бы не знает, к чему ему подойти» ...

Раньше деревня, как таковая, не чувствовала себя каким-то организмом, деревня состояла из ряда отдельных единиц, каждая из которых ставила себе отдельную задачу. Сейчас мы видим другое: весь огромный коллектив, который состоит из деревенского населения, ставит себе общую задачу; это громадная разница. Раз такая задача поставлена перед людьми, то они, разумеется,

быстро растут и перерастают прежнего культурного человека. Положение культурного человека, от которого раньше требовалось так много сил для работы в деревне, если он только не сумел ориентироваться достаточно быстро в новом положении, общественном положении деревни, его положение будет довольно трагическим, и нельзя, товарищи, допускать до этого. Необходимо над собой произвести весьма серьезную работу, чтобы миновать эту весьма трагическую полосу в жизни учителя-работника.

Мы стоим перед такими формами работы учителя. Во-первых, перед отдельными формами его работы в том колхозе, который еще не организовался. Это всегда бывает в тех местах, которые мы называем районами случайных колхозов, где нет сплошной коллективизации. Здесь вы видите известное брожение, известное присматривание, обсуждение того, насколько та или другая форма, которую несет за собой колхозное движение, может быть усвоена крестьянами. Идут горячие споры «за» и «против» колхозов.

В чем же может тут выявиться работа учителя? Во-первых, он должен знать, что вся деревня, в буквальной степени каждая изба, ставит перед собой вопрос об общественном и единоличном хозяйстве. Каждый гражданин, так сказать, сопоставляет формы единоличного хозяйства, взвешивает «за» и «против» — тут касаются вопросов труда, времени, результатов и т. д. Здесь в эту основную работу вложены все его силы, и, понятно, необходимо в это дело учителю вмешаться и что-то нужно сделать. Конечно, надо ставить дело так, чтобы перевес был к интересам обобществленного хозяйства. Каким образом это можно сделать? Разумеется, нужно иметь в руках разнообразные данные. Читая газеты, имея под рукой ту или другую сельскохозяйственную литературу современного типа, необходимо помочь разобраться в этих вопросах: вопросах обобществленного и единоличного труда, в вопросах экономии времени и в результатах. Если учитель будет все время ставить перед населением эти вопросы, если совершенно ясно будет для населения, что он сам стоит за обобществленное хозяйство, то он может растолковать правильно разницу между обобществленным и единоличным хозяйством и [покажет] невыгодность единоличного хозяйства; а там,

конечно, мы имеем чрезвычайно много таких сторон, которые слишком бросаются в глаза. Например, возьмите домашнее хозяйство, труд женщины, который требует около 40 процентов всего времени на это ничтожное домашнее хозяйство. Возьмите вы продуктивность молочной коровы, которая в среднем дает 75 пудов молока в год, возьмите работу лошади, которая в среднем работает около 75 дней в году, а остальное время она стоит. Возьмите два единоличных хозяйства рядом, у каждого из которых имеется лошадь; само собой разумеется, что одна лошадь могла бы обслужить два хозяйства; заметьте, какое количество простоев наблюдается у этой лошади, и вы можете многое сделать в этой области и подтолкнуть крестьянскую мысль на то, чтобы вопросами обобществленного хозяйства [крестьянин] заинтересовался.

Затем дальше, вы можете принять весьма большое участие в критике тех порядков, которые имеются в деревне. Неправда ли, вам известно, что крестьяне, когда обсуждают свои порядки, приходят к такому убеждению: «Разве что-нибудь у нас хорошо сделаешь? Разве с нашим народом справишься?» Откуда это неудовольствие порядком? Оно исходит из того противоречивого положения, в котором находится частное хозяйство или жизнь в деревне. Разумеется, единоличное хозяйство в чрезвычайно сильной степени мешает какой-нибудь упорядоченной постановке общественной работы, общественной жизни. Возьмите деревенские сходы, на которых никогда быстро нельзя ни до чего договориться. Возьмите всякие общественные работы, которые там идут кое-как, и вы увидите, что эта сторона там хромает и вызывает такое неудовольствие. Между тем, крестьяне не любят беспорядка, [крестьянин] большой любитель порядка, поэтому он так ненавидит свое общественное устройство, которое никогда в деревне не может навести никакого порядка. Таким образом, эта сторона — одна из таких сторон, которая должна быть усвоена учителем, и здесь он может сделать очень много.

С другой стороны, один из таких основных недостатков единоличного хозяйства, который мешает ему, если только не эксплуатировать других, сделать какие-нибудь заметные успехи, заключается в том, что его [единоличника] хозяйство не подвергается никакому контролю.

Вы знаете, что если прийти с этим в деревенскую избу, то вы встретите к себе враждебное отношение. Вся живность, запасы — все это заботливо охраняется от внешнего взора. Вы можете подойти к этому вопросу в часы вашей внешкольной работы. Очень часто, когда мы занимались общественной [работой] школы, мы организовывали такие группы ребят, которые ходили по домам и описывали, что там делается. Поэтому я считаю, что выведение этого быта из темных углов наружу, обсуждение публичное тех условий, в которых живет та или другая семья, хотя бы тех условий, в которых живут дети, — это является очень важным делом.

Затем необходимо участвовать в налаживании общественного контроля над жизнью и работой деревни. В области санитарии мы провели довольно много работ, в области бытовой, в области общественных развлечений и так далее. Таким образом постоянно можете давать соответствующие толчки к тому, чтобы общественное мнение деревни шло понемножку к общественной культуре. У вас может быть довольно много в руках материалов из жизни, из литературы, из газет, вы можете участвовать в диспутах, спорах; если вы испытываете недостаток в литературе, вам необходимо установить связь с местными политпросветскими учреждениями. Они имеют довольно хороший запас текущей литературы, который вам может в значительной степени помочь, потому что эта литература распространяется через избы-читальни, красные уголки и тому подобное. Эту... политпросветработу вам нужно соединить с санитарией, агрономией и так далее, чтобы эту работу проводить более успешно...

Вот, товарищи, то, что я мог коротко сказать относительно работы учителя по подготовке колхоза. Здесь надо иметь в виду, что, пока не организовался колхоз, придется встретиться с очень большими проявлениями классовой борьбы. Учителю надо чрезвычайно серьезно разбираться в этих условиях при создании колхоза, потому что классовая борьба ведется с кулаком, при строительстве колхозов встречаемся с недоумением середняка по поводу колхозов, и колебание их в ту или другую сторону — это обыкновенная вещь. Здесь удивляться нечему. Нужно хладнокровно подходить к этому вопросу и разбираться в том, какие круги деревни могут

быть активными в области работы колхозов. Необходимо содействовать организации групп активистов, которые возьмут на себя ведение дела. Когда мы строили колхозы раньше, то стремились, чтобы как можно больше вошло крестьян в строительство колхозов; мы делали одну большую ошибку, что мы не опирались на те основные группы, которые могли бы взять руководство этим делом,— это группа маломощных крестьян и бедняков; отслаивания этих групп от остальной, более зажиточной части, и особенно кулацкой части, у нас не было. Руководящее ядро, конечно, должно быть. Поскольку мы употребляем все усилия, чтобы это руководящее ядро окрепло, мы уже видим, что дело создания колхозов стоит на верном пути. Мимо этих вопросов: классовой борьбы в деревне, общего значения колхозов — мы ни в коем случае проходить не можем. От правильной ориентировки учителя в этих вопросах зависит и успех его [работы].

Товарищи, нужно иметь в виду основное: как бы деревня ни восставала против колхозов на первых порах, какие негодующие замечания ни раздавались бы по поводу всяких разговоров о колхозах, вы имейте в виду, что эти возражения имеют разнообразный характер: одни возражения злостные, которые направлены к тому, чтобы колхозное движение сорвать, но другие попросту спрашивают, и так остро спрашивают, что вы могли бы дать действительно обстоятельный ответ; если вы только приглядитесь к тому, что говорят в деревне, какие разнообразные мнения по поводу многого волнуют их, вы можете, разобравшись в этом, подойти хладнокровно к разрешению вопросов, связанных с колхозным движением. Сейчас мы имеем большой материал, целый ряд книг, брошюр и газетных статей, которые все больше появляются, все больше разъясняют эту основную проблему, и я считаю, что вы могли бы оказать помощь в этом деле, и тогда учитель не будет плестись в хвосте колхозного движения и не будет спрашивать беспомощно: «Что мне делать и какое отношение я должен проявить к колхозам?», а будет он уже участвовать в самой той головке, которая ведет колхозное движение вперед.

Теперь, товарищи, я перехожу к работе учителя уже в колхозе, который организован... Если раньше нужно

было заниматься подготовкой, пропагандой, то здесь уже идет речь о помощи, о поддержке. Надо иметь в виду, товарищи, что Центральный Комитет партии устанавливает весьма важное значение сельского учителя в колхозе*. Он говорит о том, что хотя нужно строго руководствоваться правилом о недопущении в колхозы кулаков, лишенцев и тому подобное, но можно допустить изъятие из этого правила для тех семей, в составе которых имеются преданные Советской власти красноармейцы, красные партизаны, краснофлотцы, сельские учителя и учительницы, при условии их поручительства за членов своей семьи. Видите, товарищи, в какой степени партия доверяет нашему массовому сельскому учителю. Поэтому я считаю, что необходимо учителю осознать свою роль в колхозном движении. Разумеется, они [учителя] должны являться прямыми помощниками партии и Советской власти в этом деле.

Если колхоз организовался, то у него выявляется целый ряд работ, в которых нужно помочь. Во-первых, план. Нужно помочь своевременному появлению на свет этого плана приближением агрономов-специалистов, которые могли бы этот план составить. Затем необходимо распределение работ на основании этого плана. Здесь, понятно, надо уметь сговориться с агрономом, и в особенности важно, чтобы все это дело было проведено своевременно.

Затем, огромная забота всякого колхоза — это постановка счетоводства. Правильное решение вопроса заключается в том, чтобы учитель, ориентирующийся и обучающийся даже счетоводству, мог бы помогать этому делу.

Далее, огромное значение для правильности работы колхозов имеют правила внутреннего распорядка: распределение труда, установление дежурств, назначение на те или иные должности, затем оплата труда. Все это такие практические вопросы, от которых чрезвычайно многое зависит. Здесь, понятно, учителю нужно принимать серьезное участие. Все нужды колхозов, все новые заботы в связи с семенами, орудиями, инструментами, лошадьми, с устройством новых помещений для скота — все это, вместе взятое, должно также заботить учителя, как и всякого рядового члена партии,

колхоза. Было бы весьма хорошо, если бы учитель вошел в состав правления колхоза, причем я рекомендовал бы ему больше всего заниматься контролем и ревизионной частью. Это, так сказать, часть хозяйственно-экономическая. Но есть еще другая область. Если в первой области принимают участие все колхозники — это их прямое дело, здесь они практически работают, то другая часть требует гораздо большей помощи со стороны учителя. Известно, как только колхоз окреп, он начинает ставить перед членами вопрос о новом быте. Тут возникают громадные культурные запросы. И тут нужна в новом человеке, который мог бы помочь разобраться, поставить новые формы быта, — это очень важная отрасль работы.

В какой последовательности идут общественные запросы? Нужно иметь в виду, что всякая рационализация быта, в особенности колхозов, направлена к тому, чтобы сберегать силы и средства. Если в колхозе возникает вопрос об общественной кухне, прачечной — все это такие вопросы, которые затрагивают всех, которые вызывают сомнение: хватит ли средств на постройки? Но, в сущности говоря, интерес к ним проявляется чрезвычайно большой. В дальнейшем идет речь об общих жилищах. Если колхоз имеет уже достаточную материальную базу, мы можем поставить вопрос о снабжении водой, об упорядочении пожарного дела и об электрическом освещении. Совершенно ясно, товарищи, поскольку люди принялись за новое хозяйство и ведут это хозяйство каким-то порядком, то сейчас же появляются вопросы нового быта. Затем громадное значение здесь имеет правильная постановка кооперативной работы, снабжающая колхозы разнообразными продуктами. На эту сторону придется обратить большое внимание. И нужно постараться, чтобы лица, которые заведуют этими кооперативами, были на должной высоте. Будут ставиться вопросы и об организации общих мастерских. Все это такие практические вопросы, которые незаметно, нечувствительно ставят быт на новые рельсы и переделывают его весьма и весьма радикально. Затем постепенно, как только организовался колхоз, появляются запросы на устройство библиотек, читален, на организацию красных уголков, заводится стенгазета, ищут помещение для клуба. Во всем этом учитель может

пользоваться бóльшим успехом, чем в хозяйственных делах. Ставится вопрос о кино, театре. Затем в дальнейшем идет вопрос о правильном функционировании почты и телеграфа. Все это такие боевые вопросы, которые возникают в связи с организацией колхозов и принимают все большую окраску. Я не буду здесь много говорить о том, что в связи с организацией колхоза должен быть поставлен и вопрос о ликвидации неграмотности. Но если учитель сам берется за ликвидацию неграмотности, то использование его сил в достаточной степени нецелесообразно. Я приведу пример: один учитель на собрании говорил о том, что в течение месяца ликвидировал неграмотность 80 человек. А когда их оказалось в колхозе 400, то [стало ясно, что] его работа была плохой. Нужно было не самому заниматься работой, а нужно было содействовать, чтобы произошла перепись грамотных и чтобы грамотные взяли на себя обучение неграмотных. А дело учителя — вовремя уметь получить книжки, перья, бумагу, инструктировать новых учителей, проверять их работу и проверять учеников. Если бы работа была поставлена так, то ликвидация неграмотности 400 человек была бы более легким делом, чем та задача, за которую взялись, стараясь ликвидировать неграмотность сами. В этой области нужно изменить самый характер организации работы учителя. Раз он культурный человек, а по отношению к деревне он будет считаться высококультурным человеком, он должен приниматься за новые формы [организации]: должен собирать актив, его инструктировать и делать так, чтобы огромное количество рядовых членов колхозов принимали участие в той или другой культурной работе. Этому надо научиться.

Затем возникает еще целый ряд других вопросов. Если идет разговор о колхозах, то, во-первых, возникает вопрос об освобождении женщин в колхозах от домашнего хозяйства; я уже говорил обо всех учреждениях, освобождающих женщину от тяжести домашнего хозяйства: это устройство общественных учреждений, о которых мы говорили, — столовых, бань, прачечных. Мы должны смотреть за тем, чтобы в каждом колхозе были организованы ясли и детские сады. Маленькие дети больше всего связывают взрослых, в особенности женщин. Поэтому организация на колхозные средства яс-

лей, хотя бы на первое время летних, и детских садов с тем чтобы с женщины снять тяготы по уходу за ребятами,— это задача чрезвычайно важная. Опять здесь надо поступить не так, чтобы учитель или его товарищи взялись сами за устройство этого дела,— так ставить дела нельзя,— а нужно выбрать актив из местного населения, предложить самим этим делом заняться. Тут нужно провести большую организационную работу, пригласить врачей, специалиста-дошкольника, который имеется по-соседству, чтобы специалист-дошкольник или врач могли разъяснить, как это дело ставить. Нужно предложить колхозам послать известное количество своих членов на курсы. Мне кажется, что эта группа работ имеет колоссальное значение.

Относительно школы я уже говорил во всех предшествующих лекциях... Школьное хозяйство не отделяется от колхоза. Школа может брать [на себя] проведение некоторых дней ухода за скотом, наблюдение за санитарией, за ссыпкой семян, за протравлением, за очисткой этих семян и целый ряд других дел по колхозному движению, и плюс к этому работу на школьном участке, который является частью школьного хозяйства. Там будут питомники, сады и целый ряд таких дел, которые будут показательны детям. За этим школа должна установить тщательный надзор. Разумеется, в колхозах мы имеем дело с пионерами и с комсомольской организацией. Здесь, поскольку целый ряд задач ответственной работы мы ставим отчетливо, мне кажется, что на долю пионеров и комсомола выпадает бóльшая и более благодарная задача, чем те задачи, которые они выполняли раньше. Они действительно должны стать руководителями детского движения, стать во главе этого детского движения. Это может оказать большую помощь не только колхозам, своей организации, но и может оказать помощь самим себе. При таких условиях, когда пионеры и комсомольцы принимают большое участие в строительстве колхоза, они будут иметь возможность воспитывать по-настоящему. Учителю придется думать о создании детского списка бригады по выполнению тех или других [работ]. Необходимо, чтобы эта работа была поставлена детьми, но чтобы она заботливым образом регулировалась.

Нужно еще указать на одну сторону, мимо которой учитель проходить не может. Нужно, чтобы в колхозе был единый план, чтобы средства, которые тратятся на разнообразные стороны, на обслуживание культурно-бытовых нужд, которые, в сущности, идут из широких источников добровольных шефских обществ и тому подобное, чтобы эти средства собирались в единую кассу, и тогда единый план колхоза можно весьма легко осуществить. Если мы будем иметь разбросанные источники, эти средства будут расходоваться без плана и соответствующей организации, то толку не получится.

Кроме того, товарищи, нужно думать еще об одном. Все те культурные силы, которые мы имеем в колхозе, включая сюда технический, агрономический, медицинский персонал, красноармейцев, местных служащих, комсомол, пионеров, чтобы они работали в рамках одной и той же организации. Единство сил имеет также огромное значение. Мы имеем даже название такой организации. Мы называем ее штабом культурной революции в колхозах, включающим в себя представителей отдельных видов работы, которые на территории колхоза действуют, чтобы они могли работать по общему плану, имели право распоряжаться общими средствами. Вот, товарищи, это чрезвычайно важная вещь.

В сущности говоря, мы имеем новую организацию народного образования, которая выходит из состояния ведомственного к массовым формам. Ведь штаб культурной революции должен строить свою [деятельность], чтобы все население втягивалось в культурную работу...

Далее, чтобы вся эта работа могла быть проделана, конечно, придется устраивать совещания, конференции, всякие собрания, придется думать о выставках, о праздниках, об устройстве демонстраций и проведении кампаний. Это необходимо тоже вводить в план. Все эти способы общественно-делового общения между людьми имеют громадный смысл: они перемешивают людей друг с другом — люди обмениваются опытом, и чем больше, тем лучше. И в конце концов, можно будет достигнуть такого единения сил, которое скажется чрезвычайно сильно на производительности труда в колхозах и производительности хозяйства колхозов. Нужно иметь в виду эти бытовые стороны и организационные подхо-

ды, о которых я упоминал: единение сил и средств штаба культурной революции, постоянный обмен своими силами и средствами и опытом среди членов колхоза являются чрезвычайно важной задачей. Тут учителю можно предложить большую и серьезную работу...

Мы будем иметь при таких условиях нового учителя. Учитель будет перевоспитываться сам. Я твердо убежден, что при такой постановке вопроса мы достигнем того, что у нас школьная работа, школьные программы и школьные методы в значительной степени будут изменены. [Учителя] будут заниматься тем, чтобы детей обучать, и будут содействовать в высшей степени сильному расцвету и широкому размаху колхозного движения.

К этому мы должны стремиться в нашей дальнейшей работе, которую мы обязаны взять на себя.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ НОВЫХ ПРОГРАММ

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

В настоящее время мы в нашем общественном строительстве переходим на новые формы работы. Наша страна строит социализм, и строит его как совершенно конкретное дело, быстрыми темпами и на фабриках, и на заводах, и в деревне. Эта работа далеко не легка. Приходится за нее чрезвычайно упорно бороться. Бороться приходится со всей вековой отсталостью нашей страны, с нашей непривычкой организованно работать, бороться приходится с политическими противниками, которые все свое внимание направляют на то, чтобы нам не дать построить новые формы государственной жизни. Таким образом, в борьбе и тяжких усилиях протекает эта работа. И понятно, что рабочий класс, который строит новую государственную систему, не может не думать о том, чтобы эта работа была в дальнейшем закреплена, т. е. рабочий класс должен думать о том, кто придет к нему на смену. Вопрос о кадрах, вопрос о подготовке новых строителей социализма, является вопросом коренным в нашей современной работе. Отсюда ясно, какое громадное значение мы придаем воспитанию именно в настоящее время, когда мы строим социализм как серьезное практическое дело. Отсюда можно понять, почему вопросами воспитания сейчас занялись широкие массы трудящихся. Прежде всего надо создавать условия для нового воспитания. Это новое воспитание должно резко

отличаться от старых, привычных нам форм. Это новое воспитание — воспитание социалистическое, и всякий человек, всякий педагог, всякий общественный работник, который интересуется вопросами воспитания (а в настоящее время никто не может стоять в стороне от этих интересов), должен разбираться в двух основных вопросах: что такое то воспитание, которое мы получили в наследство, и что такое то воспитание, которое мы должны организовать в настоящее время.

Таким образом, перед всеми практическими работниками стоят две задачи. Одна задача — разобраться в старом наследстве. Для чего? Для того чтобы нащупать правильные средства борьбы с ним, вторая задача — создать новые формы воспитания, воспитания социалистического.

Когда мы говорим о социалистическом воспитании, мы связываем его с социалистическим переустройством нашей страны, а следовательно, мы должны знать, какое громадное значение имеют в этом строительстве план, порядок, техника, убежденность в правильности нашего пути, подъем, с которым должна производиться всякая общественная работа, и, наконец, та большая социальная борьба, среди которой нам приходится вести нашу работу.

Мы должны понять, какое значение имеет принцип подчинения всех сил одной задаче. Школа является, конечно, лишь частью этой работы. Массы строят социализм. Массы строят те условия, которые являются новыми благоприятными условиями для социалистического воспитания.

Для того чтобы организовать социалистическое воспитание, надо прежде всего, чтобы каждый человек, а следовательно и ребенок, принимал участие в социалистическом строительстве. Мы должны построить наше дело так, чтобы гарантировать детям это участие в социалистическом строительстве, участие в доступной, понятной и интересной для них форме.

Если раньше считали, что школа является единственным местом, где люди обучаются и воспитываются, то сейчас мы должны устанавливать другие точки зрения. Школа [проводит часть] огромной воспитательной работы, которую массы проделывают и над собой, и над своими детьми. Существует школа или нет — все равно

процесс воспитания и процесс социалистического воспитания происходят, потому что каждый работник, серьезно затронутый общественными делами, не может стоять в стороне от вопросов воспитания, которые связаны, конечно, с вопросами о закреплении новой работы на долгое время.

Если школьная организация является частью огромной, широкой воспитательной работы, то и программа является лишь частью этого плана работы школы. И вот с этой точки зрения необходимо рассматривать все программы, которые сейчас выпущены Наркомпросом*. В сущности говоря, эти программы являются программами воспитания нашей молодежи первой ступени, именно программами социалистического воспитания нашей молодежи.

Социалистическое воспитание — дело, которое должно глубоко интересовать массу, строящую социализм. Мы должны так строить свою работу, чтобы никогда этой основной установки не упускать из нашего виду. Таким образом, наша программа должна быть рассмотрена с точки зрения тех принципов, на которых она строилась. Эти принципы мы постарались отразить в каждой теме, на которые разбивается наша программа.

Прежде всего необходимо указать на некоторые основные теоретические предпосылки, которые должны лечь в основу этого анализа программы.

Во вступительной записке к программе приведены две цитаты: одна — Маркса, другая — Энгельса.

Маркс говорит: «Мы имеем ... дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»*.

Если мы эти слова Маркса применим к нашим условиям, то мы должны сказать, что то общество, которое нас в настоящее время окружает, вышло из капиталистического общества. Поэтому мы имеем дело с огромными наслоениями на всем том новым, что несет наша революция, наслоениями старого строя во всех отношениях: в экономике, в нравственном и умственном отношении.

Вот это отражение старого общества, старых привы-

чек, старых навыков мы постоянно видим в поступках и мнениях не только взрослых людей, но и детей.

Следовательно, мы не можем рассматривать ребенка, приходящего в школу, так, как будто бы он не получил никакого воспитания, как будто бы никаких отражений старого на нем нет. Мы должны его рассматривать как ребенка, отражающего ту среду, из которой он вышел. Следовательно, перед нами чрезвычайно важная проблема — так вести занятия с детьми, чтобы в этих занятиях была отражена борьба, которую ведет, с одной стороны, рабочий класс нашей страны с прежним строем, и та борьба, которую ведут все трудящиеся всего мира с пережитками старого строя. Мы должны постоянно это иметь в виду.

С другой стороны, Энгельс говорит о том, что «общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей» *.

На это нам нужно обратить, товарищи, особое внимание. От нас самих зависит все более и более подчинять внешние обстоятельства и природного и общественного характера нашей воле.

Таким образом, борьба, которую мы должны вести постоянно и неуклонно в процессе наших занятий со старым, — это борьба за детей; она должна кончиться нашей победой, ибо от нас самих зависит подчинить нашей воле общественные силы, которые обеспечивают поступательное движение социализма. Но при каких условиях? Когда мы узнали эти силы, изучили их действие, направление и влияние. Следовательно, мы должны бороться, зная те условия, в которых живут дети.

В чем же заключается залог нашего успеха, что мы должны знать?

Мы должны знать, в чем положительные и отрицательные стороны жизни, которая окружает наших детей, для того чтобы воспользоваться положительными силами, находящимися в данной среде, и вести борьбу с теми остатками старого, которые в ней, бесспорно, имеются. Вот та боевая, напряженная атмосфера, в которой необходимо работать нашей школе. Если мы перейдем к на-

шей программе, то прежде всего необходимо учителям весьма тщательно ее проштудировать, в особенности те вводные замечания, которые сделаны в каждой теме. В сущности говоря, эти вводные замечания являются не чем иным, как весьма популярно, просто и элементарно изложенными основами нашего воспитания применительно к тем или иным практическим задачам, которые мы должны брать на себя.

Как же надо изучать нашу программу, которая является частью нашей воспитательной системы, программу, которая говорит о тех знаниях, о тех понятиях, о том интересе, которым мы должны заразить наших детей?

Действительно, ни одно слово этой программы, ни одно понятие, которое здесь представлено, не может нами рассматриваться без того, чтобы оно не применялось к тому или другому действию, к тому или другому поступку наших детей.

При изучении программы мы должны применять такой прием: в каждой задаче, в каждой теме, вводных замечаниях к ним мы должны найти то основное, что должно быть связано с данной темой. Вот, например, первая тема — «Первые дни в школе». Что здесь основное? Основная мысль здесь та, что школа — общественное учреждение. Почему это важно оттенить? Потому, что часть детей приходит из индивидуальных хозяйств, из своей собственной квартиры, собственной комнаты, собственной семьи. Они приходят из одного мира в другой, и другой мир отличается тем, что это общественное учреждение. Если мы станем рассматривать и анализировать вторую тему — она называется «Дружная работа», — то мы найдем, что здесь главная мысль — коллективный труд детей, а с другой стороны, борьба с эксплуатацией. Следовательно, мы должны поставить дело так, чтобы эти две основные идеи ярко запечатлелись у ребят. Как же мы должны рассматривать коллективный труд? Здесь необходимо показать детям разницу между трудом ручным и машинным. Коллективный труд может быть ручным и машинным, но коллективный труд при помощи машины гораздо более производителен. Это вы должны отразить в нашей теме.

В этой теме нужно подчеркнуть мысль о значении общественного питания. Нужно развить в детях взгляд на то, что важно не только самим быть сытыми, но чтобы

сыты были и товарищи. Надо развить в детях стремление к правильному и организованному питанию.

А если взять тему «Праздник Октябрьской революции», то здесь рядом с повторением темы об эксплуатации мы должны подчеркнуть вопрос о самоуправлении, потому что в нашей борьбе с эксплуатацией, в борьбе трудящихся против эксплуататоров мы должны чрезвычайно большое внимание отдавать организации, в которой каждый самостоятельно, ответственно принимает участие. Тема «Праздник Октябрьской революции» кончается такого рода маленькой фразой: «У нас в селе тоже есть совет», т. е. говорится о том, что наш сельсовет имеет такое же устройство, как и все сельсоветы.

Следующая тема — «Как живется в домах по-новому и по-старому». Что здесь надо подчеркнуть? С одной стороны, подчеркнуть то, что большинство детей живут в старых домах, а это не только одно слово «старый дом», это есть отражение всей той узкой, мещанской, обывательской жизни, которая в этих домах ведется, откуда эти дети идут, с другой стороны, надо подчеркнуть перед ними вопрос о новом доме, т. е. о новой жизни.

Дальше надо иметь в виду еще несколько побочных замечаний. В этой же теме говорится и указывается на то, что все это развивает воображение и дает богатый материал для работы, т. е. что дети должны не только работать над материалом, который у них перед глазами находится, но должны знать, интересоваться такими явлениями, которые находятся за пределами их узкого мирка. В данном случае говорится о диких животных, о жарких странах, о Севере, о самоедах, о жизни в пещерах, на деревьях и т. д. Все это развивает воображение.

Интересу к работе мы должны придавать большое значение, потому что социалистическое строительство должно сопровождаться огромным массовым подъемом, огромной заинтересованностью трудящихся в этом деле.

Возьмем вопрос, который идет дальше, — «Теплая и чистая одежда». Здесь главное — добиться того, чтобы ребенок заботился не только о своей одежде, но заботился, чтобы все были одеты. Здесь рекомендуется целый ряд мер заботы о товарище.

Следующая тема — «Грязь и беспорядок — наши враги». Здесь речь идет о том, что всякий вопрос о здоровье

должен быть так поставлен, чтобы он был не только личным делом заботы о своем здоровье, но чтобы была забота об общем здоровье: «Если я все усилия приложу на заботу об общем здоровье, то больше гарантий быть здоровым человеком, чем если бы я заботился о самом себе».

Таким образом, переходя от одной темы к другой, мы встречаемся с моментами борьбы, строительства, общей заботы, общей организации. И это дает все больший и больший стимул к тому, чтобы правильно со стороны политической и общественной была поставлена наша работа.

Кроме этих тем, мы, в отличие от старого материала, даем материал о разных странах и народах для того, чтобы с первого года обучения поставить вопрос о расширении горизонта школьника. В настоящее время мы имеем такую мысль: доказать, что наша страна и каждый отдельный уголок ее связаны между собой и со всем миром, что мы ощущаем огромный интерес детей к такого рода материалам.

Материал первого года говорит о том, что наша школа должна вступить на широкий общественный путь, и материал, который вызовет интерес к общественным делам, должен быть в программе материалом доминирующим.

Каждый год программы кончается большим отчетным периодом, связанным с 1 Мая, кончается годичным общественным отчетом о работе. Здесь мы должны поставить дело так, чтобы ребята просматривали всю работу в ее основных моментах, чтобы они могли оглянуться и сказать, что ими сделано, что они сделали в начале и что они сделали в конце, показать это наглядным образом окружающему их населению и так поставить свою работу, чтобы население все больше и больше интересовалось нашей школой.

Этот второй вопрос — о заинтересованности населения нашей школой — чрезвычайно важный. Вся программа должна быть так построена, чтобы население фактически могло принимать участие в ее проведении в жизнь. Ведь школьник работает не только в школе, он идет домой, он на основании работы, которую провел в школе, что-то по заданиям школы делает и дома. Надо, чтобы взрослые интересовались этими работами. И чем дальше мы идем

по возрастам, переходя ко второму и третьему годам обучения, мы тем более вмешиваемся в общественную жизнь, с тем большим количеством работников мы имеем дело и с тем большим успехом мы вступаем в ту борьбу, которой полна вся наша общественная жизнь. Ставя таким образом вопрос, мы выходим из тесных рамок школы и ведем нашу школу по пути социалистического воспитания.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

В предыдущей беседе шла речь о тех основных мыслях, которые положены в основу программы. Я говорил о том, что в связи с работой по этим программам необходимо иметь в виду ту напряженную борьбу со всеми наслоениями старого, которые постоянно мы имеем в нашей общественной жизни и в нашей педагогической работе. С другой стороны, я говорил о том, что необходимо ставить работу так, чтобы дети могли быть участниками нашего социалистического строительства, ибо только при этих условиях мы можем осуществлять на деле социалистическое воспитание. Эта мысль должна лечь в основу дальнейших моих объяснений по программе.

Я остановился на первом году обучения. Конечно, вы сами отлично знаете, что за год ребята кое-чему научились. Во всяком случае, мы можем установить совершенно определенно, что дети стали грамотными. Но теперь возникает для нас основной вопрос — как использовать эту грамотность. Обыкновенно, когда дети наши учились в старой школе и когда мы с вами учились, мы ставили вопрос о грамотности так: «Мы учимся для себя». Сейчас мы должны поставить вопрос иначе: надо учиться для общественных целей, и дети, поскольку они стали грамотными, должны употребить целый ряд усилий для того, чтобы использовать свою грамотность для всевозможных общественных целей, конечно, доступных, понятных и интересных для них. Эта работа связана как раз с той громаднейшей задачей, которую мы поставили перед собой — задачей всеобщего обязательного начального обучения.

Когда мы ведем занятия с ребятами в школе, то обыкновенно встречаемся и с другим явлением. Дети так часто

проверяются учителем, учитель так много контролирует их знания, что дети приходят к убеждению, что нужно быть грамотным для того, чтобы дать в этом отчет учителю. У детей не развивается сознание, что грамотность нужна для участия в общественно-политической работе. С этим явлением тоже придется до некоторой степени бороться, потому что это — старая точка зрения. Нельзя подменять учителем общественность.

Для того чтобы нам достигнуть наших основных целей социалистического воспитания, чтобы нам социалистически воспитать детей, мы должны создать соответствующие условия. Эти условия в настоящее время создаются. Они создаются тем, что мы строим социалистическое хозяйство в городе и в деревне. В деревне это хозяйство носит название колхозного хозяйства, что здесь мы и должны подчеркнуть.

Дальше, на втором году обучения, мы должны дело поставить так, чтобы для детей все более становилось ясным, что все, что делается кругом них, все те предметы, которые производятся трудом человека, являются результатом труда многих людей. Какую бы мы вещь ни взяли, какой бы области мы ни касались, все равно каждая вещь, каждый предмет является трудом многих людей. То, что у ребенка находится в руках, — над этим много людей работали, и работают не только в том месте, где дети живут, но далеко от него. Это надо иметь в виду и постоянно в этом направлении работать с ребятами.

Уже в самом начале второго года мы подходим к чрезвычайно важному моменту — моменту выставки, связанному с урожаем, и моменту хлебозаготовок, связанному с реализацией урожая. Эти два момента чрезвычайно серьезные. Необходимо, чтобы осуществление этих двух задач — устройство выставки и участие в хлебозаготовках — было поставлено так, как мы хотим ставить нашу будущую работу в школе, т. е. в виде проектов. В этих проектах мы осуществляем две задачи: с одной стороны, практическое дело, а с другой — подготовка к нему. Подготовка к практическому делу — это то, что мы называем учением, а само практическое дело — общественная работа, о которой мы постоянно говорим.

Надо отметить, что здесь мы имеем довольно много антирелигиозных моментов. На выставке как раз и предполагается создать уголок безбожника для того, чтобы во-

прос об урожае, который в деревне связывается с религиозными моментами, резко был подчеркнут с той стороны, что здесь люди как раз обошлись без всякой сверхъестественной силы, без всякого бога, и все, чего они добились, есть результат их собственных усилий.

На втором году, в отличие от первого, мы должны добиваться гораздо большей точности в производстве вычислений, обмеров и наблюдений со стороны детей. Это касается всех работ. И эта большая точность должна войти в нашу методику.

После такой темы, которая касается хозяйства, мы подходим к теме «Домашние животные». Здесь главная мысль — умение человека приручить домашних животных. Процесс приручения происходит и сейчас. А это чрезвычайно важная естественнонаучная идея, мимо которой мы проходить не можем. Таким образом, здесь еще раз подчеркивается умение человека овладевать силами природы, умение человека овладевать дикими животными для того, чтобы сделать их для себя полезными. Понятно, что в этом случае мы не можем ставить вопрос так, что дело приручения животных есть дело индивидуальных усилий отдельных личностей. Длительное время в течение исторического промежутка времени должно было пойти на то, чтобы реально осуществить эту задачу приручения животных.

Что касается основной темы первого полугодия — «Октябрьские дни», то здесь мы должны добиться того, чтобы школа почувствовала себя единой; все организации, которые работают в школах, здесь соединяются. Это имеет очень серьезное значение.

Когда мы касаемся темы «Постройка зданий», мы говорим не о постройке домов вообще, а о постройке общественных зданий и как они важны для общественных целей, для того чтобы противопоставить ту жизнь, которую дети ведут в одиночку, общественной жизни.

Дальше — тема, связанная с одеждой. Мы здесь говорим об элементарном ткачестве. В этой теме мы должны подойти к пониманию политехнизма в примитивной форме. Для этого мы должны добиться того, чтобы дети поняли то основное в производстве, в частности в ткацком производстве, что здесь изобретено человеком для того, чтобы воспользоваться некоторыми силами природы для практических целей. В данном случае два важных вопро-

са: с одной стороны, каким образом люди догадались из коротеньких волокон сделать длинную нитку, и с другой — каким образом из гибких нитей создается более или менее прочная ткань.

Следующая тема — «Здоровье». Как трактуется эта тема? Здесь говорится о здоровье не индивидуальном, а общественном, т. е. о создании таких условий, при которых каждый человек может быть здоровым.

Конец года дает нам много материала для того, чтобы мы могли заняться очень серьезной и важнейшей работой, на которую нужно обратить серьезнейшее внимание, работой по расширению детского горизонта. Поэтому мы вводим тему о разных землях и морях. И впервые подходим к тому пособию, которое на некоторых товарищеской производит впечатление некоторой преждевременности, — к глобусу. Надо начать приучать ребят к пользованию таким важным пособием, как глобус, с которым они не должны расставаться. Это было бы чрезвычайно важно. Мы должны дело поставить так, чтобы глобус был предметом общественной работы. Нужно показывать не только, как с ним нужно заниматься ребятам, но нужно уметь обращаться с ним и для цели общественного просвещения.

В весенней теме мы подходим к очень важному вопросу — о создании детских сельскохозяйственных кружков. Эта тема в дальнейшем будет развиваться все более и более. Здесь мы даем указания о необходимости начинать это дело ставить так, чтобы дети коллективным путем могли осуществлять целый ряд работ для культурных целей.

К 1 Мая предлагается созвать к празднику всех батрачат района, которые работают вокруг школы, и в годичном отчете необходимо указать на те недостатки школы, которые ребята могут отметить.

Перехожу к третьему году. Ребята уже окрепли, и можно подойти к развитию у них критического мышления, научить их критически относиться к жизни на местном материале. Таким образом мы будем углублять возможность борьбы со старым и в первую очередь способность к критике. Мы можем обратить внимание на религиозные моменты, которые все еще сильны в нашей жизни. Строя сельское хозяйство на новых коллективных началах, мы должны показать его преимущество пе-

ред индивидуальным. Возникают в колхозах новые отношения, возникает огромный интерес к технике — все это, вместе взятое, дает для педагогики новое и новое обоснование для интереснейшей работы. Колхоз — новая форма социалистического хозяйства. Там создаются новые формы труда и взаимоотношений. Возникает опять мысль в новом освещении о сравнении работы общественной с работой индивидуальной. Ребята подводятся к выводу, что совместная борьба за овладение силами природы и общественными силами гораздо более успешно может пройти, чем борьба с силами природы и общественными устоями в одиночку.

Обращаю ваше внимание на те места темы, которые связаны с естествознанием. Здесь ставится сразу вопрос в упор о понимании того, что делает солнце, какое значение имеет [углерод], накапливающийся в растениях под влиянием солнца, для нашей жизни. Здесь было бы важно, чтобы ребята могли понять, что растение — место, в котором [образуются органические вещества], которые дают возможность создать тело животных, тело человека, дают возможность двигаться, производить ту или иную работу. Следовательно, эта тема связана с вопросом, который на ученом языке называется энергетикой.

Большое значение мы придаем в третьей теме серьезной проработке методических вопросов, связанных с проведением в жизнь политехнизации. Обращаю ваше внимание на тему, которая разработана довольно подробно, — это ознакомление с обработкой железа и кузницей. Очень многих смущает то, что вопрос о политехнизации в деревне не может быть проработан хорошо потому, что очень мало технических усовершенствований, технических установок, а только примитивы не могут нам дать возможность подойти к правильной разработке политехнической темы. Это неверно. Эти примитивы имеют то достоинство, что в них основная задача, которую преследует человек, — овладение разнообразным материалом и силами природы — может быть довольно отчетливо выявлена. Поэтому такое большое [внимание] обращено на те занятия, которые могла бы провести школа вместе с кузнецом, и на те опыты, которые школьник может проделать у себя в школе с железом. Все это, вместе взятое, — изучение того, как добывается само железо и что с ним делается, приводит к мысли, как поставить уход за

сельскохозяйственными орудиями и т. д. Необходимо поставить дело так, чтобы дети могли ухаживать за орудиями, их беречь, чтобы они не стояли под дождем, не портились и т. д. Этим путем дети могли бы принять серьезное общественное участие в ряде хозяйственных мероприятий колхоза.

В «Октябрьских днях» необходимо поставить дело так, чтобы дети давали боевой отчет рабочему классу о том, что ими сделано по выполнению тех задач, о которых говорил Ленин.

Дальше — впервые поставленная здесь тема о книге и газете в деревне. Необходимо уметь связать эту работу со всеобучем и обратить внимание на то, что распространение книг среди населения, умение заинтересовать население книгой являются чрезвычайно важной нашей задачей.

В следующей теме — «Ленинские дни» — в простом и доступном для детей изложении даны высказывания Ленина относительно рабочего класса, крестьянства и власти Советов.

Работа третьего года заканчивается указанием на то, что необходимо работать по общему плану, на общей земле, на общественных фабриках и заводах для того, чтобы общими силами устраивать нашу государственную жизнь.

Так как третья группа вопросов касается района, здесь важно поставить вопрос — на какой базе мы создаем социалистическое воспитание. Разумеется, не на узкой, говорится в программе. Наша задача — вывести ребят из узкого круга местных интересов, которыми они живут, и развить в них привычку рассматривать вопросы в широком масштабе. Это — основная задача. Следующая задача — борьба с индивидуализмом и постановка воспитания на общественные рельсы — является также чрезвычайно важной задачей.

Как организовать изучение района? Необходимо устраивать постоянное общение школ, школьников друг с другом. Тогда можно достигнуть того, что школы почувствуют себя участниками одного общего дела и начнут помогать друг другу в изучении района. Рекомендуются переписка, посылка делегатов и т. д. Все это связывает не только школы в районе друг с другом, но и связывает школу с городом. Обращаю ваше внимание на то, как

разработана тема «Город». Она разработана по-новому. Город рассматривается с социальной точки зрения, с точки зрения борьбы классов, которая сейчас там разворачивается. Это трудная тема, но изложена она простым и понятным для ребят языком.

[Тема] «Первое мая» связана с рапортом об общественной работе. Здесь мы даем революцию в интернациональном освещении. Повсюду волны революции поднимаются все более и более, в разных странах растет революционное движение, начинают создаваться условия для того, чтобы широкие народные массы, массы угнетенные и задавленные, могли общими усилиями приняться за серьезную и дающую полную победу борьбу с угнетающими их классами.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Одно из самых важных указаний, которое сделано во вступлении к нашим программам, такое: работа по программам не кончается, а начинается. Это значит, что всем нам и в центре, и на местах необходимо обратить очень серьезное внимание на то, чтобы работа по программам велась самым энергичным образом, чтобы эти программы могли быть окружены всеми теми средствами — методическими, материальными и организационными, — которые должны привести, в конце концов, к правильному их выполнению.

Это особенно важно нам в настоящее время, которое можно назвать замечательным временем — временем, когда рождается новая система воспитания, социалистическая система, которая является ярко противоположной той системе, которая до сих пор царит во всем мире, — буржуазной системе воспитания.

В этой новой системе воспитания мы видим огромное движение вперед. С каждым днем жизнь выдвигает все новые и новые способы воспитания не только детей, но и взрослых.

Какие же новые средства выдвинуты за последнее время? Плановость, самокритика, общественный контроль, общественные кампании, в которых все теперь принимают участие, культпоход, ликбез, всеобуч, коллективизация, социалистическое соревнование и ударничество — все это мы должны рассматривать как новые

методы воспитания. И когда все эти новые методы приведем в систему, то получим могущественную систему, которая содействует в высшей степени важному процессу — переделке людей. Это нам важно для того, чтобы ускорить темпы нашего социалистического строительства. Вот в этом и заключается другая идея нашего социалистического воспитания: оно должно быть построено так, чтобы помочь строительству социализма. Если мы этой системы не построим, то наше строительство будет сильно замедлено. Мы постоянно указываем на это. Мы говорим, что у нас, в нашей системе работы, есть один очень большой недостаток — недостаток культуры, недостаток организации, недостаток умения работать.

Если все наши средства воспитания сконцентрировать в одной мысли, то мы должны прийти к такому выводу, что по существу мы должны ставить дело во всех отраслях нашего строительства так, чтобы все принимали участие в общем деле, чтобы перед всеми стояла идея участия, идея понимания общего дела, и не только в маленьком масштабе, среди знакомых нам условий жизни или со знакомыми людьми, с которыми мы работаем, но именно в массовом масштабе. Нам надо и со стороны даже наших школьников достигнуть понимания, что мы все работаем над одним и тем же делом, что мы все являемся в той или иной мере, в меру наших сил, средств и способностей, участниками одного общего дела — строительства социализма в нашей стране. И это теперь уже не слова, потому что социализм на самом деле, конкретно, реально строится во всех уголках нашей страны.

Понятно, что это строительство нам не дается даром. Мы должны бороться со всеми пережитками старого в нашей стране, с одной стороны, с другой — бороться со всеми попытками нам помешать со стороны иностранных государств, государств буржуазных.

В этой борьбе мы должны уделить определенное место борьбе со старым мировоззрением, антирелигиозной работе и борьбе с обособленностью отдельных национальностей, которая досталась нам в наследство от старого. Мы должны поставить перед собой основной задачей новую работу в нашей школе, связанную и с содержанием ее, которое ныне определяется словом «политехнизм», а с другой стороны, с организацией этой работы, которую мы называем методом проектов.

На материалах четвертого года я постараюсь конкретизировать и осветить все те идеи, которые я в своем выступлении кратко перечислил.

Что такое четвертый год работы? Этот год является четвертым и последним годом массовой работы нашей школы в области всеобщего обязательного обучения. Что с ним связывается? С этим четвертым годом, конечно, связывается идея общего элементарного образования, которое мы должны дать всей массе нашего населения, в первую очередь, конечно, школьникам нашей школы.

Те темы, на которые распадается программа четвертого года, охватывают все вопросы нашего строительства.

Работа над первой темой должна показать ребятам, что рабочий класс строит средства производства, машины для того, чтобы снабдить этими механическими силами промышленность и сельское хозяйство и освободить нашу страну от экономической зависимости от капиталистических стран.

Вторая тема — сельское хозяйство — озаглавлена «Вместе с рабочим классом». Получив от рабочего класса эти средства производства и машины, которые коренным образом переделывают всю организацию сельского хозяйства, крестьяне должны перестроить свою работу на земле на новых началах. Эта перестройка должна быть связана, с одной стороны, с процессом организации индустрии, с другой — с рабочим классом. Таким образом, у нас получается из первой и второй тем идея о смычке рабочего класса с трудовым крестьянством.

Следующие две темы говорят о той связи, которая должна быть налажена между двумя основными группами трудящегося населения. При помощи чего? При помощи транспорта, во-первых, а во-вторых, при помощи связи через почту, телеграф, телефон и радио. Какой смысл этих двух тем? Транспорт должен помочь тому, чтобы все то, что вырабатывается и в индустриальной части нашего хозяйства, и в сельскохозяйственной, было равномерно распределено по всей территории нашего Союза; с другой стороны, нельзя мыслить эту связь без того, чтобы она не содействовала огромному процессу общения разнообразных групп нашего населения, разнообразных уголков нашей страны через почту, телеграф и т. д. Отсюда мы видим, какое огромное значение нужно придавать этому моменту.

Теперь мы подходим к следующему развитию этих идей. Ясно, что везде у нас люди работают над одним и тем же общим делом. Но для того, чтобы люди могли работать, для того, чтобы механические силы, движущие нашу индустрию и сельское хозяйство, были пущены в ход, нужно, чтобы они двигались. Следовательно, нужно снабдить их углем, нефтью и электричеством. И вот пятая тема является темой энергетического порядка. Она говорит о той силе, которая приводит в движение эти машины и которая играет такую огромную роль в нашем хозяйстве.

Но люди должны не только работать. Нужно позаботиться об их отдыхе, о восстановлении их сил. Следующая тема как раз и указывает на социалистическую заботу о наших строителях и таким образом говорит о той громадной деятельности, которую мы развиваем в области культурного отдыха: развлечения, экскурсии, санатории и т. д.

Особая тема уделяется нашим братским народностям. Для ребят будет иметь огромное значение познакомиться с тем, как сейчас быстро растут в культурном и экономическом отношении наши отсталые национальные меньшинства: как создаются культбазы на Севере, алфавиты и книжки, которые мы издаем на разнообразных языках,— все это совершенно конкретные факты, которые говорят о подъеме этих отсталых народностей и которые слишком ярки и слишком значительны, чтобы мы могли пройти мимо них. В этих темах, которые я только что назвал, обрисовывается вся сумма основных работ трудящихся нашего Союза. Отсюда законно сделать вывод: кто это организовал? Мы подходим к Конституции нашего Союза, которая и будет говорить о том, что только в рамках той организации общества, которую мы создали, можно развивать такую колоссальную энергию в направлении социалистического строительства.

Но мы не одни живем в нашем Союзе. Мы еще имеем во всем мире группы рабочих и трудящегося крестьянства, которые сочувствуют нам, которые следят за нашей работой, которые нам помогают. И поэтому заключительная тема этого четвертого года — «Интернационал».

Вот вкратце перечисление всех тем. Как видите, то-

варищи, все эти темы внутренне чрезвычайно серьезно связаны друг с другом, и поэтому переставлять их нужно с очень большим обоснованием. Мне кажется, что гораздо лучше было бы попробовать проработать в этой связи основные темы четвертого года.

В связи с темами четвертого года возникают два вопроса, на которых я должен остановиться. Первый вопрос — о политехнизме, второй — о проектах. Как тот, так и другой чрезвычайно серьезно интересуют наше учительство, и при обсуждении этих вопросов учительство не только тревожится, но и испытывает попросту целый ряд затруднений. В чем же затруднения?

Во-первых, в том, что многие из тех материалов, о которых я здесь сказал, нашему массовому учителю попросту неизвестны. Я думаю, что можно редко найти учителя, который в вопросе об электричестве по самым основным пунктам мог бы хорошо ориентироваться. Нужно, товарищи, не бояться всех этих трудностей. Нужно попросту самым основательным образом начать учиться всему тому, чему мы должны научить наших детей и чего мы сами пока еще не знаем.

Говорят так, что политехнизм довольно трудно проводить в деревне, что гораздо лучше, если его проводить, организовать работу по политехнизму в городе, на фабрике и на заводе. Но я думаю, что мы, признавая, что это правильно, что в городе гораздо более удобно это организовать, что там больше развита техника, чем в деревне, тем не менее и деревню не должны оставлять в стороне от этого вопроса. Та деревня, которую мы сейчас имеем, чрезвычайно быстрыми шагами идет по пути овладения новой техникой, и то, что мы имеем сейчас, в будущем году изменится в значительной степени. Но даже и те средства, которые мы имеем налицо, мы все-таки не умеем использовать.

Одним из таких средств, на которые нужно обратить ваше внимание, — это техническая перепись деревни. В деревне существует много такого, что может нам помочь в области ознакомления с основами различных производств. О сельскохозяйственном производстве я, конечно, не говорю. Но деревня имеет материал и для знакомства с машинами, с их устройством, с техникой. Я посоветовал бы вам самым серьезным образом учесть все указания, которые даны в связи с темами четверто-

го года, потому что там на это обращено очень серьезное внимание.

Если вы найдете, что в вашей деревне есть швейная машина, есть велосипед, мимо деревни проложены колеи железной дороги, если вы найдете, что там есть ветряная мельница, водяная или паровая, или трактор, или кузница, слесарная мастерская, то вы должны суметь не только это записать в вашем списке, но вы должны обдумать очень важный методический вопрос: как быть с этим, как этим воспользоваться? •

Например, швейная машина. Ведь швейная машина при правильном подходе к ней может объяснить очень многое в смысле изучения устройства машины. Здесь дана идея движения, здесь мы имеем исполнительную часть этой машины и человека, который движется, который двигает эту машину. Затем, мы можем сравнить быстроту работы на швейной машине с быстротой работы руками.

Если в деревне найдется какой-нибудь слесарь или учительница или кто-нибудь из обладателей швейной машины, который может разобрать машину на главные части перед ребятами, а затем собрать и пояснить, то это уже будет большой шаг вперед.

То же самое можно сделать по отношению к любой технической установке, хотя бы совершенно примитивной, которая имеется в деревне.

Итак, нам для этого надо прежде всего заняться технической переписью деревни, а затем обдумыванием того, как можно всевозможные предметы, которые находятся кругом нас, приспособить для технического ознакомления с существом работы машины.

Совершенно ясно, что работа с программами должна дать нам целый ряд новых книг. Они должны быть гораздо более короткими, чем прежние. Длинных рассказов в книгах для чтения для всех лет обучения мы давать не будем. Мы их постараемся сделать гораздо более компактными, снабдить хорошими иллюстрациями, ясным и простым текстом, которые могут дать действительно существенную помощь в работе. Таким образом, книги для чтения и учебники должны принять новый характер.

То же самое необходимо сделать относительно пособий. Разумеется, политехническую школу нельзя строить

голыми руками, но все же строить ее надо. И вот сейчас идет огромная работа в центре. Она должна проводиться и на местах по выработке новых пособий для школы, таких пособий, которые каждый ученик мог бы иметь в руках, которые способствовали бы повышению интереса к самой технике работы. Значит, нужно строить производственную работу в мастерских и на школьных участках посредством иллюстраций, моделирования. Для этого нужно поставить дело так, чтобы местное население было настолько заинтересовано всей этой практической работой, чтобы оно стало вносить практические предложения и оказывать всякого рода помощь по мере своих сил и средств.

Таким образом, ясно, что работа с программами должна быть по существу работой над отдельными темами. Нужно каждую тему постараться обставить и со стороны методической, и со стороны оборудования, со стороны пособий, со стороны книг и целого ряда практических указаний по организации дела, которыми она должна сопровождаться.

Эту работу мы сейчас начали в центре. Но нужно, чтобы работа над программами была не только центральной, но и вашей. Поэтому я призываю вас, товарищи, сообщать нам обо всех ваших практических затруднениях в центр, в Наркомпрос как можно чаще, и я вам ручаюсь, что вы получите ответы на все вопросы, которые вас затрудняют.

МЕТОДИКА И КАЧЕСТВО РАБОТЫ ШКОЛЫ

Никто не сомневался в том, что методика имеет огромное значение в деле повышения качества педагогической работы. Но, конечно, мы должны сразу сказать, что речь идет не о приспособлении остатков старой методики, которую мы получили в наследство от старой педагогики, а речь идет о новой методике.

Мы в настоящее время, работая в школах, практически очень часто говорим о том, что необходимо нам всем быть методистами, но в то же время не представляем себе ясно, что значит быть методистами в современном смысле этого слова, методистами, так сказать, новой формации.

Уже многие практические работники чувствуют, что старая методика отмирает, она кончается, она не может нам дать тех результатов, на которые мы должны рассчитывать. Старые методические приемы во всех областях — и в области воспитания, и в области обучения грамматическим навыкам и т. д. — становятся недействительными, они нас не удовлетворяют, и мы ищем выхода в улучшении этих старых методов.

Нужно вопрос поставить иначе и говорить не об улучшении, а об основаниях новой методики. В чем разница? Коротко сказать, она состоит в следующем: старая методика — учебная методика — из школы делала учебное заведение. Новая методика — это методика социалистического воспитания и производственного труда. В самом деле, мы, желая дать ребятам социалистическое воспитание, методически не можем этого сделать без того, чтобы ребята не приняли участие в социалистическом строи-

тельстве. Это значит, что они должны реально заниматься разнообразными видами социалистического производственного труда, и наша новая методика является новой методикой в этом смысле.

Отсюда ясно, почему мы придаем принципиальное значение вопросу о методе проектов. Проекты опять-таки не должны быть пересажены с американской на русскую почву; наши проекты — это новое отношение к труду, к общественной организации этого труда и т. д. Мы должны основательно разобраться в старом методическом материале, проанализировать его, чтобы отбросить из него то, что является бесспорно отжившим. Тут дело обстоит не совсем просто, потому что старая методика, как и всякая методика вообще, отражает старую, буржуазную, идеалистическую философию, которая представляет ряд понятий, законов, явлений как неподвижные явления, неподвижные законы, без развития, без роста, без истории, без связи с современностью. Мы должны изучать всякие явления по-марксистски, понимать их в процессе роста, развития, и это является совершенно новой задачей, которая должна привести нас к тому, что у ребят должен образоваться новый жизненный тип мышления, гораздо более продуктивный, чем тот, который мы изучили раньше в старых школах и которым в значительной степени пользуемся теперь. Обострение противоречий в эпоху пролетарской революции, ожесточенная классовая борьба, гигантские темпы социалистического строительства особенно благоприятны для формирования нового типа мышления.

Мы должны признать в настоящее время основным, что та методика, которой мы пользуемся, которую мы получили в наследство от старого, в сущности говоря, не только не является двигателем нашего современного социалистического воспитания, но, наоборот, — его тормозом. Пример можно взять из способов обучения математике. Ни для кого не тайна, какое серьезное место занимают в практике массовой школы так называемые «столбики». Ясно, что они являются тормозом на пути математического развития. То же самое можно сказать и относительно грамматики. То же самое можно сказать и относительно естествознания, географии и т. д., поскольку в них сильны еще старые методические приемы.

Везде мы имеем старые способы изучения языка ради

языка, математики ради математики, естествознания, ради естествознания. В частности, по отношению к языку: нужно ухитриться из такой самой подвижной, гибкой категории нашего бытия, как язык, который постоянно меняется, принимает все более и более целесообразные формы, сделать что-то неподвижное. Мы вот здесь работаем, слушаем доклады, обсуждаем их на съезде: будьте уверены, что в известной степени язык, которым мы обычно пользуемся, к которому мы привыкли в процессе работы съезда, уже несколько изменился, ряду слов мы придали новый смысл, в него вошли новые понятия. А наша старая методика обучения языку сделала из него мертвые, застывшие формы, выработала ряд понятий, абстрагированных от их жизненного значения, от существа тех природных и общественных явлений, с которыми мы постоянно сталкиваемся. Работа над таким материалом и создает большие тормозы в нашем мышлении. Если ребята добросовестно проштудировали старую грамматику и синтаксис, то их мышление примет такую форму, так будет организовано, что помешает умению разбираться в окружающей действительности, потому что привыкло уже иметь дело с абстракцией, с вечными истинами, с застывшими понятиями, а это мешает познать жизнь в ее движении. В методическом же отношении эта организация мышления мешает установить связь между теорией и практикой, что мы и наблюдаем постоянно.

Вы знаете, что мы обычно можем заниматься или словесным обучением, или практическим делом, не связывая его с обучением. То же самое происходит и в общественной работе: или мы можем рассуждать о ней, или проводить ее практически. Но связать теорию с практикой нам трудно потому, что у нас в головах остался старый абстрагированный способ мышления, идеалистический метод мышления.

Таким образом, перед нами стоят совершенно новые задачи в области методики. Возьмем язык. Я считаю, что сейчас из тех опытов, которые дает постоянно массовая школа, мы можем выявить наметки новой методики.

Возьмем устную речь; чем мы должны заниматься главным образом?

Мы знаем, что для целей социалистического строительства, для нашего революционного строительства нам всем необходимо заниматься улучшением общения людей

друг с другом на почве революционного строительства, а на этой почве необходимо заниматься пропагандой, агитацией, уметь отстаивать свои мнения, уметь их аргументировать и т. д. Вчера выступал пионер. Вы все его слышали. Совершенно ясно, что он является продуктом современного социалистического воспитания. Он вас и пропагандировал, и агитировал, отстаивал целый ряд своих пионерских мнений. Он получил настоящее языковое воспитание, и, конечно, новыми методами, и нам нечего искать этого нового метода в старых книгах, когда новый метод уже развивается перед нами в жизненной практике.

Что сказать о письменной речи? Возьмите ученическую тетрадку. Вы увидите, что там очень часто учитель пишет красным карандашом «смотрел», но смотрел ли ученик после учителя — неизвестно, по всей вероятности, не смотрел.

Таким образом, эту тетрадку просмотрел один человек — учитель, и поневоле приходишь к выводу, что все, что написано в этой тетрадке, отчасти нужно ученику, а больше всего нужно учителю. Педагогический процесс происходит между учеником и учителем, следовательно, база этого процесса очень узка и ученик, в сущности, работает для учителя.

А между тем тов. Барсуков* докладывал, что в одной из школ, где ведется по новому методу и воспитание и обучение учеников, ученики хорошо пишут. В чем здесь фокус? Не в том, конечно, что учитель заставляет бесконечно долго упражняться ученика в списывании, а в том, что ученики чувствуют, что каждая написанная ими страница имеет общественный интерес, будет использована в общественных целях, и если так общественно организовать работу, то ошибок будет меньше.

Действительно, в стенгазетах ошибок меньше, чем в тетрадях, потому что ученики стараются написать пояснее, получше, без ошибок, и прежде чем написать, спрашивают, как нужно написать то или другое слово. Если на это дело начнет обращать внимание наша общественность, то значение языка и интерес к нему повысятся в значительной степени. Когда мы говорим о письменной речи, то мы должны знать, что, для чего и для кого писать. Нужно, чтобы ученик мог коротенько записать, что другой говорит, чтобы он мог написать документ обще-

ственного значения, письмо, обращение и т. д. Но во всех случаях письмо должно иметь общественное значение.

Как подойти по-новому к чтению? Нужно поставить вопрос о книге, о ее распространении. В школах развивается книгоношество — это новый метод обучения чтению. Если мы сумеем гораздо более серьезно подойти к вопросу о том, чтобы ученики интересовались книгой, которая должна иметь распространение среди окружающего трудящегося населения, то это было бы лучшим способом заинтересовать детей книгой, показать им, какое значение имеет книга.

Вот три стороны в области методики русского языка, которые говорят о пропаганде, об общественном значении каждой работы ученика, о необходимости использования этих работ для общественной цели. Вот тогда мы и повысим качество работы, тогда и станет легче работать. Всю старую труху мы должны отбросить в сторону. Мы очень многое уже нащупали, нам нужно все это суммировать и дать в систематическом конкретном виде.

То же самое мы можем сказать относительно методики естествознания, относительно обществоведения. Прежде всего всем занятиям надо придавать общественный характер. Дети должны знать, для чего надо учиться языку, счету, изучать природу и общество, должны понять и пропитаться интересом к применению их к социалистическому строительству. Учение для ребят должно иметь революционный смысл, и только тогда методика будет новой методикой, организующей по-новому учение и деятельность ребят.

Теперь мы должны говорить не только о трудовой, а и о производственной школе. Если ребята производят, то они знают, что производят общественные ценности, нужные для социалистического строительства. Возьмем такой расчет: сто учеников нашей школы из имеющихся 14 млн. могут произвести в год такую сумму ценностей, как рабочий. Если один рабочий производит ценностей более чем на 1000 руб. в среднем, то 14 млн. учеников могут произвести ценностей по меньшей мере на 150 млн. руб. Это уже крупный вклад в социалистическое хозяйство. Таким образом, можно говорить о детской пятилетке и о той методике, которая увеличила бы размеры этого производства. Школу надо переоборудовать, снаб-

дить ее инструментами, машинами, соответствующими детским возможностям работать. Для того чтобы поставить это дело как следует, по-настоящему, методически подойти к вопросу, нужно обратить внимание на договора школы с производствами. Каждый договор должен быть своего рода социальным заказом со стороны фабрик, заводов, колхозов и совхозов, городских и сельских Советов.

Если мы установим практику такого социального заказа для школ, то вполне возможен и значительный приток средств и сил в нашу школу, и мы сможем постепенно из наших школ создать производственные единицы, связанные с социалистическим строительством. Это вполне возможная вещь, материально она может быть оправдана. Так может быть создана и социальная широкая база для новой методики. На этой социальной базе, базе социалистического строительства, можно выработать те методические приемы, которые нужны для производственной, политехнической школы, для социалистической организации детского производства, детского труда, для того чтобы оно не было непосильной нагрузкой, для того чтобы дети работали коллективно, дружно, с подъемом, чтобы чувствовался громадный смысл и интерес в общественном труде.

Несколько слов относительно учительства. У нас уже появились кадры нового учительства, которые отличаются от старого целым рядом общественных качеств. Старое учительство только учило, а новое учительство организует самостоятельные коллективные занятия и общественные работы детей, новое учительство воспитывает детей в общественном направлении, новое учительство привлекает общественность к этому делу для того, чтобы она принимала участие в воспитании ребят. Но если так поставить вопрос, то нужно говорить о совершенно другой общественно-производственной подготовке этого учительства, и не только о его подготовке, но и о помощи учительству, чтобы у него на руках был соответствующий новый программный и методический материал. Нам необходимо разработать образцы проектов для массовой школы, которые бы дали примеры организации занятий по-новому.

Совершенно ясно, что мы можем достигнуть овладения новыми методическими подходами только тогда,

когда наша масса учителей примется за это дело, т. е. когда мы сумеем создать массовое движение в области новой, марксистской методики. Если мы наше методическое движение будем пытаться создавать на основе старой методики, то на это никто не пойдет; но за новую методику, за новую советскую методику, за новую пролетарскую методику пойдет вся масса молодежи, и мы за это должны приняться. Я думаю, что и в области методических разработок, и в области учебников необходимо объявить массовый поход учительства. Необходимо, чтобы мы устраивали конкурсы, чтобы вызывали творчество педагогических масс и приобщали к этому все школы. Нельзя, чтобы эти достижения лежали втуне в школе, а нужно, чтобы они были предметом массового потребления. В этой области мы должны сделать серьезные шаги.

Еще важная вещь — это относительно марксистской педагогики. У Маркса, у Энгельса, у Ленина есть все основное в области педагогики, что нужно извлечь и что нужно дать нашему учительству. В их трудах заложены основы марксистской педагогики, и мы должны постараться издать в извлечении статьи Маркса, Энгельса и Ленина по вопросу об общественном воспитании, труде и т. д. У Энгельса есть масса основных указаний относительно новых методических приемов*, и нужно их издать с комментариями для массового учителя. Это мы должны сделать обязательно. Если мы все это сделаем, если все так организуем, то мы придем к кое-каким выводам. Я педагог, работаю давно и наблюдал приемы старой методики, все усовершенствования, которые за 25 лет вводились в эту методику, и я считаю, что мы сейчас накануне настоящей методической революции. Мы достигнем того, что производительность умственного труда детей вырастет неизмеримо более высоко, чем мы имеем сейчас. Поэтому за это стоит бороться, для этого стоит объединить силы, чтобы дать нашему пролетариату такую марксистскую методику, которая выведет нас из старого тупика.

ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА XV СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

Обширный доклад тов. Бубнова на XV съезде Советов * был посвящен, в сущности, одной теме — культурной революции в ее современном состоянии и в ее перспективах. Доклад был богато иллюстрирован интересными данными, характеризующими изумительный рост социалистической культуры, вскрывал основные недочеты массовой работы и совершенно правильно наметил те практические задачи, которые наша общественность должна разрешить, борясь за количество и качество массовой работы.

Докладчик развернул яркие картины гигантского размаха культурного строительства. Хотя он в то же время указывал, что наша страна находится еще в начале гигантской культурной стройки, но и это начало производило чрезвычайно сильное впечатление по той глубине, с которой пролетариат ставит по-новому проблемы культуры, и по тому размаху, который, хотя и сильно отстает от темпов роста социалистического хозяйства, тем не менее является небывалым не только для нас, но и для всех так называемых культурных стран. В особенности сила этого размаха видна по тем данным, которые были сообщены съезду в выступлениях представителей национальных меньшинств (из общего количества выступавших по докладу тов. Бубнова — 52 — представителей националов было 11). Действительно, если представить себе, от какого уровня начинают двигаться к социалистической культуре северные народности, Восточная Сибирь,

Бурято-Монгольская республика, Казахстан и т. д., то их рост может быть оценен чрезвычайно высоко.

В Казахстане до революции — 13 тыс. учащихся, а в 1930 году — 528 тыс., и в 1931 году число их дойдет до 700 тыс. При этом еще до 60 тыс. ребят надо охватить всеобщим обучением в условиях кочевого быта.

В Башкирии процент грамотных вырос с 1,8 до 76.

В Бурято-Монгольской республике вновь открыты 35 средних учебных заведений, 8 техникумов, 2 рабфака.

В Коми-Пермяцком округе еще в 1927 году было 120 школ, а теперь школ 444.

В Татарской республике до революции было 25 двухклассных школ, а теперь до 3 тыс.

Особенно резкая разница между старым и новым в республике немцев Поволжья, где до революции было 2 русских гимназии и 1 русская учительская семинария, и только, а теперь — 10 техникумов, 7 ФЗС, 26 ШКМ, 2 рабфака, 1 педагогический институт и 1 сельскохозяйственный институт. То же самое отмечается по Северному Кавказу.

Таким образом, можно вполне присоединиться к словам тов. Милославского (Сев.-Кавказский край) *, который указал на то, что «в отдельных районах и в особенности в национальных областях Северного Кавказа мы имеем буквально народное движение за грамоту, за социалистическую культуру: например, в Адыгейской области, где всего населения 120 000, в 1930 году охвачено учебой 65 тыс., а в Кабардино-Балкарской на 220 тыс. населения — 111 тыс., т. е. больше 50%».

Эти факты имеют огромное политическое значение не только для нас самих, но и для целей интернациональной пропаганды как орудие борьбы за самоопределение угнетенных национальностей, за их освобождение, борьбы против гнета, шовинизма и той клеветы, которая распространяется по поводу нашей национальной политики капиталистическим миром.

В ряде выступлений (Северо-Восточная Сибирь, Казахстан) говорилось об огромных перспективах экономического развития, которые имеются в этих обширных пространствах с невероятными запасами лесных, рыбных, рудных и сельскохозяйственных богатств, тем самым особенно подчеркивая необходимость более интенсивной культурной работы в них. Они указывали и на те основ-

ные нужды, которые в настоящее время еще плохо удовлетворяются при помощи местных и общегосударственных средств. Особенно много указывалось в прениях на трудности, связанные с национальным языком...

Таким образом, делегаты съезда, выступавшие по докладу тов. Бубнова, совершенно правильно указывали на чрезвычайную слабость полиграфической базы, на незначительное количество книг и учебников на родном языке, на недостаток национальных педагогических кадров и на слабую помощь национальностям со стороны научных институтов. Эти институты больше изучают при помощи научных экспедиций национальные области, чем им помогают. Но еще не изжиты такие факты, о которых говорил представитель Сев.-Кавказского края: одной коммуне, в которой большинство русских, было предложено районо ликвидировать неграмотность на украинском языке, ибо район перешел на «украинизацию».

Тов. Абубакиров* (Башкирская АССР) считает необходимым помочь национальным республикам в подготовке кадров, помочь и посылкой людей из центра. Он предлагает таким культурным областям, как Ленинградская, Московская, Иваново-Вознесенская, поддержать нацреспублики путем мобилизации и посылки педагогических кадров. Посылка 60 просвещенцев из Московской области в Башкирию в 1930 году, по его словам, оправдала себя.

На отсутствие культурных сил жалуются все товарищи, но одной посылкой культурработников из центра основного вопроса о национальном языке, конечно, разрешить нельзя. Речь должна идти о создании национальных кадров.

Указания на слабую материальную базу очень настойчивы. В этом деле у отдельных нацменьшинств есть специфические трудности, и о них говорили делегаты: постройка школьных зданий на материке и перевозка их на острова (Северный край), школы-юрты и школы-землянки (Казахстан), необходимость устраивать на всем Севере общежития для учеников и т. д.

Особенно тяжелое положение с оборудованием школ книгами, пособиями и методическим руководством: здесь главное препятствие — дальность расстояния от культурных центров и плохие пути сообщения. Хотя тов. Алыпов* считает, что опыт Восточной Сибири, имеющей

3,5 млн. кв. км. и не меньше 1 млн. жителей, говорит скорее о плохой работе местных органов, чем об объективных причинах провалов на культурном фронте; например, такие отдельные районы, как Акшинский и Бадайбинский, перевыполнили план развертывания новых школьных комплектов, тем не менее — это количественная сторона дела, а пособия, учебники и методическое руководство все-таки требуют при дальних расстояниях усиленной организации руководящих центров. Примеров разрешения этих проблем в выступлениях делегатов не дано, к сожалению. Поэтому необходимо признать, что материальная помощь отдельным национальным районам должна быть усилена в значительной степени.

На съезде выступали ряд рабочих... Надо особо отметить среди этих выступлений речь тов. Мирецкого* (Ленинский район Москвы — рабочий-ударник). Тов. Мирецкий ярко нарисовал, как мыслит и как осуществляет рабочий класс свое руководство культурной революцией. Вот наиболее характерные выдержки из его речи:

«Рабочие Ленинского района считают, что борьба за политехнизацию школ и всеобуч есть борьба за социализм. В это дело должны быть вовлечены миллионы трудящихся. Без рабочих политехническую школу построить нельзя. Рабочие поняли, что борьба за политехническую школу есть классовая борьба рабочего класса за воспитание коммунистических кадров. Наступление классового врага идет по линии реакционной части учительства, родителей и остатков капиталистических элементов города. Нам удалось вовлечь в дело политехнизации школ рабочую общественность, которая принимает горячее участие в строительстве школы. Что же удалось сделать? 1) Все школы прикреплены к предприятиям. 2) Большинство школ заключили с предприятиями договора, обеспечивающие практическое участие предприятия в политехнизации школы. 3) Договора в основном выполняются. 4) Все седьмые и часть sixth групп семилеток проходят на фабриках производственную практику.

Заводы и фабрики оборудовали мастерские по школам».

«Учителя проходят производственную практику под руководством квалифицированных рабочих и инженеров».

«В январе была проведена районная политехническая конференция, где было около одной тысячи делегатов — рабочих. До нее на всех заводах и фабриках были проведены рабочие политехнические конференции, которые охватили 38 тыс. рабочих».

«Мы имеем у себя рабочий и инженерный актив около 800 человек», — говорил тов. Мирецкий.

«Начальником районного штаба по политехнизму является секретарь районного комитета партии... Большевики должны овладеть техникой. Мы приступаем к построению Дома политехнических знаний и политехнического образования для рабочих».

«Мы надеемся, что борьба за политехнизацию школ примет массовый характер. Всероссийский съезд Советов должен поднять значение политехнической школы среди рабочих и колхозников наравне с задачами индустриализации и коллективизации сельского хозяйства».

Шумные аплодисменты, которыми съезд приветствовал речь тов. Мирецкого, свидетельствуют о том, что программу работ по перестройке школы он наметил четко и верно. Его слова в начале речи о том, что без рабочих политехнической школы построить нельзя, и в конце о том, что «борьбе за политехнизацию школы надо придать массовый характер», свидетельствуют... что основной путь коренной реорганизации массовой школы нащупан рабочим классом и что рабочий класс уже начал строить ту школу, которая нужна стране строящегося социализма.

Тов. Свидовский* (рабочий-ударник с Сев. Кавказа) указывает на то, что «сейчас у нас учение связано с хозяйственным строительством. Ребятам учат в школе и одновременно знакомят их с машиностроением на фабриках и заводах. Таким образом, они с первых лет учебы будут знать, для чего делаются машины». Это правильно. Но он видит ряд недостатков: 1) нехватка учебников; 2) несвоевременное их распространение по школам. «А когда учебники поступают, делают большой нажим на ребят, чтобы пополнить пропущенные уроки, а это скверно отражается на здоровье ребят».

Замечания эти — организационного и методического характера — указывают на то, что представители рабочего класса уже серьезно разбираются в школьных порядках, тратят на это время и силы и тем самым все

ближе и ближе подходят к общему руководству делом социалистического воспитания молодежи.

Работница Дальневосточного края с лесопильного завода тов. Тарханова * указывает на несоответствие между богатством рыбной, лесной промышленности и ничтожным количеством технических сил: «Мы целый год не имели инженера, а наш завод работает на экспорт. У нас на заводе, — говорит тов. Тарханова, — много корейцев, китайцев. Их мы считаем нашими дорогими братьями и сестрами, мы им разъясняем, чего они не понимают, с ними беседуем, помогаем в работе. Мы помогаем выполнить наш промфинплан, но все же на Дальний Восток мало обращают внимания: не хватает учебных заведений, мало школ крестьянской молодежи, а иногда дети идут в школу и мерзнут, так как школа далеко от дома. Дальневосточный край заброшенный, а там находится много тысяч рабочих». Таким образом, тов. Тарханова совершенно правильно увязывает развитие индустрии и сельского хозяйства своего далекого края с ростом народного образования. Она говорит о том, чтобы рабочие помогли, но эта помощь главным образом культурная.

Тов. Вострецов *, горняк-шахтер, указывает на то, что «для успешного выполнения пятилетки в четыре года, повышения производительности труда и доброкачественности фабрикатов необходимо разрешить проблему кадров. И в этом деле большую роль должно сыграть заочное обучение, которое поставлено далеко не удовлетворительно». «Я хотел бы отметить, — говорит он, — необходимость мобилизации широких масс трудящихся вокруг заочного обучения». Тов. Вострецов считает необходимым, чтобы XV съезд Советов «авторитетно сказал, что школа является важнейшим опорным пунктом диктатуры пролетариата и ее нужно рассматривать как составную колонну в социалистическом строительстве».

О большом внимании к культурному строительству говорит и беспартийная работница — ударница тов. Березина * (Ивановская промышленная область):

«Я ударница с фабрики «Большевик» и имею задачу выполнить промфинплан своего производства.

В нашей работе имеются культурные достижения: теперь на нашей фабрике, насчитывающей более 5 тыс.

рабочих, неграмотных осталось только 7 человек. Эти 7 человек тоже привлекаются к обучению. Мы добились организации многих культурных учреждений: если женщина захочет учиться, она может оставить детей в комнате при том же учреждении, где она обучается. У нас есть хорошие ясли: если мать уходит на общественную работу, то она может на всю пятидневку оставить ребенка в яслях».

Тов. Галеев * (Татарская АССР) говорит о непрерывном обучении, о том, что родители учеников сначала волновались, а потом благодаря разъяснению это дело уладилось, и учение продолжается непрерывно.

«Наш завод, — говорит он, — краснознаменный и на политехнизацию и подготовку работников отпустил 130 тыс. руб.». Он советует зорко следить за людьми «старого закала» всем рабочим, работницам, колхозникам и колхозницам...

Тов. Галеев в порядке самокритики указывает на неверную постановку вопроса о политехнизации школ в Сормовском районе. Его представитель говорил: «Наш район охвачен политехнизацией на 100%, а средств вложено только 200 тыс.». «Разве можно, — возражает тов. Галеев, — охватить такой большой район на 200 тыс.? Здесь, — добавляет он, — слышать такие красивые слова, с этой трибуны, очень странно и очень печально для меня, рабочего, который 31 год стоит у станка».

О политехнизме говорит и тов. Балябина *, ударница с писчебумажной фабрики Западной области:

«Что мы видели раньше и что видим теперь? Раньше у нас была одна школа. Теперь наши дети изучают все машины. После уроков они идут на фабрику и изучают там все виды производства. Наши дети принимают также участие в соцсоревновании и ударничестве, помогают колхозам, учат неграмотных».

Но в то же время она не может не сказать о своей фабрике, которая вырабатывает высокие сорта бумаги: «У нас старые машины. Ремонта никакого нет. У нас ощущается недостаток угля и дров. У нас неполадки в больницах. Врачей мало; нет специалистов; если присылают врача, то со школьной скамьи...»

Тов. Алексеева *, колхозница Ленинградской области, считает основным недостатком состояния всеобщего обучения в районе то, что дети колхозников и бедняков пло-

хо снабжаются платьем и обувью. Но в то же время она стоит за обязательное проведение в жизнь учебы в течение круглого года. «Но, — добавляет она, — у нас в колхозе неправильное распределение труда, и нашим подросткам приходится работать в летний период на полевых работах. Нужно больше готовить кадров для проведения на местах культурной работы».

Все эти выступления говорят об одном: в широких массах рабочего класса и колхозников уже назрели те силы, которые смогут не только принимать участие в борьбе за культурную революцию, но и вести эту работу как массовую, доступную и понятную и близкую всякому трудящемуся — строителю социализма. Таким образом, то, о чем говорила Н. К. Крупская в своей речи на съезде: «В чем гвоздь культурной революции? В том, что массы сами с боя завоевали себе знания, — вот в этом заключается задача данного момента»*, — эта задача не только поставлена, но и фактически решается. Массы рабочих принимаются не только по-новому организовывать высшее и среднее образование (школа-предприятие, втуз на производстве создают условия для вовлечения всех рабочих в учебу, организуют [подготовку] кадров на производстве), но и перестраивать массовую школу на новый лад, берут на себя переподготовку учителей, оборудование школы, заботу об учениках, пособиях, заданиях. Все формы и методы социалистической организации труда (промфинплан, рабочий контроль, соцсоревнование, ударничество, буксир, методы трудовой дисциплины) начинают, хотя еще далеко не достаточно, усваиваться нашей школой. Уже образован по линии программной и методической тот стык, благодаря которому наша школа станет той, которая нужна рабочему классу, — школой социалистического строительства, политехнизма и классовой борьбы за строительство и политехнизм (речь тов. Мирецкого). Теперь мы переходим в другую полосу школьного строительства: ее строят не только советские педагоги, а рабочие мозги и рабочие руки. Необходимо поэтому тщательно учитывать опыт, уже достаточно богатый, по организации политехнической школы, связанной органической связью с производством, и в первую очередь на наших гигантах индустрии.

Нельзя сказать, чтобы мы к этим задачам были достаточно подготовлены: эта неподготовленность довольно

отчетливо вскрылась и в речах представителей областей — организаторов народного образования на местах. Эта неподготовленность констатируется и в заключительной речи тов. Бубнова. Решительно во всех выступлениях товарищей, связанных с руководством делом народного образования, указывалось на сильнейшее отставание уровня культурного развития страны от темпов развития хозяйственного. Тов. Вихрев* (Сибирь) верно отметил, что, к примеру говоря, Кузбасс является живой иллюстрацией того, что темпы хозяйственного развития тормозятся низким уровнем культурного строительства. Он объясняет это в значительной степени тем, что хозяйственные центры, которые держат в своих руках все рычаги строительства Кузбасса, проявляют исключительную близорукость по части строительства культурных учреждений. Об этом говорит и тов. Перель* (Урал). Тов. Алыпов это подтверждает: «Мы вправе сказать, что некоторые хозяйственные органы если и не говорят открыто, что с культурой можно повременить, то на практике это проводят». В материалах к докладу правительства на XV съезде говорится: «Большинство хозорганов не проводят в жизнь директив партии и правительства об участии в школьном строительстве, и в течение года только по трем наркоматам (ВСНХ, НКЗ, НКС) это составит примерно 25 млн. руб.». Это правильно, но в то же время верно и то, что умения мобилизовать широкое общественное мнение среди трудящихся, среди рабочих производств по этим важным вопросам у нас еще недостаточно.

Так же недостаточно поставлена работа, как указывает тов. Бубнов, и по мобилизации местных средств. Но те соображения, которые высказывали товарищи рабочие на съезде, говорят о том, что решительного давления на местные организации со стороны рабочего класса, поскольку он принимается за дело культурного строительства, ожидать вполне возможно, и результаты такой массовой работы, несомненно, скажутся весьма быстро. Организация рабочих бригад по мобилизации ведомственных и местных средств на культурное строительство, несомненно, окажет большую помощь в этом важном деле.

Все товарищи указывали на то, что руководство Наркомпроса на местах начинает ощутительно сказываться.

но в то же время признавали, что методическое руководство, так сильно связанное с повышением качества школьной работы, чрезвычайно недостаточно. Здесь надо говорить не только об организации руководства, но и о его содержании. Школа реконструируется на наших глазах: она тесно связывается с производством. Политехнизация школы радикально изменяет ее программу. Органическая связь теории с практикой, учебы с участием в социалистическом строительстве, принцип плановости и общественного контроля, новая роль учителя... заочное обучение, производственная практика... — все это в сущности элементы новой методики. Если определить методику как способ организации труда, а мы имеем новую организацию его — социалистическую, то ясно, что при постановке вопроса о методическом руководстве мы должны подразумевать не старую методику, а новую. С этой стороны вопрос в прениях никак не был поставлен, и тов. Бубнов совершенно был прав, когда указал, что товарищи на научно-исследовательскую работу в области прогаммно-методической не обратили должного внимания.

Так же внешне был поставлен вопрос и об учебнике, о пособиях и школьном оборудовании. Здесь главное затруднение не только в бумаге, печатании книг и централизованном производстве пособий, как на это указывал ряд товарищей. Речь должна идти об ответственной и спешной работе по созданию и новых учебников, и новых пособий.

Но надо иметь в виду, что если в области печатания книг мы уже имеем мощный аппарат Госиздата, то в области производства пособий мы такого аппарата не имеем, и ВСНХ, которому поручено это дело, ни в какой мере не обратил на него должного внимания. Этим самым в сильнейшей степени тормозится дело политехнизации школ. Ввиду этого дело с централизацией производства пособий, о чем говорил тов. Тизанов *, обстоит весьма плохо, и краевым, областным организациям следует озаботиться организацией производства пособий на местах.

Не было ни одного выступления, которое не затрагивало [бы] вопроса о кадрах. Товарищи обращали внимание не только на одну количественную сторону: совершенно ясно, что для политехнической школы нужны и

политехнически подготовленные кадры. Разумеется, в этом деле, как уже указывал тов. Мирецкий, самое основное значение имеет политехническая подготовка учителей в массовом масштабе на фабриках, заводах, машинно-тракторных станциях, совхозах и колхозах. Но надо обратить серьезнейшее внимание на то, чтобы уже в педагогических вузах и техникумах была организована самая серьезная политехническая подготовка новых учительских кадров. Здесь следует идти по линии практики студентов на производстве и по линии их работы в мастерских и, самое лучшее, — по производству политехнических пособий для школы. Несколько сот педагогических техникумов могли бы дать хорошую помощь в оборудовании массовой школы, в то же время методически прорабатывая вопросы пользования пособиями для занятий в школе. Но, кроме этого, огромное значение имеет марксистское образование наших учителей, проведенное в массовом масштабе. Без марксистского фундамента вопросы новой методики ими проработаны быть не могут. Пора говорить теперь не только о добровольной марксистской учебе, а об обязательной. Это чрезвычайно облегчит методическое руководство массовым учительством.

Странным образом прения прошли мимо новых методов социалистического воспитания: социалистического соревнования, ударничества, буксира, культпохода и культэстафеты. Даже тов. Любимова*, руководитель Московского отдела народного образования, где культэстафета приняла массовый характер, не сообщила о результатах этого интереснейшего опыта.

Надо отметить твердую уверенность в преодолении трудностей, в необходимости еще сильнее бороться за темпы, за средства, за людей; чрезвычайной бодростью и силой веет от этих исторических дней, создающих решительный перелом в деле культурной революции...

О ПРОБЛЕМЕ КАЧЕСТВА ВО ВСЕОБЩЕМ НАЧАЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ

I

Как обстоит дело с качеством работы начальной школы?

В области общественной работы наша школа имеет, несомненно, очень большие достижения; она принимает горячее участие во всех боевых моментах социалистического строительства, во всех кампаниях, часто выполняя довольно ответственную роль.

Дети-школьники в массе общественно настроены, работают с большим подъемом, учатся с большим интересом и достаточно самостоятельны и инициативны, но мало организованы, не получают от школы достаточного умения работать и технически слабо вооружены.

Учитель предан своему делу, общественник, работает, не считаясь со временем, жаждет учиться, но мало подготовлен, методически слаб и нуждается в сильном руководстве и помощи.

Оборудование массовой школы зданиями, книгами и пособиями стоит далеко не на высоте и, во всяком случае, ниже тех возможностей работать, которыми располагают и ученики, и учителя.

Таким образом, мы можем констатировать, что массовая начальная школа, работая при скудных материальных средствах, сумела накопить все же большие общественно-воспитательные ценности и что она имеет все данные для дальнейшего роста, при условии повышения своей организационной и методической техники.

II

Всеобуч и ликбез, вовлекая в свою работу около 30 млн. учащихся, являются действительно решающим шагом в деле культурной революции. Совершенно ясно, что общественное [значение] начальной школы в связи с всеобучем и ликбезом чрезвычайно сильно возрастет. Но огромный приток молодых, неопытных учителей, очевидный недостаток школьных помещений, оборудования пособиями и книгами представляют серьезнейшие трудности методического и материального характера, и без принятия чрезвычайных мер, без четкой, деловой организации подготовки учителей, без привлечения широкого общественного внимания к вопросам поднятия качества работы начальной школы этих трудностей не преодолеть.

III

Если всеобуч и ликбез являются решающим шагом в деле культурной революции, то в работе школы решающим шагом мы должны считать политехнизм. Проблема политехнизации школы теснейшим образом и в главных моментах связана с радикальным изменением качества нашей школы. Она чрезвычайно сильно привлекает внимание, силы и средства широких масс трудящихся, создавая глубокую базу для подготовки кадров социалистического строительства, решительно кладет конец словесному обучению, меняет коренным образом содержание подготовки учителя, открывает новые пути для организации [трудовой] школы и для разработки новой методики обучения (связь теории с практикой). Необходимо вокруг дела политехнизации школы организовать массовое движение, развить широкую пропаганду, изучать и использовать уже имеющийся опыт связи школы с производством, привлекать рабочих, техников, инженеров, хозяйственников к помощи в переподготовке учителей и к занятиям с детьми, организовать социалистическое соревнование по политехническому оборудованию школ, по устройству при них мастерских, агрономических участков, политехнических уголков, музеев, экскурсий и по снабжению школ политехническими пособиями и книгами. Производство политехнических пособий, инструментов и детских станков и создание политехнической детской литературы — задачи государственного значения.

IV

Для школы очень важно, чтобы в ней наряду с учителем начали заниматься с детьми новые, свежие люди, знающие производство и интересующиеся техникой и работой с детьми.

В политехнической школе должны появиться рабочие, техники, инженеры, агрономы, трактористы, механики, авиаторы, пожарные и т. д.

Этим активом школа должна чрезвычайно дорожить. Конечно, сам учитель должен получить хорошую политехническую подготовку, и поэтому организацию работы педтехникумов нужно возможно более быстро перестроить, усилив производственную практику. Большое значение для повышения качества [работы] начальной школы будет иметь устройство при всех педтехникумах мастерских политехнических пособий, над созданием которых работали бы молодые учителя. Это сделает подготовку их весьма практичной и ценной для занятий в школе.

V

Комсомол взял шефство над всеобучем. Было бы очень важно для политехнизации школы, если бы всякий член комсомола — студент, техник, рабочий — в порядке обязательной производственной практики известное время уделил школе. Это создало бы хорошую почву для создания массового детского политехнического движения. Пример: радио и участие детей в его распространении — ясно говорит о возможности поставить это дело очень широко.

Для повышения качества [работы] школы, поскольку оно связано с политехнизацией, такое участие молодежи явилось бы огромным подспорьем.

Пионерские организации своими техническими станциями уже начали это дело. Необходимо быстрым темпом создать густую сеть детских технических станций и приблизить их к массовой школьной работе.

VI

Если в городе имеются значительные технические средства и возможности для политехнизации школы, то деревня ими значительно более бедна, и поэтому она требует серьезной поддержки.

Совершенно ясно, что индустриальный город должен прийти на помощь деревне, организовав, так сказать, политехническую смычку. Все городские и фабрично-заводские школы должны принять в этом деле широкое участие. Это тем более важно, что коллективизация деревни, мощные совхозы и машинно-тракторные станции уже пробудили огромный интерес трудящегося крестьянства и деревенских ребят к технике, и мы будем свидетелями развития огромных темпов политехнизации. Но и при современном низком уровне техники должны быть использованы все возможности, все силы и средства деревни, как они есть.

Если сделать перепись всех технических установок деревни, начиная с кузницы, мельницы и кончая электростанцией, если произвести смотр всех орудий и машин, которыми располагает и общественный и частный сектор деревни: молотилки, веялки, пожарные машины, трактора, швейные машинки, телефон, телеграф, радио, то можно утверждать, что дело политехнизации начинать уже возможно. Мало того, даже можно найти и техников — местных мастеров и всякого рода технический персонал, который возможно привлечь к работе школы.

Большую роль должны сыграть мастерские и пришкольные агрономические участки, которые до сих пор еще слабо развиваются. Деревенская школа нуждается в самом простом инструктаже, в самой простой политехнической книжке. Опыт деревенских школ, уже проделавших свои первые шаги, должен быть внимательно изучен и распространен.

Необходимо наладить систематическую посылку в деревню политехнических бригад, выставок, передвижек и книг.

VII

Повышение качества работы школы неразрывно связано с методами, которые в ней применяются. В этой области мы имеем очень слабое место. У нас нет методической школы, мастерство преподавания стоит на низком уровне, и в школе наблюдается большая методическая пестрота. В наших программах мы имели все время основное противоречие, весьма сильно влиявшее на методы занятий: наряду с комплексной программой, мы имели

ряд предметных программ — по языку, математике, естествознанию, обществоведению и т. д. На практике учитель огромную часть времени уделял навыкам, с которыми кое-как «увязывались» комплексные темы. При методической разработке тем самым слабым и трудным делом была «увязка» с навыками. Но и предметная методика осталась в значительной степени старой, эмпирической, ненаучной. В ней преобладали догма и рецептура. Чрезвычайно важный вопрос о методе как организации детского умственного и физического труда, о выработке умения работать, беречь силы и время, стоял совершенно в стороне. Вот поэтому так трудно было применить какой-либо учет к занятиям в школе. У нас нет методической культуры. Тем не менее мы имеем очень интересные методические достижения отдельных школ, отдельных товарищей. Этот опыт мало изучен и мало использован.

VIII

Основной, серьезнейший недостаток обычных методов занятий — их механичность. Между тем в области социалистического воспитания жизнь выдвинула новые методы, которые мы, без сомнения, можем считать диалектическими, — это социалистическое соревнование, ударничество. Живой, работающий ученик, условия его движения вперед, анализ его неудач и успехов, развитие в нем способности действовать, применять к общему делу свои знания, специфические условия его стимулирования к работе не являются основаниями обычных методов занятий. Поэтому ясно, какой опромный интерес представляет для массовой школы метод проектов, связывающий знания и навыки ребят с их участием в социалистическом строительстве.

Учительство живо интересуется им, хотя те примеры разработки проектов, которые мы имеем в педагогической практике, и обнаруживают большие недостатки: малая конкретность, плохо разработанная часть организации труда и преимущественно словесно-пропагандистский характер; тем не менее уже теперь видно, какую серьезную методическую революцию они несут с собой. В особенности важно то, что метод проектов является методической обработкой политехнизма. Это еще более делает его ценным.

IX

Таким образом, мы имеем гигантский размах и глубокую жизненность нашего культурного строительства и низкую технику работы массовой школы, имеющую все корни в старом. Новые методы еще не вошли в жизнь нашей школы.

С другой стороны, ясно, что не только молодые кадры учителей, сотнями тысяч приступающие к работе в школе, но и все учителя, уже работающие, испытывают новые требования к работе. Всем придется и учиться, и переучиваться. Изумительные темпы социалистического строительства властно требуют коренной реорганизации ученического и учительского труда. Как нельзя более чувствуется потребность в четком, едином руководстве, в урегулировании чрезвычайно усложнившегося педагогического труда, в политической и методической помощи массовому учителю. Эта помощь должна быть политически выдержанна, достаточно проста, научно методически обоснованна и своевременна.

X

Качество работы начальной школы в значительной степени понижается от того, что с педологической стороны она почти не обоснована. А между тем искусство и эмоциональное воспитание в школе, здоровый режим, питание, отдых и рациональная организация занятий, борьба с перегрузками имеют, несомненно, прямое отношение к возбуждению интереса у детей к работе и повышению их трудоспособности. Обеспечение школы педологической работой, играющей большую роль в повышении качества, — наша очередная задача.

XI

Борьба за повышение качества начальной школы должна стать делом широких масс трудящихся. Массы населения должны быть заинтересованы в том, как воспитывается молодая смена. Но в то же время необходима упорная организованная работа над целой системой учреждений научного и практического характера, работающих по общему единому методическому плану.

Основные группы их:

1. Мощный научный исследовательский методический институт с отделами: методик, книги и учебных пособий и художественного обслуживания детей.
2. Система опытных школ.
3. Организация массового инструктажа: заочного и устного.
4. Система подготовки педагогических кадров.
5. Система переподготовки.
6. Система опорных школ.

XII

Должны быть приняты самые решительные меры к быстрому распространению всего инструктивного материала, вырабатываемого в методических лабораториях и институтах. Материал должен быть тщательно отредактирован, прост, политически проверен, снабжен иллюстрациями, чертежами и списком литературы для самостоятельной работы. Необходимо всячески поощрять изобретательство учителей в области методических проработок тем, пособий и дидактического материала. Необходимо обратить самое серьезное внимание на распространение педагогических передвижных выставок с пособиями и литературой, руководимых инструкторами. Необходимо ввести в план работы создание сильного инструкторского корпуса, хорошо подготовленного и знающего практические нужды школ. Живое руководство должно быть всячески поощряемо.

О ЛИКВИДАЦИИ ВТОРОГОДНИЧЕСТВА

Ученик оставлен на второй год. Он должен проделать всю работу года с самого начала, независимо от того, что он как-никак знает пройденное, независимо от того, какие части годичной работы он проделал.

Кто помнит старую школу, тот знает, каким чувством унижения сопровождался самый факт оставления на второй год. Слово второгодник имело, несомненно, презрительный характер. По опыту школы, в которой я учился (классическая гимназия), я могу утверждать, что второгодничество имело значительное применение: например, из 29 учеников первого класса до восьмого дошло 3, а из 35 учеников второго класса — 5. Помню еще один случай, который мы, ученики шестого класса, назвали «великим вифлеемским избиением младенцев», когда из 35 учеников в седьмой класс перешли 17.

Многие из этих учеников, оставленных на «повторительный курс», очень усердно учились, им ставили за прилежание «5», за внимание — «5», а за успехи — «2». Это значило, конечно, что «ты, мол, очень стараешься, а толку у тебя никакого не выходит». Само собой разумеется, что беднейшие ученики чаще всего подвергались этой педагогической операции.

Американцы, остроумно смеясь над собой, называют второгодничество школьной учебной смертностью и тем самым указывают на невознаградимый характер потери, которая при применении его получается.

Что система второгодничества тесно связана с капиталистической организацией школы, ярко показывают американские данные.

**Элементарная школа
1—8-й годы обучения**

В 1915 году в первой группе было	4 043 254	человек,
перешло из них во вторую группу в 1916 г.	2 585 365	чел.
„ „ „ в третью „ „ 1917 „	2 487 329	„
„ „ „ „ четвертую „ „ 1918 „	2 417 090	„
„ „ „ „ пятую „ „ 1919 „	2 106 552	„
„ „ „ „ шестую „ „ 1920 „	1 846 952	„
„ „ „ „ седьмую „ „ 1921 „	1 631 028	„
„ „ „ „ восьмую „ „ 1922 „	1 404 982	„
Средняя школа, первая группа в 1923 „	1 178 638	„
„ „ вторая „ „ 1924 „	802 038	„
„ „ третья „ „ 1925 „	659 650	„
„ „ четвертая „ „ 1926 „	557 340	„

Итак, в американской начальной школе до 5-го года обучения доходит 50%, до 8-го года — 30%.

В средней школе остаются на второй год: в первой группе — 36%, во второй группе — 23% и в третьей группе — 7%.

Совершенно очевидно, что американская буржуазия особенно держится за ступень, где 36% учеников остаются на второй год при переходе во второй класс. Операция повторяется в несколько меньшем, но достаточно ощутительном размере (23%) на следующий год. Понятно, какие слои населения должны уходить из массовой школы повышенного типа (отчет Бюро народного образования за 1924—1926 гг., Вашингтон, стр. 576).

Все это говорит о том, что второгодничество как педагогическая мера перешло к нам от старого буржуазного общества, от старой школы. Оно яснее, чем что-либо другое, говорит нам о тех пережитках, от которых мы еще не избавились.

Как обстоит дело у нас?

Данные Госплана указывают на 8,6% школьников, остающихся на второй год в школе I ступени. Цифра эта, по всей видимости, преуменьшена. Недавно Ленинград — первый город сплошной грамотности — дал 11% за 1930 год. Если согласиться в среднем на 10%, то и эта цифра наводит на целый ряд серьезных соображений.

В самом деле, наша школа готовит строителей социализма и борцов за него, но $\frac{1}{10}$ будущих строителей войдет в гигантский поток строительства на год позднее.

Мы тратим громадные усилия на то, чтобы подготовить кадры учителей для всеобуча, и $\frac{1}{10}$ наших усилий пропадает зря.

Мы создаем вокруг всеобуча массовое культурное движение трудящихся и не можем добиться удовлетворительной производительности труда нашей многомиллионной молодежи. 10 млн. школьников I ступени дают 1 млн. второгодников. Если принять среднюю стоимость обучения одного ученика на 1930 год за 40 руб., то мы потеряли не меньше 40 млн. на этой старой педагогической мере.

Зачем ее применять?

Конечно, сейчас же перед нами встанут объективные причины. Изучение второгодничества и тесно с ним связанной неуспешности хотя еще далеко недостаточно, но все же кое-что вскрывает.

По Блонскому («Трудные школьники» *), «большее двух третей неуспевающих детей рассеяны, медленно и небрежно работают, непостоянны и пассивны к работе» (подразумевается, умственной). Он же указывает на основные типы неуспевающих ребят: «Мы имеем четыре типа неуспевающих учеников: 1) физически слабые и умственно неразвитые (50%), 2) физически слабые, но умственно развитые (25%), 3) физически нормальные, но умственно неразвитые (10%), 4) физически и умственно развитые (15%)» (там же).

Неуспевающих, конечно, значительно, почти вдвое, больше, чем второгодников. К примеру говоря, из 10 млн. школьников I ступени мы имеем не меньше 2 млн. неуспевающих, из среды которых и выходит около миллиона второгодников.

Какие же причины неуспеваемости и ее результата — второгодничества?

Старая школа отводила огромную роль в этом деле личности ученика и боролась с неуспеваемостью путем применения наказаний, лишений свободы передвижения, пищи, угроз изгнания из школы, путем поощрения, соперничества, конкуренции, раздачи наград и системы отметок за поведение, внимание, прилежание и успехи. Но в то же время старая школа не могла не знать, вернее, великолепно знала, что на неуспеваемость учеников имеют огромное влияние материальные и бытовые

условия жизни детей. Поэтому ясно, какое большое значение имели педагогические меры наказания, поощрения и второгодничество в проведении классового отбора элементов, опасных для буржуазного общества. Длительное обучение было непосильно широким массам трудящихся, не говоря вообще о самой возможности учиться: два года начальной школы были в опромном большинстве случаев образовательным пределом для них.

Рабочий класс, взяв в свои руки власть, уничтожил все образовательные пределы: недаром же введение всеобщего начального обучения поддерживается колоссальным, охватывающим десятки миллионов трудящихся массовым культурным движением, тесно спаянным с делом проведения в жизнь важнейших хозяйственно-политических задач, задач социалистического строительства.

Рост социалистического строительства сопровождается огромным экономическим подъемом. Происходят небывалая в мире массовая переделка людей, создание новых форм быта и человеческих отношений. Обострение классовой борьбы на данном этапе строительства, несомненно, ускоряет процесс социалистического перевоспитания.

Совершенно ясно, что темпы социалистического строительства зависят от темпов подготовки кадров и темпов культурного строительства. Всякое отставание есть задержка темпов. 2 млн. неуспевающих ребят и миллион второгодников составляют, так сказать, фонд задержки темпов, имеющий огромное политическое и хозяйственное значение. Поэтому успешность работы наших школьников на всех фронтах их работы — учебной, производственной и общественной — должна привлекать широкое внимание рабочего класса. Мы должны призвать всю рабочую общественность к ликвидации серьезных прорывов на культурном фронте — неуспеваемости и второгодничества в массовой школе.

Неуспешность — понятие относительное и зависит от тех требований, которые общественность предъявляет к школе. Мы видим, как сильно растет в нашем Союзе интерес к технике, как повышаются запросы на технически обученных рабочих, могущих успешно справляться с новыми усовершенствованными машинами и станками.

Вот один из примеров. Каковы перспективы современной техники? Всесоюзное совещание по составлению нового плана электрификации СССР наметило изумительные возможности получения и токов высокого напряжения (400 тыс. вольт), и использования солнечной энергии путем превращения ее в солнечное электричество, и прямого превращения тепла в электричество, и замены паровозов электровозами. Через пять лет эти планы станут действительностью. Но это значит, что потребность в технически подготовленных людях возрастает во много раз и что именно в области электрификации их потребуется особенно много, ибо мы вполне сможем в широких размерах электрифицировать и промышленность, и сельское хозяйство. Следовательно, будут повышены требования и к школе, и к оценке успешности учеников, и к программам, которые должны быть «насыщены электричеством», и к продуктивности педагогического труда.

Если вместе с мощным развитием социалистического хозяйства начнут ослабевать экономические причины неуспешности учеников, улучшатся бытовые условия и здоровье детей, то повышенные требования к школе начнут повышать процент ребят отстающих и, следовательно, второгодников, причем мы должны отказаться от педагогических мер старой школы.

Вот почему накануне величайших завоеваний, накануне (что весьма вероятно) технической революции мы должны бить тревогу по поводу огромного, особенно в настоящее время, процента неуспевающих детей в школе и оставляемых на второй год.

На днях СНК РСФСР признал необходимым перестроить все формы образования рабочих, занятых в производстве, в единую систему рабочего образования — от вводного курса в производстве для всех рабочих до техникума и втуза, готовящих инженеров и техников без отрыва учащихся от производства. Все это вместе с ФЗУ и ФЗС составит на предприятии единый учебный комбинат, который будет готовить кадры для определенной отрасли промышленности.

Это значит, что система подготовки кадров включает в себя и массовую школу, которая должна будет коренным образом перестроить свою организацию занятий и обратить огромное внимание на качество работы школь-

ников. Как в любом фабрично-заводском предприятии, плохая работа любого рабочего у станка является делом рабочей общественности, так это будет и в школе. С введением единой системы рабочего образования массы рабочих будут обсуждать, соревноваться, улучшать не только производство, но и методы организации учебных занятий, т. е. вопросы методики будут поставлены не в узком кругу специалистов, а в широких кругах учащихся, в широких рабочих массах, и то, что мы сейчас понимаем под методикой в ее узком, специфическом значении для целей преподавания языка, математики, обществоведения и т. д., т. е. методикой усвоения препарированных знаний и умений, превращается в методику организации труда. На всяком заводе и фабрике мы имеем бюро рационализации труда; несомненно, что с введением единой системы рабочего образования бюро рационализации займется и вопросами учебной работы. А это значит, что фабрика и завод займутся вплотную вопросами методики. Таким образом, мы подходим к совершенно новой постановке методических проблем, и, поскольку наша массовая ФЗС тесно связывается с единой системой рабочего образования, рабочий класс будет применять организацию учебной работы и в самой школе, и вместо наших методических комиссий мы будем иметь бюро рационализации, где будут участвовать, кроме педагогов, рабочие, инженеры и техники с завода.

А рационализировать действительно есть что в нашей школе. Как никогда чувствуется в ней острый стык старого с новым. После того как видишь рабочего, который показывает нашему школьнику, как устроен станок и как на нем работать, странными кажутся в школе старый класс, система «фронтального» (какое придумали военное слово) обучения, учитель, пожимающийся с небрежным видом на стуле и снисходительно обращающийся к стоящему у доски ученику: «Ну, теперь покажи мне, где Капштадт...», тем самым указывая, что ответ нужен именно ему и что так называемый «педагогический процесс» происходит только между учеником и учителем.

Или зайдешь в трудовой уголок и увидишь стройные ряды тупых инструментов на полках, услышишь жалобы на то, что некому их точить, а поэтому детям очень трудно работать...

На полках навалены в куче толстые и тонкие доски, фанера, куски проволоки и еще что-то, и ребята делают ящик с одной толстой, тремя тонкими стенками и с фанерным дном. Бывает и так, что рубанком заколачивают гвозди.

А рядом — огромный завод, прекрасно оборудованный, с двенадцатью тысячами рабочих, с сотнями инженеров и выполнением пятилетки в 2¹/₂ года.

Прекрасно поставленная организация борьбы ребят за промфинплан, хорошо налаженная работа пионеров, широкая общественность, ударничество, соцсоревнование, социалистический договор школы с предприятием...

А рядом — унылые классы, сорок учеников, слушающих разговор учителя с учеником у доски, скучающих, радующихся всякому развлечению, под партами играющих между собой в шашки, записки, в вопросы и ответы. Что они в общем делают? Ответ прост: разнообразными способами теряют время.

Передо мной сводный график режима рабочего дня на одном из уральских заводов по фотографиям, заснятым в январе — феврале во время ликвидации прорыва.

Рабочий день 480 минут

		Цехи			
		Отделение прессовки	Пилочный	Машинно-фрезеровочный	Слесарно-токарный
Основная	работа	198	303	356	326
Подготовительная	»	31	—	13	18
Вспомогательная	»	13	34	35	56
Посторонняя	»	—	30	—	—
Технический	простой	134	44	45	17
Организационный	»	45	—	3	16
По вине рабочего	»	37	54	15	27
Завтрак		22	15	17	20

Нам надо взяться вплотную за изучение школьного режима. Так, как это делается на производстве. В школьном графике, подобном только что представленному, можно будет сразу видеть те слабые места организации работы, которые реально имеют место в нашей школе.

Если мы начнем проверять занятия и по языку, и по физике, и по производственной практике таким способом, то, несомненно, организационно-методическое качество работы нашей школы повысим в сильнейшей степени.

В школе с этой точки зрения мы имеем огромный методически организационный разноряд. У каждого учителя своя методика, не вызываемая какими-либо объективными причинами, исходящими от требований той или иной темы, содержания работы, от того, как привык работать сам учитель, как его самого учили.

Возьмите наши массовые приемы — механическое списывание, громкое чтение, ведение собраний, наконец, «столбики», которыми занимаются все наши миллионы школьников. Недаром покойный Н. С. Лесков назвал таблицу умножения «д о л б и ц е й умножения». Нам надо знать, что «долбицы» всяких видов и форм процветают в нашей школе. А они являются крайне нерентабельными формами труда. Всякое механическое перенимание знаний и умений и навыков есть «д о л б и ц а», старое наследство, имеющее смысл в капиталистическую эпоху, но не у нас, когда мы ставим перед собой вопрос о максимальном развертывании человеческих сил и средств, о продуманном плане, сопровождаемом огромным социалистическим подъемом и ясным пониманием тех великих целей, которые ставит перед собой первое в мире и пока единственное рабочее государство.

Новый учитель должен быть организатором коллективной, общественно направленной, самостоятельной работы учеников. Он должен специализироваться в области р а ц и о н а л и з а ц и и воспитательно-образовательной работы. Он должен уметь перенести в школу тот опыт борьбы за качество и количество продукции, который уже накопил рабочий класс, он должен изучать организацию труда на фабрике, заводе и уметь работать над вопросами обучения с рабочим, техником, инженером. В самом деле, ведь мы строим не только трудовую, но и производственную школу. Как ее можно построить без участия рабочих?

Подход к методике с точки зрения организации труда сделает ее вполне понятной для широких рабочих масс: большевики должны овладеть техникой. Сюда же нужно включить и технику обучения.

При таких условиях вопрос о второгодничестве является доказательством страшной слабости методов, применяемых в школе. Совершенно правильно предложить ученику переделать работу, исправить ошибки, даже начать ее с самого начала, указав на те неправильные приемы, которые повели к неудаче. Но быть свидетелем того, как ученик постоянно, в течение всего года, не доделывает или плохо делает свою работу, не имеет навыков подготавливать материал для нее, распределять время, проверять работу и свою и своей группы, и заставить его поэтому заново проделать все эти недоделанные звенья с начала следующего года, не имеет никакого смысла. Второгодничество педагогически не может быть оправдано. Поэтому надо взяться за методические проблемы вплотную. Нельзя допускать, чтобы от нашей старой системы занятий страдали как раз наиболее развитые и способные ученики, которых так много среди так называемых «трудных детей», детей-дезорганизаторов.

Организация единой системы рабочего образования ставит особенно ответственно перед органами народного образования проблему руководства. Для этого руководства надо собирать силы. И было бы очень полезно под этим углом зрения разобрать вопрос о роли наших педагогических техникумов. Мне кажется, что именно они должны быть тем практическим органом методического руководства, которое нам нужно. Основное, чему педтехникумы должны обучать, — это методам организации труда. Они должны превратиться в методические техникумы, выпускающие практиков — организаторов обучения и воспитания. Большое значение имели бы в них кабинеты рационализации, работающие в тесном контакте с фабрикой и заводом и вместе с ними борющиеся за качество учебной работы.

Второгодничество педагогически не оправданно, бессмысленно и политически вредно. Надо поднять широкую борьбу с этим пережитком старой школы, заставляющим нас растрачивать силы детей. Меры предупреждения неуспешности и ее результата — второгодничества — должны быть во что бы то ни стало разработаны и строго продуманы. Каждый неуспевающий ученик, если только он не болен, является прорывом на фронте обучения. Помощь отстающим, помощь своевременная, профилактическая, должна быть обязанностью каждого звена, каждой

бригады учеников, каждого учителя. Рабочая общественность должна серьезно взяться за дело оздоровления школы. Пионеры, комсомол, педагогическая и общая печать должны широко бить тревогу. Дело идет не о частном факте, невинном, случайном, а о факте, являющемся результатом целой системы, в основном отражающей совершенно чуждые рабочему классу методы, не дающие нашей молодежи сильной лавой двигаться вперед.

Ликвидация второгодничества — это глубокая реконструкция школы. Социалистическое строительство, техническая революция, массовая тяга трудящихся к знанию, к продуктивным формам труда этого настоятельно требуют.

Необходимо одержать победу и на этом фронте.

УКЛОНЫ

Следя за ходом развития работы нашей школы II ступени, можно остановиться перед одним весьма любопытным, хотя и печальным, явлением.

С самого начала строительства школы II ступени мы весьма много толковали о новых принципах организации занятий, которые мы и ввели в школу под названием лабораторного плана, дальтон-плана, метода проектов, метода заданий, кабинетной системы. Конечно, мы в этом вопросе не были оригинальны; мы просто взяли американские образцы и стали их усердно пересаживать на русскую почву и, как всегда водится в наших условиях, обнаружили здесь весьма сильное увлечение. Я не думаю, чтобы мы основательно проштудировали все те материалы, которые вывезли из-за границы. Мне, наоборот, кажется, что многое было схвачено только чисто внешним образом, и, несмотря на всеобщий интерес к этим методам, в нашей работе мы как будто бы сдались, отступили. Мы весьма основательно раскритиковали наши неудачи и принялись за старое.

Странная судьба постигла эти новые методы.

Нас в них особенно прельстил способ контроля и учета, как будто бы эта возможность проведения черточек в клеточках, возможность уловить работу ученика, и уловить ее четко, тщательно, нас привлекла в такой степени, что мы совершенно упустили из виду все другие педагогические стороны, которые все же имеют очень большой смысл и должны возбуждать к себе огромный педагогический интерес.

Значение всех этих планов работы, связанных с культурой самодеятельности, самостоятельности учеников, значение их в том, что здесь можно было бы нащупать для каждого ученика в отдельности наиболее целесообразный для него темп и способ работы. Вот этот индивидуальный подход, связанный с индивидуальной ответственностью, мог бы оказаться в высшей степени полезным, ибо этот способ мог бы быть серьезным орудием в самом важном для нашей молодежи деле — в деле выработки призвания.

Тот принцип, который позволяет для каждого человека найти подходящее дело, соответствующее его силам, интересам и способностям, приводит, конечно, к огромному повышению производительности труда, и этот принцип ни в какой мере не может быть чужд в социалистическом строительстве.

Мало того, если бы у нас выработался способ индивидуального подхода к каждому ученику и мы умели бы содействовать ему в максимальной степени развивать свои силы и [способности] в наиболее подходящем для каждого ученика направлении, то мы бы в значительной степени продвинули и коллективную работу наших учеников и усилили возможность установления дружной рабочей общественной атмосферы среди наших учащихся.

Но мы не сумели этого достигнуть, мы не сумели нашу педагогическую работу поставить так, чтобы ученики интересовались разнообразными приемами, формами, методами работы, чтобы они могли умело помогать друг другу в различных сторонах общего дела, применяя отдельные специальные умения того или другого ученика. Мне кажется, что эта постановка заставляет нас быть свидетелями огромной потери тех богатств, тех возможностей, которые имеются в каждом ученике и которые при других условиях могли бы серьезно развернуться.

Вот поэтому-то и жалко, что наша попытка провести в жизнь эти методы самостоятельной работы учеников так быстро выродилась; жалко потому, что мы опять отодвинули в сторону все возможности подойти к одной из важнейших задач школьной работы — содействию ученикам в выработке интересов и умений, нужных для той или другой профессии; вместе с тем мы должны согласиться с той мыслью, что наше подрастающее поколение, наша молодежь уже лет с пятнадцати начинает перед со-

бой ставить вопрос о будущей деятельности. По всей вероятности, каждый наш второступенец старается примерять свои силы к той или другой деятельности взрослых; он хочет заняться вопросом о том, какое место, какая работа в жизни больше всего ему подходит и где он может быть наиболее полезным для общего дела строительства.

Поскольку мы этими вопросами не занимаемся, поскольку мы не поддерживаем эти совершенно законные, естественные потребности, запросы молодежи, мы, в сущности, делаем нехорошее дело, именно наносим нашей молодежи непоправимый вред, так что я не только сожалею о том, что дальтон-план и методы проектов ушли из нашей школы, или, вернее, если они не ушли, то по крайней мере выродились, но в связи с этим я испытываю величайшее сожаление при мысли, что мы эти существенно важные вопросы, вопросы об основательной ориентировке нашей молодежи в различных профессиях, не проводим в наших школах. Все-таки это — одна из важнейших задач и обязанностей даже школы II ступени.

То, что у нас культивируется под видом уклонов, т. е. когда мы при школе создаем возможность всем ученикам познакомиться с одной какой-нибудь профессией, абсолютно не решает этих вопросов. Мне приходилось рассуждать с учениками восьмой и девятой групп.

— Что ты делаешь? Чем ты занят сейчас?

— Я, — говорит молодой товарищ, — я уклоняюсь.

— От чего ты уклоняешься?

— От педагогики: у нас ведь педагогический уклон, — объясняет он, пожимая плечами, — а на кой черт он мне нужен?

Я считаю, что соображения моего собеседника весьма справедливы и оценка положения, которое получилось в результате нашей реформы, является весьма верной. Такого рода постановка вопроса нашу молодежь вряд ли может удовлетворить. Мне кажется очевидным, что надо поднять вопрос о том, чтобы начиная с восьмой или даже с седьмой группы школы II ступени проводилась бы систематическая работа по ориентировке наших учеников в разнообразных профессиях. Вот тут-то индивидуальный план занятий оказал бы очень большую услугу школе II ступени, имеющей кабинеты по различным отраслям знаний и деятельности. Тут не представило бы никакого труда организовать занятия так, чтобы любой из учени-

ков, обнаруживший интерес и способность к той или иной профессии, мог бы в значительной степени отразить это в своем плане. Конечно, известная часть материала прорабатывалась бы всеми учениками одинаково, но выделение значительного количества времени на удовлетворение специальных потребностей учеников могло быть совершенно определенно [обеспечено] таким планом занятий.

Понятно, это не под силу нашей бедной рядовой школе II ступени, но школы, хорошо обставленные, которые все-таки проводят наши профессиональные уклоны в том виде, как это имеет место у нас или на Украине, школы, имеющие соответствующее оборудование или подходящий персонал, школы, имеющие мастерские и установившие связи с некоторыми производствами, конечно, могли бы ближе подойти к разрешению этих вопросов, толкая наших ребят не только на экскурсии и наблюдения, но и на систематическую работу, приближающую учеников к той или другой профессии.

Я думаю, было бы важно организовать при таких школах специальные кабинеты по изучению профессий, где бы ученикам могли бы даваться советы, как им ближе подойти к пониманию той деятельности, которая все более и более определенно встает перед их глазами и к которой они чувствуют определенную склонность. Даже такая работа, не имеющая характера технической выучки, сделала бы довольно много в профессиональном отборе наших ребят.

Я думаю, что рядом с такого рода планами можно было бы применить и то, что у нас уже разработано достаточно хорошо, а именно психо-технические исследования, и таким образом можно было бы прийти ученикам на помощь со стороны научной.

Таким образом, в моем представлении вопрос об уклонах связывается с вопросом о выработке профессионального призвания для каждого ученика и с соответствующей реорганизацией планов его занятий.

РЕЧЬ НА СОВЕЩАНИИ СОТРУДНИКОВ ОПЫТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НАРКОМПРОСА

Товарищи! Мы все должны с вами взять центральную проблему для нашей работы. Центральной проблемой, по-моему, является урок. Почему? Потому что все наше многотысячное учительство бьется над этой задачей. Ведь урок — это тот вид практической деятельности, который занимает главнейшее место у учителя. Повысить качество урока и дать пути и средства повышения качества урока, хотя бы самые простейшие, — это задача огромная. И хотя опытных учреждений * наших много, а лаборатория * наша маленькая, тем не менее если бы мы в этом направлении дали массовой школе хорошо проверенный материал, то это было бы большим нашим достижением и огромнейшей помощью для массовой школы.

Таким образом, я считаю, что центральная проблема наша намечена, и какая бы ни была тема опытного характера, она все равно будет проходить через эту форму — форму урока.

Сейчас мы занимаемся методической проблемой, [проблемой] методического руководства, мы хотим поднять методически урок учителя на какую-то высоту.

Но можем ли мы этой проблемой заниматься, если мы не поставим проблему учительского мастерства?

Отсюда совершенно ясна постановка вопроса Центральным Комитетом, который говорит об образцовых уроках в школе *. Совершенно ясно, в чем суть той проблемы, над которой мы должны работать.

Затем для нас совершенно ясно, что мы еще не готовы, что нам нужно проделать упорную работу, чтобы

пройти до какой-то высоты, чтобы давать доброкачественный материал, хорошо проверенный на практике одной школой, но сопоставленный с работой других школ, что гарантирует доброкачественность материала, который мы хотим опубликовать.

Отсюда совершенно ясно, что нам придется договориться об очень многих вещах. Мы должны на материале многих школ организовать дело таким образом, чтобы школа давала непрерывный рост повышения качества работы. Мы это можем, конечно, сделать, потому что в наших опытных школах мы сейчас имеем гораздо более высокий уровень преподавателей, чем это было раньше. И над подбором преподавателей мы должны в дальнейшем все время работать, чтобы преподаватели были более высокого качества, чем в массовой школе. Поэтому подготовительные шаги очень важны. Я разумею подготовительные шаги в таком направлении: тут надо иметь три вида уроков. Уроки пробные, когда мы пробуем свои силы и готовимся к более высокой ступени. Когда мы овладеем техникой преподавания, мы можем дать урок образцовый. И затем, после предварительной работы, мы можем подойти к экспериментальному уроку, который ставит перед собой какую-то проблему и научную цель для ее серьезного изучения.

Следовательно, мы должны иметь три вида уроков.

В Наркомпросе сейчас проводится такая мысль, что пробные уроки самая простая форма урока, на котором можно организовать методическое руководство; эти пробные уроки будут предложены всем учителям во всех школах. То же самое может быть в конечном итоге и в образцовых уроках. И образцовые школы должны заниматься и пробными и образцовыми уроками. А в опытных школах придется давать и пробные, и образцовые, и экспериментальные уроки.

Экспериментальные уроки — это наиболее ответственная часть работы. И они должны быть в значительной степени подготовлены.

Но даже и в такой постановке всем нам, работающим в опытных школах, пробный урок придется давать более высокого качества, чем в обычных школах. Здесь должна быть серьезная подготовка, затем [проведение] этих уроков в присутствии методиста, затем должен быть анализ уроков. Материал этих уроков весь должен быть запи-

сан; он может не стенографироваться, но, во всяком случае, сквозь это горнило мы все должны пройти и должны чрезвычайно внимательно отнестись и к записи этого урока, и к анализу этого урока, чтобы на основе его дать соответствующий вывод.

Ряд таких предварительных пробных уроков у нас даст нам возможность выделить тех товарищей, которые могут давать образцовые уроки. Опять-таки наш образцовый урок будет более высокого качества, чем в массовой школе, потому что здесь будет большая подготовка. У нас организована будет постоянная педологическая служба; помощь педологов в подготовке и в анализе урока, несомненно, будет иметь место. Здесь более глубоко можно рассмотреть ряд вопросов, связанных с уроком.

Наконец, экспериментальный урок, который должен базироваться на точном знании всех учеников. Если учитель дает урок экспериментальный, то вся группа и педологу, и учителю должна быть прекрасно известна; только при таких условиях можно рассчитывать на проведение экспериментального урока, ставя перед собой какую-то проблему, которую надо разрешить.

Мы должны выдвинуть ряд основных требований к организации уроков, чтобы весь тот материал, который учителем намечается к проработке на уроке, был проработан всеми учениками, чтобы не было «хвостов». Это совершенно не согласуется с той практикой, которую мы имеем в школе, — на практике все-таки всегда остаются «хвосты»; но если как раз мы поставим перед собой задачей, чтобы все учащиеся проработали материал, вы увидите, какая подготовка должна быть осуществлена учителем, чтобы эту задачу выполнить, насколько всех учеников надо знать — их силы, средства, как надо на учеников ориентироваться.

И затем тут станет ясно, что некоторые ученики прорабатывают быстрее и что надо им дать другую какую-то работу.

Но, во всяком случае, [требование], чтобы все проработали, надо выдвинуть.

Второе требование: урок и пробный, и образцовый, и экспериментальный должен быть рационализирован. Какие-то рационализирующие соображения должны иметь место.

Вот здесь мы имеем пример — в лаборатории есть материал рационализированной работы, конечно, еще не в достаточной степени, но, во всяком случае, он нам показывает, какое огромное подспорье в организации урока дает рационализация: как прийти приготовить материал, приготовить материал раньше урока или нет, как давать объяснения, как спрашивать, как проверять работу, — это все должно заранее предусмотреть, все это войдет в подготовку.

Урок должен быть зафиксирован. И затем материал всякого урока должен быть проработан, проанализирован. Он записывается или стенографической записью, или еще как-нибудь и, конечно, должен быть проработан.

Вот те требования, которые нужно предъявить к нашим урокам.

Для того чтобы правильно наметить темы наших уроков, для нас обязательно знание основных нужд массовой школы. Зная, в чем массовая школа нуждается, мы и должны на основании этого ставить свои задачи. Тогда наш материал, если он будет отличаться углубленной проработкой, если он будет доброкачественный и т. д., будет подхвачен массовым учительством.

И несмотря на то что мы будем поднимать квалификацию нашего учительства и повышать качество работы, все-таки обработанный материал наших уроков должен быть очень прост, чтобы нам нашего учителя не запугать.

Таким образом, перед тем как заслушать наши доклады, я хотел указать на эти задачи и сделать предварительно некоторые выводы.

Я очень рад, что у нас собралось много товарищей и что у нас появились товарищи, которые работают не в Москве. Это очень приятно. И вероятно, у нас и в дальнейшем будет скопление народа гораздо большее, и мы все понимаем, какая ответственность лежит на нас перед массовой школой. Но мы должны вырабатывать общие принципы и установки. Мы должны регулировать наши установки. Мы не справимся со своими задачами, если каждая школа будет работать по-своему. Здесь, конечно, надо иметь в виду, что мы должны выработать некоторые общие наши требования ко всем нашим учреждениям, чтобы можно было сравнивать, помогать и чувствовать себя участниками общего дела...

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА УРОКА

...Центральная проблема в уроке сводится к проблеме учителя: от него так много зависит в отношении качества урока, продуктивности, что мимо этой проблемы мы пройти не можем. Мы констатировали при анализе уроков, что чрезвычайно большое значение имеет формулировка вопроса учителем. Есть стенограмма урока, где один учитель задает три вопроса подряд на одну и ту же тему. Он задает вопрос и чувствует, что ученики не могут ответить по-настоящему. Тогда он ищет другую форму, а потом третью, на которую он, в конце концов, получает от части ребят более или менее удовлетворительный ответ. Это явление чрезвычайно частое. Ясность и отчетливость речи учителя имеют огромное значение.

Мы должны готовиться к уроку несколько по-иному, не только располагая в известной последовательности изучаемый материал, но, работая еще над собой, устанавливая, как говорить, как двигаться и т. д.

Одним из главнейших условий доброкачественности урока является ясность понимания со стороны детей. Если бы мы сумели достигнуть того, чтобы ученики наши хорошо понимали учителя, то они работали бы очень хорошо. Но, к сожалению, в этом отношении уроки имеют много недостатков.

Еще в 80-х годах Достоевский в «Дневнике писателя» *, разбирая новые пути школы, говорил, что ему кажется, что здесь речь идет о том, чтобы облегчить детям занятия в школе, а он считает правильным не облегчать, а давать такие затруднения, которые дети могли бы

преодолевать. И когда мы говорим об учебных заданиях, предлагаемых для выполнения учащимся, это не что иное, как затруднения, которые ребята могут преодолевать. Мы нарочно им выдвигаем эти затруднения. Вопрос не в том, чтобы ликвидировать затруднения; если никаких трудностей не будет для детей, то к чему же сведется всякая самостоятельная работа и развитие их мышления? Останется вкладывать детям в рот жеваную манную кашу, и больше ничего. Так у нас не проходят уроки. Ведь каждая задача, каждый вопрос являются каким-нибудь затруднением, которое надо преодолеть. И с этой точки зрения речь должна идти не о ликвидации затруднений, а, может быть, о культуре затруднений.

Во всяком случае, мы должны говорить о правильной организации уроков. В каждом уроке существует часть инструктивная, когда учитель что-нибудь объясняет, дает разнообразные указания, дает задание. И затем часть исполнительская, которая проводится детьми по указаниям учителя. Эта исполнительская часть проходит под непосредственным контролем учителя, когда он следит за каждым шагом или же проводит последующий контроль.

В итоге этих инструкций, исполнения и контроля получается тот или другой результат.

Но в основе лежит то, что ребята должны хорошо представлять и понимать, что им предлагается сделать; речь идет о возбуждении у ребят умственной деятельности, и на основании этой возбужденной умственной деятельности происходит выполнение тех или других работ. Поэтому учителю необходимо разобраться в некоторых основных проблемах, которые в этом направлении ему могут оказать известную помощь.

Если речь идет об умственной деятельности, которая направлена на познание действительности, то теория познания имеет очень большое значение для правильной организации процесса обучения. Лет тридцать тому назад ученые, вроде Маха, стояли на той точке зрения, что существуют ощущения, а больше ничего не существует. Для нас вопрос о том, что вне нас существуют вещи, — вопрос бесспорный, и мы знаем, что мы уйдем, умрем, а они будут продолжать существовать. Наши представления, понятия являются отображением этих вещей, образом этих вещей. Но перед нами стоит вопрос, представ-

ляем-то мы вещи правильно или нет? Об этом шли очень серьезные споры, которые занимали умы целые столетия. Мы говорим, что практика проверяет правильность отражения действительности в сознании человека.

Совершенно ясно, что об этих вещах приходится говорить именно потому, что речь идет не только о простом процессе обучения, речь идет о мировоззрении, которое имеет для нас огромное значение: мы говорим о материалистическом мировоззрении.

Существуют ступени познания: мы не сразу подходим к пониманию вещей. Эти ступени сводятся к трем главным ступеням, и у ребят мы постоянно наблюдаем это. Дети познают вещи, непосредственно их наблюдая: «воспринимают вещь, как таковую», и больше ничего.

Вторая ступень — это когда, получивши известный опыт, дети выделяют некоторые группы предметов, которые имеют общие качества и отделяются от других вещей («особенное»).

Наконец, последняя ступень — ступень всеобщности, когда устанавливается некоторый общий закон.

Я бы хотел дать иллюстрацию из «Диалектики природы» Энгельса:

«Что трение производит теплоту, это было известно на практике уже доисторическим людям, когда они изобрели — быть может, уже 100 000 лет тому назад — способ получать огонь трением, а еще ранее этого согревали холодные части тела путем их растирания. Однако отсюда до открытия того, что трение вообще есть источник теплоты, прошло кто знает сколько тысячелетий. Но так или иначе, настало время, когда человеческий мозг развился настолько, что мог высказать суждение: *«трение есть источник теплоты»*, — суждение наличного бытия, и притом положительное.

Прошли новые тысячелетия до того момента, когда в 1842 г. Майер, Джоуль и Кольдинг подвергли исследованию этот специальный процесс со стороны его отношений к открытым тем временем другим процессам сходного рода, т. е. со стороны его ближайших всеобщих условий, и формулировали такого рода суждение: *«всякое механическое движение способно посредством трения превращаться в теплоту»*. Столь продолжительное время и огромное множество эмпирических знаний потребовались для того, чтобы продвинуться в познании предмета от

вышеприведенного положительного суждения наличного бытия до этого универсального суждения рефлексии.

Но теперь дело пошло быстро. Уже через три года Майер смог поднять — по крайней мере, по сути дела — суждение рефлексии на ту ступень, на которой оно имеет силу ныне: *«Любая форма движения способна и вынуждена при определенных для каждого случая условиях превращаться, прямо или косвенно, в любую другую форму движения»*. Это — суждение понятия, и притом аподиктическое, — наивысшая вообще форма суждения*.

Это уже общий закон. Овладение последним суждением имеет колоссальное практическое значение. Какой простор открывается для человеческой мысли, если я убежден, что любая форма движения может превращаться в любую другую форму движения. Это может иметь колоссальное значение для нашего строительства. И чем уже теоретическое положение, чем меньшую оно захватывает область, тем меньше его практическое значение. А при отсутствии теории то или иное положение имеет ничтожное практическое значение.

Мы имеем дело с ребятами. Ребята в своем понимании явлений и вещей, с которыми оперируют, овладевая ими, проходят соответствующие ступени познания не сразу. К человеку ребенок подходит сначала, как к такому, к животному, как к такому, и т. д. А потом происходит сложная работа ума, и ребенок переходит к суждению особенности и суждению всеобщности. В том и состоит прогресс, что человек может сблизить эти ступени. Но разве не бывает так, что мы для скорости подходим к детям с общими формулировками. И поэтому ребенок не может нас понять и продуктивно работать. Поэтому вопрос о ступенях познания является очень серьезным.

Дальше — мы говорим о накоплении у детей знаний и навыков.

Разве это значит, что сегодня ребенок имеет сто навыков и знаний, а завтра будет иметь 121? Этот механический взгляд должен быть нам чужд, а, между прочим, он имеет большое распространение. Дело в том, что при этом не учитывается вопрос о понимании. Когда ребенок приобретает знания, то он начинает переоценивать ту или другую точку зрения. И ребенок становится качественно другим, а мы склонны считать, что ребенок каким

был, таким и остался. Мы часто не учитываем роста ребенка, его продвижения; по этой причине мы можем очень сильно тормозить развитие ребенка.

И отсюда у нас частое явление — отсутствие у ребят интереса к занятиям. Мы не имеем настоящего стимулирования детей к овладению знаниями.

Наша задача заключается в том, чтобы не только дать ребенку познание окружающих вещей, но и научить его реорганизовать, исправлять, сделать лучше, не так, как было раньше. Этот маленький придаток обязательно должен иметь место. Выполняя практические дела, дети участвуют в грандиозном процессе социалистического строительства, который происходит у нас в стране. Разве у нас «вообще» делаются вещи? У нас делается все для того, чтобы сделать лучше. Мы ставим вопрос об ударничестве, соцсоревновании, мы должны глубже проникнуть в суть вещей и вырабатывать таким путем более высокую технику. Но ведь нужно детскую массу подготовить к этому. А при помощи наших методов преподавания мы вооружаем ребят очень слабо. Они не подготовлены к настоящему взгляду на вещи.

Поэтому если буржуазная философия стремилась объяснить мир, а наша философия стремится не только объяснить, но и перестроить мир, то эта особенность имеет очень большое значение для воспитания детского мышления. А разве это не могло бы быть осуществлено, если бы учитель был для этого подготовлен?

В старой философии мы можем встретить также убеждение, что вообще перестраивать не нужно, нужно философствовать; а другие говорят, что нужно перестроить, но так, чтобы по существу укрепить тот строй, в котором они живут. Разные буржуазные работники и политические деятели перестраивают мир, но они его перестраивают так, чтобы укрепить свое положение.

Мы говорим о революции во всех ее видах и формах.

Я считаю, что если только мы будем придавать серьезное принципиальное значение воспитанию мышления детей, то только тогда мы будем нащупывать настоящие формы работы с детьми. В процессе обучения ребята познают новое. Но ведь это новое теснейшим образом связано со старым, известным. Вопрос о старом, накопленном опыте, о том, что ребенок уже знает, имеет громадное значение. Если ребенок знает так, что у него

имеется целый ряд суеверий, то это будет препятствовать усвоению нового. Если ученик забыл, знает слабо, он не сможет правильно усвоить новое. Часто бывает так: подходит конец года, программу не прошли, мы говорим: давайте проходить ее скорее, — и навязываем только поверхностные знания, которые ученик должен усвоить без всякой проверки. Мы же делаем невероятно вредительскую вещь по отношению к мозгам наших ребят. Это не только не серьезно, это преступно. А между тем у нас это явление самое обычное. Поэтому в каждом уроке тот материал, который учитель предлагает детям, должен быть обоснован на каком-то фундаменте. Как же мы на неполном, недостаточном, непроверенном знании ребенка можем строить наш курс? Ох, очень часто мы так делаем.

Я твердо убежден, что если бы мы в этих вопросах как следует разобрались теоретически и практически, мы бы сделали величайшее дело в педагогике, потому что мы бы чрезвычайно повысили продуктивность умственной работы ребят, что дало бы возможность повысить и продуктивность практики.

Учитель должен не по-делачески подходить к вопросу об уроке: объяснил, спросил, и больше ничего — нам надо разобраться в уроке гораздо более глубоко.

Работа, глубоко вооруженная принципиальными соображениями, — только это даст нам возможность правильно поставить обучение в нашей школе; познание структуры урока, его составных частей, сознательное отношение к уроку нам нужны для того, чтобы правильно его спланировать.

Мы же знаем отлично, что, когда учитель входит в класс и на лице его написана растерянность, потому что он не подготовился, ученики все это видят, оценивают. Они же очень чуткие психологи. И сейчас же готово дело — поймают на удочку как-нибудь, и занятия проваливаются...

А сколько получается срывов, безобразия из-за отсутствия дисциплины! Да разве может быть отсутствие дисциплины у учителя, который знает дело? Раз он знает свое дело, он сумеет справиться с классом.

Мы часто говорим о самостоятельности. Но ведь нужно обучать самостоятельности. Нужно понять, что такое — быть самостоятельным. Это ведь не анархизм — делаю, что хочу.

Вопросы правильной организации урока имеют большое значение: как начинать урок, сколько времени тратить на инструктивную часть, какие нужно дать объяснения; не задаваться тем, чтобы объяснения играли очень большую роль, потому что слишком затянутые объяснения становятся очень скучными, в особенности когда жуют то, что понятно.

Все эти вопросы могут быть правильно разрешены только при том условии, когда я хорошо знаю ребят.

Я за такую установку, что нужно к уроку готовиться так, чтобы все без исключения ребята могли проработать предлагаемый им материал, т. е. начать от минимума — какой минимум вы можете дать ученикам. Для этого нужно хорошо знать ребят. Попробуйте осуществить такую задачу. Ведь это значит, что если вы дадите ребятам этот минимум, то вы должны так провести урок, чтобы ребята этот минимум выполнили. А для этого нужно знать свой класс. И это было бы очень полезно. Какое же это отношение к работе, если я знаю заранее, что 70% учеников не усваивают материал, который я приготовил?..

В одной школе дали для решения задачи, и оказалось, что восьмые группы не решили некоторых задач первой группы. Это значит, что была брешь, которая так и осталась незаполненной. Отсюда ясно, какое большое значение имеют первые группы. И если ребята идут с целым рядом прорех, то построить по-настоящему работу при таких условиях нельзя...

Поэтому когда мы говорим об отсталости ребят, то можно сказать, что отсталость искусственно создается тем, что я не сумел вовремя подойти к ребенку, и с такой стороны, которая для данного ученика была бы наиболее рентабельной.

В доброе старое время была в классе «камчатка». Там были «идиоты» по праву, так сказать, и очень ценные ученики, но которые не подходили под школьный режим. Они сидели все время «на камчатке» и все время бузили. У нас в школе был такой случай, что как-то учительница пришла в класс и всех сидящих на задних партах посадила впереди. А сажать впереди — это значит усиленно с ними работать. Это им понравилось, это значит, что обратили на них внимание, и они стали на уроках работать.

Вовремя обратить на отстающих учеников внимание — это же наша профессиональная обязанность.

В уроке есть целый ряд деталей, имеющих громадное значение. Скажем, я объясняю что-нибудь ребятам более или менее сложное. Объяснил как следует, говорил хорошо, внятно, толково, слов не проглатывал, ребята слушали, я удовлетворен. Спрашиваю: «Поняли?» Все говорят хором, что поняли. А чего уж тут не понять, самая простая вещь. «Только вот сделайте-ка теперь». И начинаются вопросы, и много вопросов.

Я однажды на уроке в книжечку записал вопросы, заданные хорошему учителю. Оказалось, что вопросов так много потому, что целый ряд деталей они не поняли.

Часто я привожу такой пример: как поступить со стаканом воды: «Возьмите пустой стакан, выйдите из комнаты в другую, подойдите к графину и налейте стакан до половины, вернитесь обратно, войдите опять в комнату, сделайте столько-то шагов в сторону, где будет графин, налейте еще полстакана воды. Понятно?»

— Поняли. Кажется, самая простая вещь.

А попробуйте это сделать. Вы после первого шага забудете, сколько нужно сделать еще шагов.

Дело в том, что нужно расчленение операций. Разве нельзя добиться, что все, что предлагается ребятам, будет ими сделано? Конечно, мы можем это сделать, если отчетливо будем расчленять операции, которые дети должны выполнить.

Перехожу к вопросу о методике. Если я формулирую, что урок — это форма организации обучения, то методика является системой средств, при помощи которых мы организуем работу. Именно на слове система я делаю ударение. Нужно взять все отдельные операции и хорошо их отшлифовать — учет ли это, контроль и т. д. — и нужно нащупать наиболее рентабельные способы работы, т. е. заняться вопросами рационализации. Я считаю, что, для того чтобы овладеть мастерством преподавания, вопрос рационализации очень важен. Каждая школа должна иметь наготове целый ряд рационализаторских предложений. Ведь мы должны ставить вопрос так, чтобы время учеников берегалось, чтобы материал берегался, иначе нельзя будет работать.

Таким образом, проблема урока в моем представлении вырастает в очень серьезную проблему теоретического и практического характера. Чем больше мы будем раз-

бираться в этих вопросах, тем скорее мы создадим то мастерство, которым без теоретической выучки никак не овладеешь.

Некоторые общие установки и общие итоги. Надо установить некоторое единство в разнообразии. Я не против того, чтобы каждое учреждение имело свою физиономию, не против и того, чтобы каждый учитель имел свое лицо.

Нашим учреждениям надо вменить в обязанность, чтобы учитель не стирался, чтобы он был личностью, чтобы то, что он может дать своеобразное, было бы учтено обязательно. Это очень сильно повысит качество нашей работы.

Но, с другой стороны, нам надо руководствоваться известными нормами и указаниями. Например, обязательная для всех наших опытных школ установка — это культура изучения уроков.

Те задачи, которые у вас имеются, можно и должно в сильнейшей степени сократить. С такими большими задачами мы не справимся. Только вы начнете превращать их в урок, сразу потребуется такое количество уроков, что вы с этим не справитесь. К каждому уроку надо готовиться, анализировать каждый урок и фиксировать. Это не пустая вещь.

Теперь, для того чтобы ряд таких задач выполнить, что мы должны за полугодие проделать? Особой экспериментальной научной работы мы еще не ставим, но в области разработки пробных уроков материала, хорошо продуманного, доброкачественного, который можно было бы напечатать, можно собрать. Можно дать школе ряд образцовых уроков и подойти к области экспериментирования. Мы можем дать реальный материал для нашей школы путем опубликования ряда уроков, нами продуманных, проведенных по известному плану. Это вполне возможная и очень целесообразная вещь.

А где это будет печататься? Под руководством нашей лаборатории. Это не значит стереть, а, наоборот, помогать товарищам развернуть свои индивидуальные особенности.

Таким образом, надо сказать, что мы должны принять эту формулу: «единство разнообразия». Разнообразие должно быть место. Могут быть такие случаи, что в некоторой области работают товарищи наиболее сведущие,

выдающиеся товарищи. Это же надо учесть. Разнообразие людского состава у нас существует, поэтому разнообразны должны быть задачи. Но все равно они должны проводиться сквозь форму уроков. Скажем, Радищевская школа * имеет связь с институтом политехнического образования, там целый ряд научных работников, они взяли специальные проблемы — пожалуйста. Над уроками работа будет, и они нам могут дать очень много. Но лаборатория должна брать тот материал, который оформлен в каждой школе, и должна его иметь здесь. Вы приедете, скажем, через два месяца и можете увидеть работу некоторых школ и сравнивать их друг с другом.

Поэтому нам нужно иметь одно место, куда мы приходим, осведомляем, получаем известную помощь. Нужен методический центр. Он будет строиться не только силами тех работников, которых дают комиссии, а состав его будет пополняться. И если квалификация их будет повышаться, то можно сделать многое.

Значит, для меня ясен вопрос, какие взаимоотношения нужно налаживать между нашими учреждениями. Но, с другой стороны, перед нами встают очень большие трудности этого дела. Я только хочу указать на одно явление, для меня в высшей степени отрадное, — лицо работников наших опытных школ стало новым. Я работал с ними со времени организации опытных учреждений. И у меня создается впечатление, что мы наше труднейшее и ответственнейшее дело сделаем.

Мы здесь создаем целый ряд планов, касающихся проведения уроков. Мы строим план так, что мы разрабатываем не один урок, а целую систему уроков, уроков 10 в год, чтобы они были связаны между собой какой-то нитью. Конечно, могут быть вариации, это не вредная вещь, но нужно, чтобы это сверялось и давало возможность подойти более серьезно к дальнейшим планам нашей работы.

Мы могли бы сейчас дать ту работу, которая имеется по некоторым мелким отдельным вопросам методики языка, математики для I и II ступени. Этим мы могли бы оказать значительную помощь учителю.

Что мы требуем уже не от Центральной лаборатории, а от отдела опытных учреждений НКП? Мы требуем: все школы [должны поставить] так работу, чтобы у них создавались условия для образцовой школы.

Это первичный этап образцовой школы. Если мы не будем представлять организацию образцовой школы, как она нам рисуется, мы не сможем без этого работать. Поэтому мы и говорим о хорошо поставленной организации, чтобы можно было пробиться в дальнейшую дорогу.

Это обязательно, и всякое учреждение должно отчитываться, как у нас растет образцовость школ, в каком направлении растет, как обстоит дело с материалом, с педагогами, с оборудованием и т. д.

Далее, подбор педагогов. Здесь надо говорить о некоторых жестких условиях. Пока это было трудно сделать, а в дальнейшем надо поставить вопрос о соответствии целям и задачам опытной школы. Мы еще пока авторитета не завоевали по-настоящему, но мы должны завоевать авторитет, и надо, чтобы работа в опытной школе была делом ответственным и очень почетным.

Затем вопрос об образовании педагогов. Каждая школа должна такой вопрос поставить специально. Она должна подготавливаться к этой работе.

Следовательно, группа требований организационного порядка — требований подбора педагогов, требований материального порядка — должна обязательно иметь место.

СООБЩЕНИЕ ОБ ИТОГАХ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С РАБОТОЙ ЛЕНИНГРАДСКИХ ОБРАЗЦОВЫХ ШКОЛ

В Ленинграде я и Поздняков * ознакомились с оборудованием и постановкой учебно-воспитательной работы трех образцовых школ: 1-й образцовой Петроградского района, 7-й образцовой Выборгского района и 1-й опытной школы. Знакомили со школами их завучи, так как директора всех трех школ были в отпуску.

Что же представляют из себя ленинградские школы?

Во-первых, здание и оборудование. 1-я образцовая школа помещается в большом, прекрасно оборудованном здании. Приятно поражают великолепный вход, широкие, светлые коридоры с цветами, с блестяще натертыми паркетными полами. Классы обставлены приспособленной к возрасту новой мебелью, везде уютно, красиво и чисто. В школе полный порядок и прочная дисциплина. Это сразу чувствуется. В 7-й школе здание еще больше по размерам. Там тоже хорошо, тоже чисто, хотя обстановка более скромная. Дисциплина в 7-й школе тоже хорошая. Там очень интересно проходят перемены. В старших классах составлены кружки затейников, которые выступают перед младшими ребятами. Видимо, эти выступления очень интересуют, организуют ребят. Дети с удовольствием проводят перемены организованным порядком и отдыхают от классных занятий.

Вообще в обеих школах сразу чувствуется, что в них имеется солидная материальная база. Хорошо оборудо-

ваны столовые, кухни и подсобные помещения, особенно в 7-й школе.

В 1-й опытной школе кухня грязная. Обращаем внимание на то, что место хранения продуктов питания, а также и приготовления пищи в школе должны отличаться образцовой чистотой и порядком.

Мастерские во всех школах оборудованы очень хорошо, но лучше всех все же в 1-й [школе] Петроградского района. Там все инструменты тщательно подобраны, наточены и сохраняются в большом порядке. Мастерские поставлены серьезно, и в них ведется умелая и интересная работа. Чувствуется, что мастерские в умелых и заботливых руках. В 7-й школе в мастерских преподаватель из выдвиженцев-рабочих. Он хороший мастер, но плохой педагог.

В 1-й опытной школе заведующий мастерской — инженер. Теоретически он, конечно, знает дело, но как педагог слабоват.

Оборудование классов мебелью и книгами вполне достаточное во всех школах. Во всех школах кабинеты по физике, химии хорошо оборудованы. Есть комнаты для подготовки опытов, где дети активно работают. В будущем эти комнаты по подготовке опытов должны быть расширены и превращены в лаборатории.

В обеих образцовых школах прекрасно оборудованы биологические кабинеты.

В 1-й опытной школе биологический кабинет оборудован гораздо хуже. Но зато там имеется хороший живой уголок. Во всех школах хорошее медицинское оборудование. Кабинет врача лучше всего в 1-й опытной школе.

Имеются везде хорошие классы ИЗО*. Все три школы связаны с научными учреждениями.

1-я образцовая [школа] работает с Институтом охраны здоровья детей. 7-я и 1-я опытная — с Институтом мозга...

Руководство школой. Во главе 1-й и 7-й образцовых школ стоят высококвалифицированные педагоги. Это большие мастера своего дела, любящие школу и глубоко преданные ей. В 1-й опытной школе руководство хуже. В 1-й и 7-й школах имеется ряд хороших мастеров работы. В 1-й таких больших мастеров имеется около 14 человек; в 7-й — около семи человек.

Учителя очень загружены работой: например, они сами изготавливают наглядный и раздаточный материал для занятий... [Необходимо] разгрузить учителя от всякой черновой работы.

В 1-й опытной школе это уже делается. Пособия должны изготавливаться лишь под руководством учителя, а не им самим, как это зачастую практикуется в настоящее время.

Техническое оборудование классов лучше всего поставлено в 7-й школе, где имеется великолепный радиokinoкласс. Дети слушают в наушниках. В классе абсолютная тишина. Великолепно оборудован стол учителя. Все пособия сосредоточены около него. Он, сидя за столом, регулирует при помощи кнопок демонстрацию кинокартин. Неясное или трудное он проводит перед детьми несколько раз. Когда требуется что-нибудь записать, учитель подает свет на парты учеников, оставляя класс темным.

Большую роль в жизни этих школ играют их шефы.

Шефом 1-й образцовой школы является завод «Электрик», входящий очень глубоко в работу школы. Директор завода, инженеры, рабочие являются нередкими посетителями школы. Отношение заводской администрации и общественности к школе на редкость любовное и внимательное. Надо отметить, что такая прочная спайка школы с заводом является редким случаем в нашей действительности.

Шефом 7-й школы является военный завод. Шефом 1-й опытной школы — «Электросила». Эти шефы заботятся о своих подшефных школах гораздо меньше.

Во всех трех школах [можно отметить] большую организованность и дисциплинированность детей при полном отсутствии чего-либо, напоминающего казенщину.

Более глубоко проработаны все организационные вопросы в 1-й образцовой школе.

Эта школа стоит выше двух остальных (7-й и 1-й опытной) школ как в смысле дисциплины, порядка, налаженности питания, так и со стороны постановки учебного дела. Заведующая учебной частью 1-й школы Петроградского района Митропольская — высококвалифицированный педагог, беззаветно преданный своей школе.

Несмотря на такую высокую оценку постановки работы в ленинградских школах, в методическом отношении

все же сделано еще мало. Несмотря на такое прекрасное оборудование и на такую большую преданность делу, постановка преподавания еще не достигла высокой степени педагогического мастерства, оно все еще ведется по стандартным методам. Методы эти однообразны. Пора подумать об углублении преподавания, о новом дидактическом материале, о более интересных методах преподавания. Дети должны заниматься со вкусом, с большой степенью заинтересованности. Возможно, что при этом ослабнет порядок. Школа сейчас переживает переходный этап. Пока она еще не дает прочных знаний. Об этом мы должны говорить открыто.

Нашей ближайшей задачей должно быть создание таких методов преподавания, которые сообщали бы ученикам солидные знания. Но знания эти должны приобретаться детьми легко, с большим интересом, с большой охотой к учению.

Ленинградские школы стоят несравненно выше московских как со стороны внешнего оборудования, так и со стороны постановки в них учебно-воспитательной работы.

*С***ТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ**

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ЭТАПЫ НОВОЙ ШКОЛЫ»

Настоящий сборник составлен из работ Первой опытной станции по народному образованию при Наркомпросе; он обрисовывает городскую и деревенскую работу станции — дошкольную, школьную и курсовую.

Сборник стремится дать сильный ответ на один из тревожных, мучительных даже, вопросов для современного педагога, для всякого искреннего работника, рвущегося к свежей работе, не растерявшегося под напором массы нахлынувших идей, требований, принимавших иногда категорическую форму, попреков, часто не заслуженных, указаний, не всегда ясных и продуманных, которыми он был охвачен в наше героическое время лихорадочной жизненной перестройки. Тем более все это было тяжело, что наш педагог, заброшенный в большинстве случаев в глухие углы, привыкший работать в одиночку, сознавал свою неумелость разобраться в сложнейших вопросах новой школы, жаждал новых идей, широких взглядов и реальной помощи в своем нелегком деле. Если все это было так трудно для учителя прежней школы, то не более легко переживались протекшие годы и учителем новым, молодым, неопытным.

Эти соображения стояли перед организаторами новой педагогической работы, поставившими своей задачей нащупать тот естественный жизненный путь, по которому должна пойти современная школа, дать возможность учителю определенно вступить на него и почувствовать дух новой педагогики. Путь педагогической реформы, по их

глубокому убеждению, идет через реформу учителя. Поэтому пришлось соединить практическую работу в детском учреждении с работой над собой. Совершенствование учителя в процессе своей работы, не отрываясь от нее, — вот та идея, выяснению которой посвящены все статьи настоящего сборника.

Какие ответы дает этот опыт, проделанный в естественных условиях и в большом масштабе, на поставленные жизнью вопросы строительства новой школы?

1. Сложность задачи непосильна педагогу-одиночке, школе, работающей изолированно. Ее может проделать только надлежащим образом построенная массовая организация. Отсюда все усилия направлены на строительство системы детских учреждений, дошкольных и школьных.

2. Нужно было не только работать, но и учиться своему делу, поэтому в центре системы были поставлены своеобразные курсы.

3. Необходимость сделать детский сад и школу жизненными, близкими и понятными детям заставила всех участников общего дела особенно ценить личный опыт ребенка, полученный в данных условиях жизни среды. Отсюда вытекла проблема изучения детского быта и связанного с ним быта деревенской и городской среды.

4. Прежде всего нужно было схватить дух новой школы. Поэтому курсы превратились в своего рода трудовую школу для взрослых, и вопросы организации коллективного труда были первыми, которые практически освещались курсами.

5. Важно было не усложнять задачи, сообразоваться с силами педагогической молодежи, с одной стороны, но и избежать облегчающей работу методической рецептуры. Поэтому был дан простор для пробы своих сил, и установился неторопливый темп работы.

Органическая эволюция педагогического дела, простор для исканий, их поддержка, поощрение слабых даже попыток самостоятельного разрешения вопросов и их оценка — вот те основные черты характера всего пройденного этапа нового дела.

Исключительный интерес гостей — участников нашей конференции (июнь 1922 года), которых было несколько сот, — к этим вопросам показал ясно, что большое количество современных педагогов живет этими же мыслями.

В общем развернувшаяся картина работы вскрывает внутренний механизм новой организации, обрисовывает те скрытые пружины и рычаги, которыми она двигается вперед. Мы вложили много усилий в то, чтобы выявить свою работу просто и непритязательно, ибо мы хотели внушить, передать широкому кругу товарищей ту бодрость, которой сами заражены. Если частичка бодрого духа будет почувствована и читателем, то все надежды, могущие быть возложенными на эту книжку, должны считаться вполне оправданными.

Работать в новой школе — это шагать со ступеньки на ступеньку; работать в ней — это значит никогда не останавливаться, не бояться ошибок, с каждой новой ступени видеть все новые и новые горизонты и ощущать рост свой вместе с ростом своего дела.

В сущности говоря, вся очерченная ниже работа есть организованная педагогическая разведка. Разработка программных и методических вопросов новой школы будет предметом последующих выпусков.

ДОКЛАД О ШКОЛЕ II СТУПЕНИ

Мы подошли к вопросу о школе II ступени как центральной для района опытной станции. Организация этой школы должна иметь большое значение. С этого момента должна начаться новая эра.

Школа II ступени должна ставиться не [только] как учебное заведение, а как местное учреждение, и, как таковое, оно нуждается в среде, ее изучает и само участвует в жизни населения на основании знакомства с ним. Научная сторона школы должна базироваться на основных характерных чертах местной жизни, для чего необходимо установить связь с местами, вести общественную, экономическую и научную работу, привлекая к этой работе подрастающую молодежь из учеников старших групп колонии, давая им простор для выявления их способностей и склонностей и таким образом воспитывая их как общественных работников.

Контингентом для воздействия школы II ступени должны быть: 1) подростки, 2) взрослая молодежь.

Через посредство этих клиентов устанавливается связь с местами и создается тип местного учреждения, участвующего во всех сторонах жизни окружающего населения, которое в таком учреждении нуждается.

Дети, живущие в колонии, нуждаются в школе для правильной организации своей жизни; дети же деревни также не могут обойтись без такого учреждения, как школа II ступени, имеющего больше образовательных и воспитательных средств, чем школа I ступени.

Таким образом, надо думать об учреждении, которое является необходимым для местного населения; базой этого учреждения должна быть связь учащихся детей со взрослым населением. Дети несут в школу все свои деревенские нужды; этих нужд у них достаточно. Молодежь также надо организовать при помощи учреждения; для удовлетворения запросов надо знать условия жизни этой молодежи, понять, как ориентироваться в этих условиях, и раздвинуть ее горизонты — таким путем может создаваться учреждение, которое организует молодежь на почве культурной работы.

Программа и оборудование этих сторон жизни должны быть основаны на [знакомых нам] условиях местной жизни.

При школе надо иметь хозяйство опытного характера, где можно культивировать все сорта [растений] и виды [животных, характерных для] местного хозяйства, для чего необходимы участок земли, небольшой сад, пчельник, молочное хозяйство, лес, луг и типичный для данной местности плодосмен. Для установления такого опытного участка требуется объективное рассмотрение хозяйственной культуры данной местности. Надо поставить не хозяйство доходного типа, а такое, которое должно послужить подсобным, с правильными формами плодосмена, организованным учетом, который так важен местным деревенским хозяйствам. Таким должно быть школьное хозяйство. Кроме того, должны быть организованы мастерские: столярная и слесарная как место упражнения в навыках — и оборудованные лаборатории.

При создании учреждения надо говорить не о классах, а о лабораториях-кабинетах:

1) Кабинет ботанический с уклоном в сторону [изучения] местной флоры, выдвигающий интерес к акклиматизации растений, сорным травам, лекарственным растениям и т. п.; организовать в этих областях планомерную работу.

2) Зоологический кабинет — изучение вредителей; присоединить сюда [изучение] ветеринарии, анатомии животных.

3) Физический кабинет — всевозможные измерительные приборы и их проверка, установление правильных мер и веса и физика природы.

4) Землемерный кабинет для упражнения на измерение.

5) Геологический — почвоведение.

6) Математический — собрание математического материала, в котором отражается местная жизнь, постановка счетоводства, бухгалтерии, учета.

7) Химическая лаборатория — исследование молока, жира и т. п.

8) Кабинет этнографии и обществоведения, внутри которого организуется специальный кооперативный кабинет.

При правильной конструкции и оборудовании этих кабинетов и лабораторий вся местная жизнь может подвергнуться обработке. Привлечение детей к этой работе будет углублять их [понимание] идеи закономерности ряда явлений. Ученики могут поставить работы по изучению деревенского бюджета, в мастерских могут чинить свои инструменты и т. п. Жизнь и работа должны быть построены так, чтобы серьезная часть работы проходила в кабинетах.

От работ, которые здесь будут организованы, переходим к программе. В основу ее должны лечь условия местной жизни в их сопоставлении с организованными во всех направлениях сторонами жизни: трудом, умственной жизнью, искусством и т. п. Нетрудно построить программу, если найден центр, исходящий из явлений практической жизни; отсюда выявится и роль и значение школы для местного населения.

Главная деятельность детей должна заключаться в собирании материалов детской жизни, приложении выводов из них к детской жизни и учете ее.

Весь материал школы должен быть связан с деревней, и по влиянию школы на местное население мы можем судить о ней.

Школа должна быть сообществом молодежи для работы и учения. В организационную часть работы входит втягивание населения в жизнь этой школы. Должны существовать отдельные организационные ячейки, состоящие в связи со всей деревенской молодежью, а через эту молодежь школа влияет и на всю деревню. Через эти ячейки осуществляются связь и руководство школы; в данном случае руководители культурной работы в де-

ревне — это те, кто прилагает науку к деревенской жизни. Таким образом, общественной работой является работа в окружающей среде, для чего привлекается молодежь. Центром тяжести работы является оборудование и снабжение лабораторий и консультации с населением. Персонал состоит из людей, которые нужны деревне; предметом изучения должны быть все явления окружающей жизни. Этим изучением, привлечением молодежи и завязыванием связей с окружающей жизнью мы воспитываем кадры культурных работников; без этого воспитания мы не [решим] задачи.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «ГОДЫ ИСКАНИЙ»

Под мощным давлением развивающихся жизненных потребностей, настоятельно требующих удовлетворения, современное человечество вынуждено поставить перед собой две основные задачи — усиление средств овладения силами природы и массовое справедливое распределение. Обе задачи требуют огромного напряжения человеческой энергии, и в этом деле колоссальную роль призваны играть наука и техника, с одной стороны, и новая социальная структура общества — с другой. Люди стали переоценивать ценности, глубоко анализировать, широко исследовать и усердно искать выхода.

Та же картина наблюдается и в педагогике. И здесь переоценивают установившиеся взгляды, нащупывают новые пути, ищут других обоснований педагогического дела. Лихорадочная работа идет в разных странах и в разных направлениях. Среди столкновения разнообразных мнений, быстро создающихся и разрушающихся теорий, многочисленных «точек» и «углов» зрения, игры принципов, ярких достижений, горячего признания их и не менее страстного отрицания, споров и борьбы можно найти те основные линии идей, которые все более и более отчетливо обозначаются в современной жизни и отличают их от жизни минувшей. Но, конечно, новые идеи не растут независимо от старых: они являются их наследниками — заместителями. В общем, характеризуя новые направления, мы можем определенно сказать, что переходим от педагогики индивидуальной к педагогике социальной. И это глубоко правильно.

В самом деле, работа педагога протекает именно в общении с небольшими (сравнительно) детскими группами, вращающимися в специфически организованной среде (детский дом, колония, класс). Но раз есть некоторая группа детей, постоянно работающих умственно или физически вместе, то в ней возникают некоторые социальные явления, очевидно подчиненные каким-то закономерностям.

Непонимание этих закономерностей всегда ведет к неудачам. Положим, наши сведения в этой области очень пока примитивны, и мы больше полагаемся на чутье, на интуицию. Мы не задумываемся, не можем сделать надлежащих выводов хотя бы из того бесспорного факта, что и самый ребенок, и детское сообщество характеризуются прежде всего явлениями роста. В каждый — большой или малый — промежуток времени мы имеем перед собой не того ребенка и не ту группу, как раньше. У детей и детских групп есть периоды большей или меньшей устойчивости, усиленного роста или задержек в развитии. Изменяются соотношения органов, меняются воспринимающие, анализирующие, регулирующие способности. И на отдельном ребенке, и на детской группе постоянно отражается влияние социальной среды, окружающей школу, и каждая возрастная группа воспринимает его несколько отлично от другой. Одна стадия роста сменяет другую.

Но мы в большинстве случаев проходим мимо этого. Мы стараемся дать развитию детей то или другое направление, выделять и поощрять полезные, по нашему мнению, свойства, задерживать в развитии то, что кажется нам вредным, создавать даже преждевременный рост некоторых способностей (этим, кажется, мы более всего озабочены), но в большинстве случаев вся эта наша деятельность протекает или в силу усвоенных нами рутинных навыков, или, что редко, в силу педагогической интуиции.

Итак, рядом с проблемой социальной педагогики стоит проблема нового учителя и новых форм его работы. Здесь особенно много трудностей. Ибо педагог сегодняшнего дня — с его законченным ростом и неудержимым стремлением (законным с обычной точки зрения, в виду необходимости экономизации сил) к установлению законченных форм метода и программы своей работы — еще весь в прошлом. Он слишком специалист и, как таковой,

желает ограничить и упростить педагогическую работу. И мы благодаря этому отучаемся рассматривать школьную проблему во всей ее широте — отсюда вечный конфликт и борьба детей и взрослых; разные жизненные типы сталкиваются между собой и не понимают друг друга. Педагоги хотят упрощенной законченности и готовят запас готовых знаний, который должны усвоить дети. Но нередко, если не всегда, готовая формула, предназначенная для запоминания, останавливает работу мышления. Где нет вопроса, нет затруднения, нет выбора, там мысль останавливается. Еще Достоевский, интересуясь школой, остроумно заметил, что новый метод учения как будто состоит в том, чтобы детям все облегчать. А не лучше ли, говорит он, не облегчать, а затруднять, чтобы было над чем работать. С развитием науки о детях факторы, реально обуславливающие своеобразные явления детской жизни, будут нами констатированы в гораздо большем количестве, чем раньше. И школа, научно обоснованная, не может пройти мимо тех социальных влияний, которыми обладает среда, окружающая ребенка. Среда детская является отражением всей жизни общества. Путь школы, и теоретической и практической, идет в этом направлении.

Отсюда вытекает двойная задача для педагога — быть организатором и в то же время исследователем детской жизни, в которой социальный момент имеет преимущественное значение. Принципы детской организации должны быть построены на данных изучения детского сообщества. Признание важности социального момента в воспитании толкнуло многих новаторов на работу в замкнутых общежитиях (Landerziehungsheim, детская республика, коммуна). Но само собой разумеется, что в замкнутом общежитии мы не наблюдаем естественных форм детской жизни и что поэтому там легко возникают уродливые физические и психические явления (достаточно вспомнить кадетские корпуса и институты). Как ни старайся отгородиться, а среда давит на школу и незаметно для нас направляет жизнь детского сообщества. Но именно поэтому школа и должна войти в тесное соприкосновение с окружающей средой. Разбираясь в ней, изучая ее, признавая огромную роль ее в формировании человеческого характера, школа научается понимать педагогику среды и вмешиваться в ее развитие. Таким об-

разом, школа непосредственно является крупным фактором, влияющим на общественную жизнь, организуя детскую среду в широком масштабе (детское движение). Ряд факторов — экономических, бытовых, социально-политических, биологических — действует в среде и влияет на школу. И познание окружающего и непосредственная работа в нем — вот тот источник материала, над которым работает школа. В особенности ярко и остро стала эта проблема теперь. Переживаемая нами эпоха ставит вопрос о связи между школой и средой как вопрос основной, определяющий программу, метод и организацию школьной работы. Но, конечно, в жизненной практике и в деятельности теоретической мысли мы можем отметить разные ступени и формы основного взгляда на эту связь. Привычные взгляды и точки зрения обладают значительной живучестью, цепкостью. В особенности картину сменя одних точек зрения другими мы наблюдаем в переходные социальные эпохи, и часто под искусно прикрашенной, казалось бы, вполне современной формой практической деятельности или отвлеченной мысли можно при внимательном наблюдении усмотреть все те же прежние, хотя и измененные современностью, их черты, от которых мы так хотим отказаться. Нередко можно видеть, что один и тот же человек вооружен несколькими точками зрения, в зависимости от тех областей, к которым они применяются. И в таком случае мы можем определять в нем лишь преобладающую точку зрения.

В применении к школе и ее отношению к среде можно указать на три взгляда, три точки зрения.

1. Школа в своей деятельности не нуждается в среде.

Школа выполняет свое специальное дело — воспитания и образования детей. Для успешного выполнения своей задачи она устраивает соответствующее здание с его оборудованием, более или менее обдуманное. Она тщательно подбирает материал для обучения, создает его дидактический материал и весь успех своей работы ставит в зависимость от того, насколько полно можно провести отстранение влияния окружающей среды на свою внутреннюю работу. Устранение влияния среды принципиально обосновано требованием — дайте школе делать свое настоящее дело. Среда мешает этому делу, и, естественно, возникает замкнутая форма школьной организа-

ции. Примеры, достаточно ясно обрисовывающие отражение этой точки зрения на школе, общеизвестны: вся средневековая школа с ее грамматикой, риторикой и логикой (*trivium*) и арифметикой, геометрией, астрономией и теорией музыки (*quadrivium*), наша классическая школа — яркие примеры. Но вся обычная, массовая школа стояла и стоит на этой ступени, веря в возможность создавать специфический школьный материал обучения, который действителен только в рамках школы и усвоению которого, без сомнения, среда, стихийно текущая вокруг и антипедагогически, по мнению школы, настроенная, только мешает ей вести свое специальное дело.

Я полагаю, что такой взгляд вполне логично вытекает из того понимания педагогики, которое считает, что школа есть единственное место, где творится правильное воздействие на ум и характер ребенка. Крупные научные работники весьма основательно разработали все почти детали этой идеи и в теоретическом и в практическом отношении: назову хотя бы Гербарта. Преимущества этой точки зрения состоят в сравнительной простоте систематизирования научной работы, что очень ее облегчает, и в устранении целого ряда случайностей, которые так затрудняют педагога. Главный недостаток тот, что такая точка зрения, такой принцип быстро заставляет обращаться к отвлеченным схемам, вырождается в догматизм и педантизм. Эта точка зрения сжимает у школы гибкость и замыкает ее в кругу собственных специальных интересов. Наиболее ярко она представлена в французской школе.

Эта точка зрения создала специальные школьные науки, учебники, предметную систему, веру в законченность образования. В методическом отношении она больше всего занималась проблемой пассивного восприятия и выше всего ценила память ребенка. Она создала как необходимое следствие ту дисциплину тишины и послушания, которая породила целый ряд школьных болезней, и физических и психических. Но, повторяем, вооружившись ею, легче работать, и она находит до сих пор наибольшее количество приверженцев.

2. Рядом с ней стоит вторая точка зрения, которая признает, что школа должна интересоваться средой и тем оживить свою работу.

Эта точка зрения считает искусственным построение работы школы на отвлеченном материале; вместо него она вводит материал естественный, т. е. непосредственно наблюдаемые жизненные явления. Вместо готовых знаний, специально подобранных для целей главным образом формального образования, школа ставит своей задачей приучить ученика к исследованию и экспериментированию, к накоплению личных жизненных наблюдений и обработке их в школе. Жизнь в ее главных и доступных пониманию формах становится важным наглядным пособием. Эта школа изучает, но не только учебники, а и реальную жизнь. Она иллюстрирует, сама делает для себя пособия, привлекает учеников к известной активности в получении материала и его оценке. Она сильно расширяет методическую сторону своей работы, пользуясь иллюстративным, лабораторным и тому подобными методами. Эта школа не довольствуется тем, как ученики воспринимают даваемые им школьные знания — усваивают их, запоминают: она ставит перед собой проблему не только образования, но и самообразования, считает интеллектуализм крайне узким, односторонним направлением; ее обычные термины — активность, самостоятельность, воспитание воли. Практически эта точка зрения породила целый ряд педагогических школ — от школы иллюстративной, школы действия, до школы трудовой и так называемой школы жизни. Большинство новых школ, английских, немецких (Landerziehungsheim, Schulgemeinde), французских, швейцарских и американских (массовая школа), в разнообразных вариациях разрабатывают идеи и методы, исходящие из второй точки зрения. Неизмеримо более богатая по своему содержанию, разнообразная по методам, [активная] по характеру, вторая точка зрения произвела огромное оживление в педагогическом деле и справедливо критиковала узость школы формального обучения. Но между этими двумя принципами — не признающим ценности изучения среды для школы и ставящим изучение ее во главу угла — существует все-таки серьезное внутреннее сходство: и та и другая школа представляют собой учебные заведения.

Казалось бы, этот термин не должен возбуждать сомнений. Но мне кажется, что он далеко не безобиден и в нем следовало бы разобраться.

Когда я говорю «учебное заведение», то с этим понятием ассоциируется другое — производство. В нашей современной русской действительности многим производственные задачи школы казались даже существенно важными. Аналогия с процессом производства в промышленности как будто делала более ясным характер школьной работы. Школа фабрикует свой «товар», как и всякое другое предприятие. Под это понятие подводились идеологические предпосылки. Но ведь дело в том, что в школе, именно в новой школе — по самому смыслу ее идейного содержания, — происходит процесс саморазвития, самообразования, и чем больше, тем определеннее, тем ближе к настоящему ее существованию. Весь основной смысл реформы школы в ее методике лежит в этом процессе. Если же стать на точку зрения производства, то мы, чтобы быть последовательными, должны говорить о типичной форме, о штампе, который определяет собой создание тех свойств, которые нужны в детях. Но метод «штампа» — это как раз метод старой школы: его блестяще провела в жизнь иезуитская школа. В силу внутреннего сродства первых двух точек зрения, сходящихся на идее «учебного заведения», опасности (явные или замаскированные) их для воспитания очень реальны. И вторая точка [зрения], несмотря на ее свежесть и жизненность, приводит школу все-таки к тому же формальному образованию, от которого она отрешивается. Нет спору о том, что тип, форма, штамп очень упрощают дело. Но за ними идут формальные «самые лучшие» программы, признанные методы, «самая лучшая, самая современная» организация. А эти моменты представляют собой начало вырождения школы. Она начинает опять возвращаться к старой мысли о том, что школа есть единственное место образования и воспитания детей. Она хочет стать поверх жизни и, в конце концов, становится отсталой. И детский вопрос остается «вопросом».

3. Очевидно, такая постановка дела не может удовлетворить наиболее чуткую часть педагогических работников. И рядом со школой, а часто и в противоположность школе возникают все в большем и большем количестве всякие внешкольные, свободные от формализма виды работы с детьми: детские клубы, свободные занятия, библиотеки, кружки, площадки для игр, разнообразные детские ассоциации. И школа, отрицающая среду, и школа,

ее только изучающая, стремясь к созданию «учебных заведений», окружаются хрупкими лесами внешкольной работы с детьми. Это широко разливающееся движение имеет и глубокий внутренний смысл, выдвигая явно или незаметно третью точку зрения на среду, которую можно формулировать так: школа работает в окружающей среде. Она тоже изучает окружающие явления жизни, так же, как и в предшествовавшем случае, привлекает детей к этому изучению, но она делает это для того, чтобы найти себе место в окружающей среде, как активному ее фактору.

Неверна, недостаточна такая постановка дела, когда ребенок учится (или, лучше, подвергается обучению) в школе, а поскольку он выполнил свои обязанности учения, постольку может в дальнейшем удовлетворять свои интересы. Нам скажут — интересы общества выше всего. Но ведь надо признаться, что как будто не всегда интересы общества и интересы детей совпадают. Обществу нужно для своих целей сажать детей за парты, заставлять делать одно и то же мало понятное для детей дело, терять вкус к учению, терять зрение, искривлять позвоночник... Эти дефекты «производства» неисправимы, и на них общество идет, чтобы сделать то дело, которое ему нужно. Никто не станет отрицать, что такова наша педагогическая действительность. И ясно, что детские интересы даже элементарного вида при этом страдают. Дело не поправляют вентиляции, масляная краска, усовершенствованная мебель. Искривления позвоночника сопровождаются искривлением темперамента, воли, интересов. А все это нецелесообразно даже с точки зрения «производства».

Поэтому единственный выход в том, чтобы интересы детей и общества совпали. Детям нужно знать и чувствовать, для чего им следует учиться. Это для детей не ясно, и при таких условиях никакое учение не может быть плодотворным. В чем же выход? Выход в том, чтобы школа перестала быть учебным заведением, а стала детским центром. Выход в том, чтобы школа признала, что процессы воспитания независимо от нее протекают в окружающей среде и создают возможности очень устойчивых влияний. Школа должна стать частью жизни, ей крайне необходимой, не откладывающей выполнения своих задач на конечный момент, венча-

ющий дело в виде экзамена, а делающей свое дело в области культуры детского быта каждый момент, каждый час, когда она работает.

Разрешение детского вопроса не в том, чтобы все дети были грамотными, а в том, чтобы они умели жить. Чтобы научиться жить, надо в этом упражняться и не откладывать дела в дальний ящик: «вот мы пойдем в школу, усвоим все, что она дает, а после станем жить». Ребенок и мечтает: «Когда я вырасту большой...», этим указывая на бедность, скудность той жизни, режиму которой он должен подвергаться. То, что можно преподавание сделать интересным, что можно найти интересных учителей, тоже не решает вопроса: когда младенец чувствует голод или боль, ему обычно показывают яркие вещи, развлекают его погремушкой, чтобы он не кричал. За столетия педагогической работы мы изобрели много средств отвлечения ребенка от того, что ему действительно нужно.

Итак, школа, поскольку она имеет дело с детьми, становится центром, организующим детскую жизнь. Благодаря ее деятельности создается детское движение, удовлетворяющее всем интересам детства. Эта школа знает, какими прогрессивными и консервативными силами обладает среда, в которой живут и растут дети. Она знает, каким могучим фактором положительным, а гораздо чаще отрицательным в деле воспитания является быт окружающей среды, и здесь, разумеется, недостаточно изучать, а надо и действовать. Школа должна изучать и принимать в расчет при конструкции своей программы, метода и организации главнейшие факторы, которые формируют человеческие типы — экономику среды, ее быт и природные условия.

Третья точка зрения выдвигается нашей эпохой на первое место. Автор является горячим ее сторонником.

К ВОПРОСУ ОБ УЧЕТЕ РАБОТЫ ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Соотношение учета с силами и средствами учреждения

По поводу учета работы можно высказать целый ряд соображений, которые вытекают из переживаемого нами сейчас момента. Но нужно говорить не об учете вообще, а об учете в тех условиях, в которых мы работаем. На практике учет ведется обычно по известной схеме. Наши схемы учета очень обширны, имеют колоссальное количество вопросов. Схема, которую я видел в прошлом году и которая была предназначена для обследования педтехникума, имела около 500 вопросов. Если принять во внимание работу наших школ и сопоставить ее со схемой учета, то совершенно очевидно, что схема является направленной не по адресу того сравнительно маленького дела, которое приходится учитывать. Не говорим уже о схемах, предназначенных для обследования массовых просветительных учреждений. Все это страдает колоссальной перегруженностью.

Почему это происходит?

Когда мы из отчетов и обследований делаем выводы, когда подходим к ним, то, поскольку мне приходилось наблюдать, обычно мы делаем одну очень большую ошибку: не учитываем силы и средства, которые имеются в распоряжении данного учреждения, не учитываем тех условий и затруднений, в которых это учреждение работает и которые часто являются помехой в его работе. Положим, такой случай: два учреждения имеют одинаково-

го качества работу, но когда посмотришь, с какими силами ведется работа в том и другом случае, то увидишь, что в одном случае мы имеем достижения в работе с очень маленькими силами и средствами, а в другом — те же достижения с очень большими средствами, отчасти даже неиспользованными. Какая работа будет ценнее? Та, конечно, которая опирается на более экономное расходование сил и средств. Здесь-то мы в значительной степени и грешим: когда даем план работы, то там есть все, что хотите, только нет соотношения между планом работы и силами и средствами, которые мы имеем в своем распоряжении.

Мы предлагаем планы и перспективы работы, в значительной степени превосходящие силы и средства, с одной стороны, а с другой — формы учета, которые с планами никак не согласовываются.

У нас постоянно имеется желание охватить каждое дело, которое подвергается учету, со всех сторон. Такого рода намерения всегда бывают и во всех наших обследованиях, и в нашем учете. И когда я представляю себе, с одной стороны, сложные формы учета и сложные формы обследования, а с другой — наши силы и средства, то я должен прийти к выводу, что это нам не по карману. Мы должны перейти к простым средствам учета, выдвигая для каждого данного периода наиболее актуальную проблему. Тот, кто будет более реален, ближе к действительности, тот может скорее добиться желательных результатов.

Какие требования предъявлять к производственному плану

Отмечаю еще один вопрос, касающийся учетно-плановой работы, — о производственном плане. Когда мы сталкиваемся с производственным планом, положим, школы I ступени, то что мы видим? Переписывание всех гусовских программ * из года в год. Конечно, это не производственный план. Конечно, план на каждый год в таком случае будет все тот же, все равно как фабрика каждый год будет топиться нефтью.

Я условно, для удобства, для простоты, назвал бы производственным планом только то, что является [планом] для каждого периода времени, для каждого года новым,

прибавкой к той работе, которую имели раньше. Мыслимо ли, скажем, за один год при всем желании провести гусовские программы так, как они написаны — от «а» до «ижицы»? Нет, нельзя, потому что, для того чтобы они как следует прошли в жизнь, нужна очень хорошая ориентировка в окружающих условиях. Без этого программы ГУСа пройти не могут, ибо местные условия, местная экономика, бытовые и всякие другие условия влияют на изменение нашей программы то в ту, то в другую сторону.

Соответствие между местными условиями и содержанием, методом и даже организацией школьной работы — это и есть то, что нужно для того, чтобы сделать нашу программу реальной, действительной в данных условиях. [Для выполнения этого] нам придется пройти довольно большой путь и серьезно напрячь усилия, чтобы разобраться в окружающих условиях. Такие вопросы перед нами стоят, поскольку мы в них еще не ориентируемся, постольку мы не можем сказать, что по-настоящему овладели методом работы гусовских программ. Значит, нельзя требовать, чтобы тот текст программы, который мы принимаем, полностью проводился на практической работе.

Но как должны мы говорить и о направлениях, и об ориентировке, и о перспективах: должны ли говорить и рассчитывать на благоприятные, нормальные условия работы школы? Подготовка учителя нормальна? Нет. А его плата нормальна? Нет. А школьные здания находятся в нормальном состоянии? Нет. Тем не менее мы программы должны представить себе в полном виде, но овладеть программой мы должны постепенно. Процесс постепенного улучшения работы, постепенного овладения и методом, и самим содержанием и есть путь глубокого, обдуманного, серьезного, реального, конкретного осуществления программ. По всей вероятности, когда мы достигнем известного уровня осуществления организационной стороны школы, то и методически мы будем продвигаться вперед. Программа, которая сейчас очень трудна, в дальнейшем будет осуществляться сравнительно легко. А сейчас даже вопрос простой грамотности трудно разрешить. Учитель наш сам не настолько грамотен, чтобы суметь

сделать грамотным население и своих учеников. Это нас не должно пугать, но мы должны нащупать пути дальнейшего движения школы вперед.

Создавая производственный план, нужно постоянно вводить в него то новое, что должно проявиться в предстоящем году: новые методы, новые общественные связи с окружающим населением и т. д. — все это нужно учесть. Есть такие элементы в нашей педагогической работе, которые образуют в ней прогрессивную головку. Ежели мы за эту головку зацепимся, мы будем содействовать продвижению нашей школы вперед. А ежели мы будем по всем частям путаться, то далеко не уедем.

Если бы сложить все наши «простыни» — программы и планы, то они вероятно, покрыли бы земной шар дважды. Их лучше всего сдать в архив и сказать, что этим делом заниматься не надо, а нужно смотреть гораздо проще. Как же проще? Вот тот подход, который я применяю и который оказывается действительным, — я спрашиваю учителя:

— Вы что хотели делать? Какой ваш план, чего вы хотите добиться?

Пусть скажет, чего он хочет добиться. Я обдумаю его планы и намерения и, быть может, среагирую на них так:

— То, чего вы хотите добиться, может не соответствовать вашим силам, у вас нет средств, нет возможности — придется сократить. Я не буду от вас требовать большого — давайте условимся на том, что действительно по нашим средствам и силам.

У нас в работе и так гораздо более сложностей, чем нужно, и нужно напрячь все усилия, и центральные и местные, для того чтобы помочь нашему учителю. Если после посещения методиста или инспектора учитель пойдет топиться или будет искать веревку, это, по всей вероятности, результат нашей работы. Если же после посещения учитель почувствует, что ему стало легче, распутались какие-то запутанные узлы, хотя бы в малой степени, то это будет означать, что работа хорошая, правильная. Мы и должны напрячь все наши усилия к тому, чтобы распутать узлы.

Поэтому-то больше всего помогают те формы учета, которые обращают внимание на то, чтобы не задаваться большими задачами, анализирующие, почему одно дело

вышло, а другое не вышло, которые могут оказать известную помощь.

Я ставлю еще вопрос: может ли учитель учитывать неорганизованную работу? Думаю, что систематического учета при неорганизованной работе провести невозможно, а вот если она в известной степени организована, тогда дело легче. Следовательно, если мы говорим о плане, то должны сказать, как этот план должен помочь организовать работу.

Учет методов работы

Текущую работу уже можно начинать учитывать, но мы должны сказать, что у нас еще нет того, что, казалось бы, является совершенно простым и естественным,—у нас совершенно нет школьной статистики, у нас нет простейших данных, касающихся, скажем, посещаемости учащихся, а теперь, в момент введения всеобщего обучения, мы чрезвычайно в этом нуждаемся. В первую голову мы должны поставить количественный учет. Статистический учет нужно вести по той карточке, которая в прежнее время велась. Надо за это дело приняться и покончить с этим вопросом.

Это количественный учет, но все же о каком-то количестве надо говорить, ибо очень важен вопрос, который нужно все время иметь в виду, — это повышение методического качества работы, и в первую очередь обучения письму и чтению. Техника этой работы должна быть нами до некоторой степени повышена, и для этого мы должны найти какие-то более объективные формы ее учета. Тов. Блонский сейчас работает над этим, выявляя формы учета работы по обучению чтению и письму в московских условиях, проводит проверку этой работы с помощью тестов. После того как возможность проведения тестов будет проверена в массовых школах, можно будет пустить в ход этот метод. Оказывается, учителя этим делом заинтересованы, они чувствуют, что как будто получают объективное орудие в руки, которое даст им возможность осуществлять современную методику.

Каким методом преподают наши учителя? Каждый учитель преподает тем методом, которым его самого обучали, т. е. у нас, в сущности, полная безметодика. На это надо обратить серьезное внимание. Вопрос о методах пре-

подавания у нас в значительной степени запутан. Сейчас с большим трудом стараются классифицировать наши методы. В классификации методов существует и такое название, как «активно-трудо­вой»; а разве существует «пассивно-трудо­вой»? Этот метод имеет право гражданства, об этом методе книжки пишут, а ведь это — махровая ерунда! Есть, говорят, метод исследовательский, метод лабораторный, метод экскурсионный и т. д., но ведь, в сущности говоря, экскурсионный метод — это разве не исследовательский метод, примененный в экскурсии? Лабораторный — не исследовательский, примененный в лаборатории? Если так классифицировать все методы, то получится большая путаница. Нужно в этом деле разобраться и постараться ответить на некоторые вопросы, связанные с методикой, а с другой стороны, поинтересоваться, какими методами учитель работает. Положим, что какой-нибудь товарищ работает по звуковке *, набил руку на этой звуковке и добился хороших результатов. Ряд товарищей работают по методу целых слов и набирают себе... мозоли. Что же, мы должны говорить:

— У тебя старый метод идет хорошо, ты набил себе в нем руку, но ты учи все-таки по новым методам.

Неправильно!

В вопросе об учете методов работы мы не можем идти дальше, если не ответим на вопросы: каким методом учитель работает, как он их называет и что нужно делать, чтобы в это дело внести известную ясность.

Мы все время говорим о методах, но у нас до сих пор не существует общей разработанной методики. Когда мы хотим провести новые методы, мы не должны допускать того, чтобы они проводились в жизнь, пока работники ими еще не владеют. О методе целых слов можно будет говорить без опаски только тогда, когда учителя овладеют этим методом.

Какие можно сделать из этого выводы? Прежде всего методы учета должны быть простые. Нужно обратить внимание на учет прежде всего количественной стороны дела, а потом постепенно пойти от количества к качеству. Качественный учет, как бы мы ни старались, еще довольно долго останется субъективным учетом: что нравится — хорошо, что не нравится — плохо.

Я нахожусь в величайшем смущении, когда вхожу в новое учреждение, потому что я в нем еще не разобрался.

Я буду стараться прощупать те стороны, которые мне нужны для оценки. Например, одним из важных пунктов является коллектив: сложен ли он, умеет ли работать, и я должен посмотреть, умеют ли люди сообща работать. Может быть, это и не коллектив, а просто федерация отдельных индивидуумов, вместе работающих, но не имеющих общего плана. Нужно все это проверить. Если я знаю, что по плану в школу вводится общественная работа, то я обязательно должен посмотреть, что действительно сделано. Я посмотрю, какие вы связи завели, и это будет для меня известным способом определить ценность работы по введению общественного труда в школу, отчетливость методов этой работы. Если в план вводится организация работы вместе с местными учреждениями: сельсоветом, избой-читальней, то я опять-таки должен на эту сторону обратить внимание и посмотреть, что здесь сделано. Вообще для меня больше всего имеют значение те стороны, которые сам учитель знает. Вот, мне кажется, с какой осторожностью нужно подходить к этому делу.

Проблема учета — это проблема постепенной организации работы в течение ряда лет. Пока безошибочно можем оценивать работу лишь по ее количеству.

К выводам нужно подходить очень осторожно. Учетом нужно овладевать постепенно. Нужно только помнить, что способ учета тогда будет хорош, когда оказывает фактическую помощь.

Для какой цели должен применяться учет? Для того, конечно, чтобы улучшить работу. И поэтому мы должны спросить не только, как вы учитываете, но какие изменения получаются в результате вашего учета. Если изменения к улучшению нет, тогда учет превращается в формальность.

Учет работы внутри учреждения

Переходя к внутреннему учету школьными учреждениями своей работы, я думаю, что мы в значительной степени перегружаем работу по гусовским программам, когда предлагаем учитывать работу по каждой теме. Здесь нужно говорить о гораздо более глубоких вещах. Ученик работает, получает знания, навыки — это ему дается трудом. Сразу это не дается, в процессе обучения он испытывает все время затруднения. Вот и нужно прежде всего

учесть те трудности, которые стоят на пути работы ученика. При каких условиях ученик будет доволен такого рода отчетным периодом? Когда он получит разрешение целого ряда затруднений, связанных с его собственной работой, когда он освободится от некоторой путаницы, связанной с прохождением того или другого предмета. Я помню, что когда я начал изучать алгебру в III классе гимназии, то меня поразил один вопрос, который остался для меня неразрешенным до конца курса. Что такое алгебра, зачем буквы? Я получал пятерки, писал хорошие работы, но в глубине души не верил ничему. Кому я мог сказать, что этого не знаю, не понимаю. Скажи учителю — он двойку поставит. Я и получал пятерки. Но раз на экзамене мне продиктовали такое число: «половина в степени минус три». Никак я не мог понять, что такое «в степени минус три», никогда не звучали для меня слова «в степени минус три». И я, первый ученик в классе, не мог решить задачи. Учитель обратил на это внимание:

— Что же вы не можете решить?

Подходят ученики, рисуют пальцами восемь, а я никак не могу понять, каким это образом. Учитель и говорит:

— Я вам ставил пять, а вы меня обманули, — и поставил мне двойку.

А вся штука была в том, что в классе учитель всегда говорил не «в степени минус три», а «с отрицательным показателем три». Таких затруднений у каждого ребенка-ученика очень много, и если учитель не подмечает этих затруднений, проходит мимо них, то дальнейшее развитие ученика застопоривается. Вот почему и я считаю необходимым вести учет затруднений. Нужно устраивать собрания, спрашивать учеников, что было трудно, чего они не поняли. Ведь здесь главное — понять содержание, смысл, а не слова и фразы запомнить. Как мы в прежние времена отвечали по истории? Понимать не понимаю, а отвечать могу! Значит, надо научить умению работать. Ведь и у нас очень часто так бывает, что запоминают слова и фразы, сыплют направо и налево терминами, и этим очень часто прикрывают невежество. Вопрос о затруднениях в работе ученика требует создания таких отношений между учеником и учителем, чтобы ученик, не стесняясь, мог сказать, что для него трудно.

Наши методы преподавания несовершенны. Имея перед собой 30—40 учеников, мы фактически занимаемся с гораздо меньшей группой, с наиболее активными. У нас был такой случай, когда часть учеников прямо учителю заявляла, что он с ними совершенно не занимается. Если учитель поставит себя в такое положение, что его работу ученики смогут оценить с точки зрения его метода, то это будет очень хорошо. Форма такого учета — собрание учителя с учениками. Учитель делает доклад о том, чего он добился и чего он хотел добиться.

— Что вы, ученики, скажете: хорошо я занимаюсь?

Вот ему и начнут говорить, что он очень торопится: начинает писать мелом на доске, а ученики прочесть не успеют, как он стирает, и т. д. Атмосфера создается для ученика весьма подходящая.

Второй учебный момент — выставки. Я думаю, что на выставки надо смотреть так: что они дают ученикам и учителю? Что интереснее всего на выставке? Это — движение работы. На таких выставках должны быть работы начала года, середины и конца года, чтобы таким путем выставка служила известной цели продвижения работы, освещала все стороны нашей работы для населения. В таком случае она будет играть очень большую роль, потому что население этим вопросом очень интересуется.

Остается вопрос об отчетах учителя о своей работе. Это весьма трудная задача. Во всяком случае, нельзя применять той формы сложных отчетов, которая сейчас применяется. По-моему, нужно было бы просто предложить отчитываться в том, что было в этом году интересного: давайте верхушку, самую интересную часть вашей работы.

Мы часто просматриваем дневники учителей. Я думаю, что с этими дневниками нужно быть осторожнее. Обязательными дневники не должны быть. Хочет учитель писать — пишет, не хочет — его дело. Мне вспоминается анекдот. Поп один рассказывал мне, что у них был обычай писать летописи о своей жизни. Приезжает архиерей. Церковь нашел в хорошем состоянии, говорит: «Подай дневник». Поп и дает дневник, где еще 25 лет тому назад было записано: «Храм божий в порядке». «А дневника не пишешь?» — «Ваше преосвященство, я человек маленький, нечего мне было писать, никаких происшествий не было». А мы требуем, чтобы у учителя обя-

зательно были происшествия, требуем, чтобы он заполнял дневник, — хочет или не хочет, есть чем заполнять или нечем.

В массовой работе требования должны быть самые минимальные. Здесь нужно подходить с точки зрения того, что может сделать средний учитель, вернее, что фактически выполняет средний учитель. Отбор среднего учителя — довольно трудная вещь, но это был бы наиболее правильный подход: взять учителя, как он есть в своей работе, выяснить, что он фактически сделал, взять из того, что он сделал, то, что имеет наибольшую ценность, и это считать возможным для школы.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ДИСКУССИИ О СПОРНЫХ ВОПРОСАХ МАРКСИСТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

Товарищи, мне особенно приятно было слушать сегодня прения по поводу тех проблем, в кругу которых моим товарищам и мне уже много лет приходится работать на практике. Я лично считаю себя чрезвычайно виноватым в том, что, сталкиваясь с этими проблемами на практике, я их не разрабатывал теоретически. Это — большая ошибка, и теперь нужно будет ее исправить.

Практическая работа постоянно вынуждает, особенно теперь, тратить все больше и больше времени на целый ряд теоретических вопросов: они, понятно, не могут решаться, не имея под собой теоретического базиса. Но я думаю, что тот теоретический базис, который мы имеем в марксизме, может с успехом применяться в педагогической области. Этот базис вполне достаточен.

И поэтому я должен откровенно признаться в своей ереси и, может быть, в глубоком невежестве: я думаю, что в вопросах теоретической педагогики развивать особую торопливость не следует. (*Смех.*)

Почему, товарищи? Потому, что в нашей основной литературе, в нашей марксистской литературе, у Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина, мы имеем громадное количество теоретических указаний, которые могут быть руководящими в вопросах педагогики. Сама формула «бытие определяет сознание» есть, в сущности, основная педагогическая формула.

Мне пришлось целый ряд лет работать, пользуясь этим теоретическим багажом, и я считаю, что, пользуясь им, вполне можно вести работу. В настоящее время вокруг теоретических вопросов поднимаются весьма ожесточенные споры. Я думаю, что в это дело внесено ожесточение совершенно излишнее, потому что в руках ни у кого нет еще достаточно серьезно проработанного материала, с которым можно было бы сейчас выступить, а одними соображениями сейчас никого не удивишь.

Статья, которая была напечатана Виктором Николаевичем [Шульгиным] *, если бы она была написана в другом тоне, была бы полезна, а так, как это сказано им сейчас, по-моему, прямо недопустимо.

По отношению к тому, что сказано в статье Виктора Николаевича, у меня есть ряд вопросов.

Меня интересует вопрос о школе. В самом деле: что, школа существует, надо укреплять нам ее или нет? Как мы на это ответим? Конечно да. Будем мы употреблять миллионы рублей на укрепление школы? Будем. Значит, нам нужно говорить, как это дело лучше организовать. Хорошо. А изучение среды нужно? Изучение среды с общественно-педагогической точки зрения нам необходимо практически, потому что нам нужно знать, как лучше истратить сотни миллионов рублей на воспитание десятка миллионов детей: ведь мы работаем во многих случаях вслепую.

С термином «педагогика среды» я согласен, хотя некоторые товарищи с ним не согласны. Изучать педагогику среды со всеми ее извращениями, со всеми теми отрицательными явлениями, которые являются нам враждебными, и, главное, со всеми теми положительными явлениями, которые мы можем нащупать в окружающей нас среде; нам нужно изучать их для того, чтобы совершенно ясно наметить нашу тактику, с чем нам надо бороться и что поддерживать для того, чтобы подойти реально к вопросу, о котором говорил Владимир Ильич: чтобы нам двигаться вместе с массами *.

Мне кажется, что у нас такого анализа нет, потому что мы еще не знаем, как изучать среду. С точки зрения научной у нас существует громадная потребность в научно проработанных схемах изучения. Я не согласен с Виктором Николаевичем, что у нас нет такого подхода. Я бы хотел указать на работу Главполитпросвета, в которой

проявляется совершенно правильный теоретический подход — это районизация и план строительства политпросветработы на основании данных, которые они получают от изучения района, это паспорта деревень, паспорта волостей. Это прекрасный пример теоретического подхода, которому мы должны последовать. Это нам очень много даст.

То же и относительно планирования. Действительно, то, о чем говорил Виктор Николаевич, совершенно верно, в особенности когда мы подходим к массовой культурной работе, подходим к низам, к деревне, к крестьянству. Это, в сущности, самый ответственный пост. И когда подумаешь, что здесь идет работа, то скажешь, что даже в том случае, если отдельные отрасли работы ведутся хорошо, то в общем получается скверно, потому что отдельные отрасли не согласованы между собой; часто бывает, что даже хорошо организованные отдельные отрасли работы мешают друг другу; получаются срывы, хотя работают хорошие и усердные работники. Все это происходит потому, что они работают без плана. Поэтому вопрос о плане я считаю очень важным.

Поэтому я предложил бы вам: возьмите два вопроса — план и схему, изучите, разработайте методы их составления и проведите в жизнь, и это уже будет громадный вклад в нашу теорию.

Нам нужно иметь социально-экономические паспорта деревень, паспорта семей, паспорта самой школы. Возьмите, например, нашу деревню Калужской губернии. В ней мы имеем следующее: 30% бюджета идет на отхожие промыслы, 30% — на сельское хозяйство и 30% — на кустарные промыслы. Каково будет влияние этих трех цифр на бытовые особенности деревни, на цели и средства этого воспитания? Или возьмем деревню, где на отхожие промыслы падает 60%, а на остальные части бюджета 40%. В жизни это будет отражаться на своеобразии быта, связанного с отхожим промыслом и с организацией воспитания ребят.

Таким образом, когда мы подходим к отдельным деревням, то можем получить вариации отдельных цифр. Что мы должны с ними делать?

Мы должны из них извлечь известный педагогический результат. Конечный вопрос — это вопрос о том, что же нам теперь нужно делать. Мне кажется, что нам нужно

с научной точки зрения подойти к разработке программы. Программу нужно сделать более научной, более отвечающей местным условиям, для того чтобы эта программа дала нам в руки орудие наиболее успешного воздействия на окружающую среду и дала нам также возможность как можно больше привлечь внимание советской общественности к строительству школы.

Далее, надо задуматься о наших методах. Фактически они до сих пор еще существуют вне времени и пространства. Я сейчас становлюсь деревенским жителем и многого, конечно, не знаю, но кое-что все-таки до меня доходит, и я присоединяюсь к тем товарищам, которые прорабатывали старую программу*. Старая программа хороша с точки зрения педагогического романтизма, она сильно подымает дух, но для применения на практике она недостаточно конструктивна. На опыте многих лет я убедился, что в рамки этой программы можно уложить все, что угодно: и антирелигиозную пропаганду, и индустриализацию, и т. д., но для этого надо уметь работать, а вот работать-то мы как раз не умеем. Вот почему мы сейчас барахтаемся в своих школах, как слепые щенки.

Вслушиваясь во все споры и разногласия, которые сегодня так ярко выявились, я пришел к выводу о том, что мы грешим некоторой аберрацией: слишком большое значение придаем нам самим. Всякому кажется, что если Калашников*, Шульгин и Пинкевич* между собой поладят, то от этого что-то произойдет. Поверьте мне, что на самом деле ничего особенного произойти тут не может. (Смех.) Из-за того что наши теоретики придают друг другу такое большое значение, мимо них проходит самый важнейший и насущнейший вопрос о том, что же нам, в конце концов, делать. Мы знаем, что теперь наша школа уже более или менее оформилась. Если в ней и есть неправильности, то их все-таки можно исправить, но основное ядро в ней уже создано. Однако благодаря тому, что мы совершенно не занимались вопросами проведения работы в жизнь, получилось то, что фактически Наркомпрос до сих пор не организовал педагогического дела в стране, да и не может этого сделать, потому что нет подходящих людей, нет хорошего инструкторского аппарата; некому учить наших учителей, как нужно работать. В обучении встречается чрезвычайно много ошибок и недоразумений именно потому, что мы не дали учителю

умения работать и учитель в свою очередь тоже не прививает детям этого умения. У ребенка голова чем-то набита, но руки остаются бездеятельными.

Поэтому я считаю, что обратить внимание на вопросы, как организовать это дело, как создать тот кадр среднего состава, который бы ближе подошел к учителю, помог бы ему работать, создать научно продуманную методику, которая бы изучила ученика, учителя, нашу школу, работающую в известном окружении, было бы хорошо. Тогда мы бы могли учителя взять в руки. Ведь педагога не возьмешь никакими советскими руками без методики. У него есть якорь, за который нужно уцепиться: нужно дать ему понять, что мы умеем этим делом руководить. Когда я с этой точки зрения стал рассматривать иностранный материал по научному инструктажу, то я убедился в том, что мы страшно отстали и даже в области изучения среды, изучения экономики, быта и т. д. Заграница ушла далеко вперед, и это не удивительно. Методическая и организационная проблемы за границей несравненно более основательно разработаны, чем у нас.

Я считаю, что настоящее собрание должно быть очень благодарно Виктору Николаевичу, что он поставил ряд теоретических вопросов. Но с практической точки зрения нужно поставить еще ряд проблем, которые нам нужны для продвижения нашей работы вперед.

В каких частях я не согласен с Виктором Николаевичем? Я не согласен с ним в оценке рефлексологии, в вопросе относительно роли школы, не согласен даже с самой манерой научной работы.

Как ни хотите, а все же им ставится, в сущности говоря, кабинетная работа, и я боюсь, не отрываются ли Виктор Николаевич, Пинкевич и Калашников от массовой практической работы. Это очень опасно.

Виктор Николаевич очень восставал против обычного определения воспитания как длительного планомерного воздействия. Оглядываясь на нашу практику, в которой обнаруживается огромный недостаток и в длительности, и в планомерности, я должен определенно сказать: ох, если бы это воздействие только было в наших школах! (Смех.)

О ТОВАРИЩАХ ПО РАБОТЕ

НАДЕЖДА ОСИПОВНА МАССАЛИТИНОВА

В расцвете лет, полная энергии, ясных планов живого дела, готовая приступить к окончательной работе над давно задуманным научным трудом, ушла от жизни после упорной борьбы с тяжелой болезнью Надежда Осиповна Массалитинова. Ее многие знали, ценили и любили. Многие учились у нее и заражались ее бодрым, крепким духом. Для тех, кто ее знал и ценил, я хотел бы, хотя вкратце, сообщить про то, что известно о жизни и работе Надежды Осиповны. Она родилась 29 августа 1876 года в г. Ельце Орловской губернии. У своих родителей, людей довольно зажиточных, она была первым ребенком. Ей много уделялось внимания и забот. Она была спокойным, серьезным и аккуратным ребенком. Вот что рассказывает ее мать Анна Максимовна про ее детство.

«За едой капли не прольет, не уронит. Вышла Надя вся в дедушку, отца моего. Он был крепкий, здоровый человек, очень умный, деловитый и хорошо говорил. Его все уважали. Маленькую внучку он особенно любил и внимательно следил за ее развитием. Часто отмечал он в ней «порядливость». Любил он такую шутку: когда приведут Надю к нему погостить, он завернет ковры в гостиной, все переставит, перепутает, а она, двухлетний ребенок, как только войдет, раньше, чем поздороваться, все приведет в порядок, разложит по местам. А дедушка спрячется за портьерой и следит. Он говорил, бывало: «Из этого ребенка будет толк: она незаурядная».

С самого раннего детства Надежда Осиповна отличалась самостоятельностью. Игрушек не любила, кроме складных кубиков. Читать начала с пяти лет. Девяти лет она поступила в первый класс Елецкой гимназии.

С 1889 года семья Массалитиновых переселяется в Томск. Надежда Осиповна учится в местной гимназии. Ее способности, самостоятельность и серьезность не по летам были отмечены. С большим интересом она занималась математикой. По словам матери, она часто играла в такую игру: усаживала своих многочисленных родных и двоюродных братьев и сестер за столы, ставила перед ними доску и задавала им задачи. В этой игре она всегда была учительницей.

Гимназию Надежда Осиповна кончила в 1896 году с золотой медалью. Она стремилась на курсы, но умер отец, и ей пришлось стать опорой для семьи, которая очутилась почти без средств. Надежда Осиповна стала давать уроки. Ее заработок семью очень поддерживал.

Осенью 1897 года Надежде Осиповне удалось поехать в Петербург на Бестужевские курсы. Ее влекло к серьезным занятиям. Но осуществить их не удалось, так как учащуюся молодежь подхватила волна забастовок. К этому времени относится знакомство Надежды Осиповны с кружками, группировавшимися вокруг оригинальной работы Лесгафта. Курсы все же не удовлетворяли жадной до самостоятельной работы девушки, и она решила их оставить. Летом 1899 года в Томске она стала заниматься анатомией под руководством замечательного педагога — доктора Пирусского *, в настоящее время продолжающего свою работу. Доктор Пирусский был довольно близок по воззрениям к Лесгафту, на курсы которого Надежда Осиповна и решила перейти.

Вся атмосфера, которую создавал вокруг себя этот удивительный человек, истинный создатель русской научной педагогики, Петр Францевич Лесгафт, его серьезность, глубокая научность и свежая оригинальность, его суровая требовательность и в то же время отзывчивость, как нельзя более соответствовали характеру Надежды Осиповны. Она целиком отдалась работе и стала убежденной последовательницей идей Петра Францевича, все еще до сих пор недостаточно понятых, оцененных и даже известных.

Наступили трудные годы, когда Надежда Осиповна должна была переезжать с места на место: то она в Петербурге, то в Томске, на практической работе, то в Москве, в Ельце, в Землянске, на Кавказе — все вместе с семьей и из-за семьи. Жизненная работа откладывалась.

Не избежала Надежда Осиповна и обычной дани русской учащейся молодежи: зимой 1901 года ей пришлось отведать «предварилки» в течение полугода, после чего она была выслана в Томск.

Все-таки при первой возможности она снова появлялась на курсах Лесгафта. Так было в 1901, 1903 и 1904 годах. Только эта работа и захватывала ее по-настоящему. Она оставила глубокий след на всей последующей жизни и деятельности Надежды Осиповны.

С 1905 года она переселяется в Москву. С зимы Надежда Осиповна начинает работать в одной из лучших московских гимназий, где ведет занятия играми, математикой и естествознанием в младших классах. С осени 1907 года Надежда Осиповна селится в маленькой квартире старинного деревянного особняка (д. № 17) в Староконюшенном переулке. Квартира помещалась в мезонине. В нее вела с черного хода узенькая крутая деревянная лестница с истоптанными ступеньками, хорошо знакомыми многочисленным посетителям этого тихого уголка, где всегда кипела сосредоточенная мысль и отдыхали усталые люди.

С 1909 по 1911 год Надежда Осиповна снова на курсах. Она была уже вполне сложившимся человеком, с установившимися интересами к разработке определенного вопроса (еще со времен Лесгафта ее привлекала детская игра). Но научно работать ей пришлось с большими перерывами, что мешало ей ясно установить тот основной метод исследования, который она впоследствии с такой глубиной и основательностью применяла. Она поступила на высшие женские курсы, от которых она брала то, что ей хотелось, проделывая параллельно огромную работу самообразования. В 1912 году она приступает к осуществлению настоящего дела своей жизни, в которой ею были намечены формы и практической и теоретической деятельности. К началу «своего» дела она подошла с основательной научной подготовкой и значительным жизненным опытом.

Она предприняла обширное исследование процесса детской игры. План был таков: собрать «игральный», как она говорила, материал, пользуясь и своей собственной практикой, и привлекая к его собиранию всех интересующихся и наблюдающих детские игры. Материал должен быть проверен, классифицирован по выработанной ею схеме, распределен как по содержанию, так и [по] признакам, характерным для возрастных периодов детства. С этих пор она берется за такие занятия, которые могли бы дать ей возможность собирать еще новые факты из области игры или вариации игр, ею уже изученных. Надежда Осиповна организует площадки для детских игр, входит в тесное общение с руководителями, ведет курсы игр и сама занимается с детьми. Вся ее деятельность отныне посвящена осуществлению одной центральной мысли. Но Надежда Осиповна, глубокий знаток и теории и практики процесса игры, не была узким специалистом. Она сознательно выработала в себе широкий взгляд на процесс детского развития в целом, к концу жизни захватив в сферу своих исследований все элементы детской жизни. Огромную ценность представлял ее метод работы на курсах. Он был основан на анализе игры, анализе игральных переживаний. Когда она ставила какую-либо игру, то она сама становилась исследователем данной группы, будь то дети или взрослые.

Свою систематическую работу Надежда Осиповна провела через ряд курсов, начиная с 1912 года, когда она работала с А. У. Зеленко в университете имени Шанявского. С 1913 года она принимает все более и более глубокое участие в деятельности педагогической группы «Детский труд и отдых», к которой она приглядывалась, стоя все время в стороне, еще с 1907 года. Она по-своему, по-массалитиновски, обстоятельно и осторожно, знакомилась с своеобразным характером этой группы, внешне довольно чуждой, как казалось, ее душевному складу. Как раз в это время Надежда Осиповна серьезно задумывалась о перенесении своей деятельности опять в Томск для совместной работы с глубоко ею ценным доктором Пирусским. И только твердое желание до конца познакомиться с необычным для нее делом удерживало Надежду Осиповну в Москве. Еще год — и она становится активным товарищем по новой для нее

работе общества «Детский труд и отдых» и занимает в группе ту руководящую роль, на которую она имела полное право. Здесь она работала до конца своей жизни и вложила в дело всю силу своего упорного, страстного характера и всю ясность своего ума. Она работала неудержимо, без отдыха. Наружно спокойная, но внутренне всегда одушевленная, она много внесла своего в идеи, к которым как будто заново подошла. От анализа детской игры она перешла к цельному процессу детской жизни, к истинным формам ее организации, к изучению детских сообществ, в формировании которых игра занимает такую важную роль, к организованным формам коллективных курсов и в конце приняла самое горячее участие в деятельности опытной станции по народному образованию, являющейся прямым продолжением «Детского труда и отдыха». И если свежему педагогическому движению революционной России суждено упрочиться в нашей общественной жизни, то оно будет обязано в сильной степени твердой руке и сильному уму Надежды Осиповны.

Она была горячей противницей легкого подхода к делу, быстрых достижений, предвзятости суждений. Надежда Осиповна любила подводить фундамент под новые идеи, проверять кажущуюся ясность. Ее мысль не была быстра; она развивалась медленно, упорно, но всегда до конца, до самой сути вопроса. Но зато чему верила, тому отдавалась со всей горячностью своей натуры.

У нее была завидная способность заставлять людей проверять свои мысли. Кто бывал на ее занятиях по анализу игры, тот должен вспомнить ту четкость слова, ясность постановки вопросов, умение привлекать товарищей к общей умственной работе. Ее выводы и определения были всегда научно обоснованны и классически просты.

Не менее серьезное участие принимает Надежда Осиповна и в разработке идей новой школы. С 1917 года она уходит из гимназии, не удовлетворенная ее строем; она чувствовала себя одинокой, хотя была дружески расположена к ее руководителям и очень ценила цельность их педагогической работы (А. Д. и А. С. Алфёровы). Надежда Осиповна искала подходящей атмосферы для осуществления своих планов. Ее педагогиче-

ский талант был своеобразен. Под видом суровой требовательности к делу она умела вызывать энергию детей к активной работе ума. Дети чувствовали в ней глубокий интерес к их жизни. Она говорила с ними, как с равными, не позволяла себе никаких подходов изда- лека и неясностей. Всегда прямо, всегда искренне, от- крыто, не боясь никаких «острых» вопросов, она шла к детям и давала им ту опору, в которой они нуждались. Надежда Осиповна всегда была готова учиться и с ве- ликой готовностью признавала свои ошибки. В огромном влиянии ее на детей играли большую роль ее «порядли- вость» и внутренняя сила. К занятиям своим она готови- лась с великой тщательностью. С детьми она весьма охотно занималась физической работой, в которой ее сильно интересовала «гимнастика жизненных движе- ний», игрой, в которой она видела фундамент детской жизни, математикой и естествознанием. В связи с игрой и физическим трудом Надежда Осиповна постоянно вела беседы по анатомии и физиологии. Последняя ее идея, над которой она работала с огромным одушевлением, была идея школы как организованной детской жизни. В выяснении этой задачи она видела все будущее новой школы.

Надежда Осиповна знала свою силу и свое влияние на всех, кто с нею соприкасался. Но наряду с ясно вы- раженной силой характера она была чрезвычайно скромна. И только скромностью можно было объяснить то, что ее не так много знали, как этого она заслужи- вала. Не надо забывать, что с ней ушел от жизни глу- бокий знаток детской игры, равно сильный и в теории, и в практике.

Так же оживленно и скромно, как жила, Надежда Осиповна принимала участие в общественно-педагогиче- ской деятельности. Она вела огромную корреспонденцию с различными кружками, организациями и отдельными товарищами. К ней постоянно приезжали за советами, разъяснениями и с отчетами много народу. Для всех она находила время. Основным требованием к посети- телям у нее было получить еще новый материал по дет- ской игре. Особенно энергично Надежда Осиповна ра- ботала по подготовке к предстоящему съезду по до- школьному воспитанию. Она составила ряд анкет и классификации детской игры, разосланных по всей

России. Материалы уже стали поступать, и, вероятно, секция, которой она согласилась руководить, прошла бы с той отчетливостью, оживлением и глубиной, которые так были бы ей присущи.

Надежда Осиповна знала про тяжкое состояние своего здоровья. Но она не сдавалась, боролась до самого конца, до последнего пожатия руки товарищу, бывшему при последних минутах ее жизни. Первый грозный припадок ее недуга (аппендицит) был в июле прошлого года. Но она не могла найти времени для операции, которая могла бы ее спасти, из-за дела, которого не имела желания откладывать. Она жалела не о том, что умрет, а о том, что недоработает своей жизненной задачи. «Пусть они меня,— сказала она раз за несколько дней до смерти,— хоть пополам разрежут, чтобы мне только сидеть и писать, на год, что ли, больше не надо...»

В день своего отъезда из деревни, где она работала, Надежда Осиповна собрала и привела в порядок все свои бумаги и материалы.

Кружок знающих ее мысли товарищей собирается закончить основное дело ее жизни, ее капитальный труд — исследование детской игры. Конечно, никакая, хотя бы самая умелая и добросовестная, рука не заменит работы того героического духа человеческой личности, который мощно развертывался в этом крупнейшем педагоге нашего времени.

Мы счастливы, что были ее современниками. Стремление докапываться до конца, не оставлять ни в себе, ни в других неясностей, изумительная способность носить в себе новые идеи и не разбрасываться, быть суровой и отзывчивой, сильной и трогательно нежной должны оставить свой след на всех тех, кто ее знал и понимал. Не только заражаться идеями, но и осуществлять их реально — вот что завещала нам Надежда Осиповна.

Под свежим впечатлением ее героического конца необычно говорить о ней как о бесследно ушедшей из жизни. Перед лицом этой смерти хотелось бы переживать не ослабляющую дух печаль, слезы, малодушие, а упорное стремление продолжить то дело, которое делала Надежда Осиповна. И лучшая память о ней — это энергичная, искренняя, живая работа.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛУИЗЫ КАРЛОВНЫ ШЛЕГЕР

С товарищем Шлегер Луизой Карловной я начал работать с 1905 года, когда она приняла основное участие в работе организованного нового общества «Сетлемент», проводившего свою работу среди детей московской бедноты.

Работа эта вылилась главным образом в организацию детских клубов, и хотя Луиза Карловна, имея в то время более четырех десятков лет за своими плечами, подошла к этой совершенно необычной деятельности впервые, тем не менее она вложила всю свою энергию и все свое образование в начальные шаги этого нового дела.

Предварительно ею было обследовано несколько окраинных районов города Москвы, и по ее предложению наш кружок остановился на Бутырском районе, как наиболее запущенном из всех окраин города Москвы. Участвуя сама со своими молодыми товарищами во всех организационных шагах нового педагогического дела, она в то же время взяла на себя специальную часть работы — дошкольную. В то время работа детского сада была мало кому известна, и первые попытки Луизы Карловны привлечь детей во вновь организованный детский клуб встречались с большим недоверием.

Первая форма, в которую под руководством Луизы Карловны отлилась эта работа, был детский дошкольный клуб. Эта свободная, непринужденная форма общения с детьми давала Луизе Карловне и ее молодым со-

трудникам возможность ближе подойти к оценке особенностей дошкольного возраста и ориентироваться в его интересах.

Вместе с тем Луиза Карловна взялась за весьма основательное изучение той дошкольной литературы, которая в то время имелась налицо, и в первую очередь ею был изучен Фребель. С присущей Луизе Карловне добросовестностью она не остановилась только на литературном изучении системы Фребеля, но начала ее проверять и на деле. Эта проверка, продолжавшаяся больше чем год, показала, что реальные требования жизни и быта тех детей, которые были собраны в единственном в то время народном детском саду, далеко не могут быть удовлетворены той системой занятий, которая была разработана Фребелем. И вслед за этой проверкой, над которой работали также и товарищи Луизы Карловны, последовала уже самостоятельная попытка создать новые устои работы детского сада на более жизненных основаниях, на основаниях, более свойственных характеру тех детей, с которыми руководителям приходилось работать.

В такой постановке вести дело было чрезвычайно трудно, и оно потребовало значительных творческих и интеллектуальных усилий; поэтому рядом с практической работой Луиза Карловна не меньшее количество времени должна была употребить на весьма тщательное ознакомление со всей мировой дошкольной литературой.

Интерес к педагогическому делу был настолько велик, что товарищу Шлегер и ее ближайшим сотрудницам пришлось изучить несколько иностранных языков, чтобы иметь возможность познакомиться с педагогикой детского сада в оригинальной литературе. Года через три после начала работы можно было констатировать, что основная линия работы русского детского сада была уже нащупана. Эти линии ни в какой мере не были пересадками каких-либо иностранных образцов, методов на русскую почву. Разумеется, многие из образцов были испробованы и проверены, но можно с полным основанием подтвердить, что все, что вошло в жизнь детского сада в наших условиях, было создано совершенно самостоятельным, органическим, творческим путем.

Довольно быстро при детском саду организовалась весьма серьезная библиотека иностранной педагогиче-

ской литературы, и в этой библиотеке стали появляться не только книги, посвященные дошкольному делу, но и общим вопросам педагогики. Сверх того, Луиза Карловна вступила в прямую переписку со многими европейскими и американскими дошкольными учреждениями, и года через четыре после начала работы можно было вполне уверенно сказать, что Луиза Карловна является глубоким знатоком всего того, что делается в различных странах в дошкольной области.

Что эта работа, сама по себе достаточно трудная, была еще в значительной степени затруднена материальными и политическими условиями, об этом говорить едва ли приходится, но особенные затруднения происходили оттого, что в то время трудно было указать на какую-нибудь научную работу, которая бы обосновывала дошкольное дело, работу с маленькими детьми, которая могла бы указать на специфические особенности детского возраста и обосновывала бы как самый режим поведения ребенка, так и тот материал, который предлагается ему для работы.

Все то, что мы в настоящее время имеем и в русской и в мировой литературе, появилось значительно позднее, чем была начата работа Луизы Карловны.

Через восемь лет Луизой Карловной был организован небольшой кружок специалистов дошкольного дела, где были выработаны уже и методы работы и была отчетливо установлена организация детского сада.

Когда в 1914 году в связи с войной возникла мысль о необходимости широкого пропагандирования дошкольного дела, то Луиза Карловна была одним из самых первых деятелей в этой области и была привлечена к широкому делу организации дошкольных курсов при университете имени Шанявского в Москве.

С этого времени и начинается другая часть работы Луизы Карловны: организация курсов для подготовки работников по дошкольному делу. Эту работу, так же как и практическую работу с детьми, она ведет до настоящего времени.

В деле подготовки дошкольниц Луизой Карловной было намечено несколько основных сторон, которые обосновывали собой принципиальную часть ее работы. Луиза Карловна, исходя из своего личного опыта, опыта человека, изучившего дело и теоретически, и практиче-

ски своими собственными силами, всегда проводила такую идею, что педагогическая работа вообще и дошкольная в частности должна проводиться так, чтобы теория непрерывно проверялась на практике и чтобы тот материал, который дается практикой, непременно обосновывался бы теоретическими соображениями. Поэтому Луиза Карловна всегда настаивала на том, чтобы на курсы шли те товарищи, которые в той или иной степени принимали участие в практической работе; и, таким образом, подготовка работников в процессе своей деятельности является одной из самых важных идей Луизы Карловны.

Она придавала огромное значение самостоятельным работам курсантов над тем материалом, который предлагается детям, и ее ученики систематически изучали глину, песок, дерево, картон, инструменты, которыми упражняется ребенок, и приучались анализировать те работы, которые производятся детьми.

В систему занятий с детьми Луиза Карловна ввела весьма тщательное регистрирование записей тех наблюдений, которые руководитель постоянно должен иметь перед собой.

В дальнейшем развитии своей работы Луиза Карловна перешла к широкой пропаганде дошкольного дела среди педагогов, интересующихся не только специальными, но и общими вопросами. Ею была создана выставка детского сада, которая начиная с 1917 года, непрерывно пополняясь, превратилась в систематическое, научно обоснованное собрание детских работ и наблюдений над детьми, которые в настоящее время можно считать основой нашей педагогической практики. Но для пропаганды идей дошкольного воспитания Луиза Карловна не ограничилась одной только выставкой. Совершенно не прекращая своей практической работы и на курсах, и в детском саду, в годы революции Луиза Карловна была одной из первых дошкольных работниц, которые всеми своими силами и разумением пришли на помощь молодому дошкольному делу молодой Советской страны.

Ее роль в организации московских дошкольниц, ее выезды на разнообразные курсы в провинции, ее огромная доступность для всех интересующихся делом дошкольного воспитания делали свое дело, и можно с уве-

ренностью сказать, что среди широких масс дошкольниц как педагог Луиза Карловна в настоящее время является одной из самых выдающихся.

Особенно следует отметить то огромное участие, которое Луиза Карловна всегда принимала в организации всероссийских дошкольных съездов, выступая там активно с докладами; своим примером, своей бодростью и оживлением, которые она вносила в дело, и той верой в него, которая ясно чувствовалась во всех ее выступлениях, она заражала энтузиазмом более молодую часть аудитории.

При серьезном участии Луизы Карловны развертывалась работа московской организации детских садов. Ее ученики работают сейчас в разнообразных учреждениях, жилищных организациях как Московской губернии, так и в широкой провинции.

За последнее время Луиза Карловна разработала вопросы об общественной роли детского сада и о том участии, которое могут принять в строительстве детского сада отцы и матери детей, посещающих детский сад, а также те общественные организации, профсоюзы, жилтоварищества, которые могут быть заинтересованы развитием дошкольного дела.

Недавно проведенное скромное торжество шестидесятилетия Луизы Карловны было ознаменовано проявлением чрезвычайно искренней симпатии к ней как общественному деятелю и как человеку.

Подходя к итогам многолетней деятельности Луизы Карловны, можно с полной уверенностью сказать, что, в сущности говоря, она является инициатором нового дошкольного дела в нашей стране, организатором жизненного детского сада, создателем той системы, которая должна быть названа «нашей системой», русской системой, весьма сильно отличающейся от соответствующих систем Западной Европы и Америки.

ЛУИЗА КАРЛОВНА ШЛЕГЕР — ДЛЯ ТЕХ, КТО ЕЕ ЗНАЕТ

Есть два противоположных типа общественных деятелей: первый — людей широкой инициативы, размаха, кипучей энергии, властных, заставляющих себя слушать, признавать, вовлекающих в орбиту своей деятельности широкие круги работников, прекрасных пропагандистов или организаторов, пренебрегающих деталями, выхватывающих из массы явлений крупнейшие; их дело — пробивать пути, ставить вехи, создавать направление в работе, перспективы, ставить общие оценки большого дела и таким образом двигать работу вперед.

Другой тип — тип, не столько пропагандирующий, как закрепляющий, ведущий реальную работу в непосредственном общении с будничной жизнью, тип скромный, рабочий, черпающий из непосредственно наблюдаемых фактов свою твердость, ясность и выдержанность.

Оба типа, очевидно, нужны жизни, которая ценит и широких пионеров, и организаторов, творящих новые формы жизненной работы, и твердых работников, закрепляющих то, что является содержанием этой жизни, — они нужны, ибо взаимно друг друга дополняют.

Я хотел бы отнести Луизу Карловну Шлегер, недавно отпраздновавшую свою шестидесятилетнюю годовщину жизни, ко второму типу. Всякий, кто ее знает (а знают ее очень многие), согласится с этим. Но тот метод, которым пользовалась Луиза Карловна в своей работе, настолько примечательный, настолько выходит за рамки ее индивидуальности, что, оставаясь по существу про-

стым, он тем не менее достигает тех результатов, которых добиваются общественные деятели первого порядка, ибо в мастерских руках Луизы Карловны происходит не только работа в деталях, но и в общем, ведется не только разработка дошкольного дела, но и пропаганда его, работу ведет не только тесный кружок учеников, но в интересы дошкольного дела вводятся и широкие круги работников. Луиза Карловна как-то преодолела некоторую тайну: работать скромно, просто, как будто над малыми вещами, а достигать очень крупных результатов в гораздо более обширных областях. Тайна большого влияния без всякой заботы о нем, несомненно, является существенной чертой, мало понятной в деятельности Луизы Карловны.

В самом деле, с одной стороны, скромный детский сад, так и оставшийся скромным за все 19 лет своего существования (1904—1923 годы), и своего рода эпоха в русском дошкольном деле.

С другой — полное, упорное нежелание кого-либо учить — и огромное количество близких и дальних учеников.

Постоянное отвращение к навязыванию своего мнения — и чрезвычайно большой авторитет.

Настойчивое устранение себя от всяких организационных дел — и строительство крупнейшей дошкольной организации.

Сдержанность и даже, может быть, некоторая холодноватость во внешнем облике — и теплая привязанность к ней со стороны детей, молодежи и взрослых.

И можно было бы привести много фактов, внешне не укладывающихся в последовательную связь друг с другом. В общем можно сформулировать так: человек не очень заботится о том, чтобы «вышло», а дело как будто бы само собой «выходит».

Как можно объяснить эти кажущиеся несоответствия? Жизнь маленькой группы детей при известных условиях может приобрести глубокое значение, далеко выходящее за пределы его тесного мирка. Значение это зависит от той цели, которая реально осуществляется в скромной по размеру работе, т. е. от того, насколько в ней действительно создаются благоприятные условия для жизни детской группы, насколько она полна богатством содержания и напоена жадным стремлением де-

тей проявлять себя, развивать целесообразно свою деятельность. Насколько я знаю, наблюдая работу Луизы Карловны с 1904 года, она всегда стремилась придать вышеуказанный смысл своей работе с детьми. И это всякий чувствует, когда с ней знакомится. Поэтому-то организованная жизнь маленькой группы в руках Луизы Карловны приобретает характер некоторого значительного общественного явления, утверждения глубокого принципа, который, как таковой, вызывает те или другие серьезные оценки, создает живой интерес, споры, признания, т. е. все, что служит стимулами широкого распространения идей, подтверждаемых делом.

В создание того пути, по которому пошло русское дошкольное движение, немало вложено напряженного, многолетнего, предварительного труда Луизы Карловны за 19 лет ее деятельности. Это ее определенная, бесспорная заслуга в истории русского просвещения.

Здесь надо отметить еще одну черту деятельности Луизы Карловны — это глубокий дух современной эпохи, его гибкость, которая неизменно была отличительным признаком ее отношения к делу.

Я разделил бы ее деятельность на два периода: дореволюционный, период предвидения, исходящий от отрицательной оценки педагогической современности, с 1904 по 1917 год, и новый, когда сжатое, сдавленное в предшествовавшем периоде расцвело пышным цветом, далеко вышедшим за пределы сил и средств в дошкольной работе революционной России.

Отсюда понятен тот авторитет, который приобрела без всяких усилий со своей стороны Луиза Карловна. В сущности, это авторитет длительного опыта в одном и том же направлении, и трудно сказать, что здесь важнее — длительная и тщательно продуманная опытность или самое направление.

С другой стороны, верно и то, что опыт приобретает среди громадного проникновения в опыт других. Луиза Карловна является большим знатоком дошкольной литературы, русской и иностранной, причем почти всегда в оригиналах. Для этого ей пришлось выучиться читать заново на английском и итальянском языках и к этому привлечь своих ближайших сотрудников. Луиза Карловна выковала формы работы, свое направление в условиях познания направления других.

А многое в этих направлениях уже приняло устойчивые формы (фребелизм). Но она не примкнула к неофребелизму, не примкнула и к Монтессори, а создала свое, заимствовав в основном из идеи новой трудовой школы в ее экспериментальной части.

Корни ее авторитета лежат еще в том ясном и непогашенном, пожалуй, даже возросшем с годами стремлении знать новое и учиться заражать этим стремлением других. Таким образом, ее авторитет — не авторитет канона, догмы, а авторитет живого рабочего человека, основательно и всесторонне знающего свое дело. Поэтому с ним легче работать — отсюда и авторитет.

Атмосфера напряженной работы над собой, которая чувствуется вокруг личности Луизы Карловны, создает в других устойчивые интересы к делу. Но надо отметить и одну тонкую деталь в постоянной готовности Луизы Карловны учиться: она учится не только у книг, журналов, статей, а и у живых людей, приходящих к ней самой учиться. И вот молодежь ощущает интерес к себе, к своим мыслям и делам со стороны старшего, опытного, авторитетного товарища и становится настоящим учеником, изучающим то, как надо работать, и проверяющим свои силы. Работающие с Луизой Карловной ясно овладевают методом работы над собой, над своим делом, а это приводит к тому, что Луиза Карловна создает свою школу, как будто совершенно о ней не заботясь.

Коснусь и еще одного кажущегося противоречия во внешнем облике и характере отношений Луизы Карловны к другим людям. Внешняя сдержанность, суховатость, иногда холодность — и внутренняя теплота отношений, которая возникает у многих знающих ее детей, подростков, молодежи, взрослых. Главную роль в этом играют ее прямота и желание выяснить до конца всякую деловую и умственную путаницу, ее ярко ощущаемый интерес ко всякой личности и готовность всегда потратить на людей свое время. Немалую роль играет и вообще присущее Луизе Карловне: широкий взгляд на жизнь и ее терпимость по отношению к людям. Когда кто-нибудь приходит к Луизе Карловне, то не чувствуется никакой необходимости излагать свое *profession de foi*, свой символ веры, и объясняться на тему: «как веруешь». Эта черта личности, чрезвычайно ярко пере-

шедшая в реальную деятельность, разрешила довольно трудный вопрос — организовать большое дело с сотнями участников, не имеющих к тому ни какой охоты, ни организационного опыта. Его разрешение лежит в устранении внутренних трений, что имеет колоссальную важность во всякой организационной технике.

Таким образом, в результате мы должны признать, что Луиза Карловна является тем педагогом, который сущность «педагогизма» усвоил необычайно прочно; она живет и действует как педагог, и не только когда ей приходится заниматься с ребятами или работать на курсах, в кружках и группах со взрослыми, а вообще в жизни. И этот «педагогизм» ей не стоит никаких специальных усилий или подготовки. Она такова на самом деле.

Из **ПЕРЕПИСКИ**

ПИСЬМА 1913—1914 годов

Л. К. ШЛЕГЕР

Дорогая Луиза Карловна, ну как Вы живете? Ждете от меня вестей, конечно, но пока ничего особенного интересного... С 18 числа (нов. ст.) я переехал в Цюрих и начал свое дело. Пока мало клеится... Я получил уже Legimitativus Billet¹ на свободное посещение школ. Есть интересные вещи в общем ведении дела, хотя Эрисман* жалуется на консервативность учителей. Народная школа начинается с детских садов, необязательных, правда, но имеющих около 2000 ребят. Я был сегодня [там], ознакомившись сперва в городском музее с работами. Царит фребелизм с приготовленными одной фирмой готовыми полосками, кружочками и т. д., кубиками, формами узоров. Но удивительно здоровы, веселы и непринужденны дети... При мне играли сначала на улице — в переулочке, а после расселись по стульчикам у стены. «Руки за спи-ну!» — и стали играть, иллюстрируя осень. Тут был перелет птиц, охота и изображение руками, как падает снег. Такая милая, простая, но дрессировка. Летом гуляют за городом. Каникулы на рождество, пасху, два месяца летом и в октябре. [Занятия] от 9 до 11 и от 2 до 4 ежедневно.

Затем был в школе начальной. Там три отделения. Primär Schule² — 8 классов от 6 до 14, Sekundär Schu-

¹ Удостоверение (лат.).

² Начальная школа (нем.).

le¹ — от 12 до 17 лет, 5 классов и городская гимназия, реальное и коммерческое и техническое отделение высшей школы. Обучение совместное. Кроме того, ремесленная и художественная школа при Kunstgewerbe Museum². В общем Цюрих тратит 4 млн. франков. Все школьные здания строятся заново, старых мало. А самые новые постройки чудесны. Вчѐра я был на прелестном месте, высоком, Hohe Promenade³, на площадке, царящей над городом, и тут же чудное здание из тесаного с каменной скульптурой камня — Töchter Schule⁴. Так видны любовь, вкус, уважение города к делу. Навернулись слезы от горечи. В общем обучение простое, без новшеств. Да и мальчики с девочками учатся, потому что дешевле. Видал даже совместную гимнастику. Хотя учитель и отхлопал по щекам мальчика. Диссонанс. Общее течение — авторитет, безусловная покорность. В отличие от немцев ученики, и даже в детском саду, протягивают руку «Adieu Tante»⁵ и мне тоже. Классы большие — около пятидесяти в маленьких.

Того, чего ищу — Arbeitsschule⁶ — нет пока. Говорят, придет постепенно. Есть мастерские при всех школах с необязательным обучением. Но это еще впереди. Останусь еще с неделю в Цюрихе. Сегодня иду к Oertli*. Помните статьи в «Свободном воспитании»? Он, оказывается, самый и есть швейцарский заправила по ручному труду и трудовой школе. Недавно он был послан по Европе исследовать ручной труд. Есть у него брошюра — постараюсь достать. Я хочу еще помешкать в немецкой Швейцарии, чтобы посвободнее проехать в Германию, и главным образом в Мюнхен. Думаю много и мучительно о том, как нам выползти, и моя мысль такая — надо обдумать до больших подробностей и обосновать план нашей работы по трудовому принципу: что надо устроить, сколько денег и на что. Составить даже сметы. Схватиться с купцами* грудь с грудью. Бомбардировать их отсюда, указывая на примеры, на то, что иначе, как серьезно работать, нам нельзя, потому что для своего интереса

---

¹ Школа II ступени (нем.).

² Музей прикладного искусства (нем.).

³ Верхняя аллея для прогулок (нем.).

⁴ Школа для девочек (нем.).

⁵ «До свиданья, тетя» (франц.).

⁶ Трудовая школа (нем.).

мы можем работать и без купцов. Но план должен быть глубоко обдуман и подкреплен сведениями, книжками, отчетами и фотографиями.

Для этого я и буду сидеть за границей...

Перешлю Вам скоро цюрихские материалы. Спрашивал относительно Монтессори. Оказывается, была в Цюрихе ее ученица с докладом. Говорят, интересно, но неприменимо для больших классов. Детские сады ведутся по ее системе в Topzin¹, около Белинцоны, где я скоро позондирую почву...

Ваш
С. Шацкий

[19—21 ноября 1913 года.]

Цюрих.

Дорогая Луиза Карловна, видите, уже пишу второе. Последнее, кажется, кончил тем, что иду к Oertli. Был у него и остался очень доволен. Человек простой, вдумчивый и передовой. Трудовая школа — явление для него вполне понятное, но медленное для осуществления, ибо прежде всего надо уменьшить количество учеников в классе. Он был во всей Европе — изучал постановку ручного труда. Про Кершенштейнера отзывается с небольшой усмешечкой: сам не работает; одно дело — говорить, а другое — делать. Очень интересовался и просил сообщить ему мои впечатления от Мюнхена. Безусловно, трудовая школа — дело будущего, самое вероятное, но и в старой школе было кое-что, и она недаром работала. Вот таков он, пожилой уже, смолоду порезвившийся, вероятно, и много сохранивший свежести для работы. По его указаниям я распределил время между отдельными школами и часами занятий. Пока был у него на уроках-упражнениях — это попросту он повторяет в беседах с классом то, про что уже прошли раньше, затем у него же на предметных уроках — шелковое производство, география и геометрия. Он все связывает вместе. После осмотра фабрики — делание коллекций для образцов, все по точному размеру — измеряли длину шел-

---

¹ Тонзин — название местечка.

ковой нити от разматываемого кокона, затем по справочнику — производство шелка в разных странах, карты с обозначением места и маленькое описание государства — все в одну папку, этикетка с надписью «Шелк». Следующее занятие — железное производство. Особенно не торопится, и некоторые ученики, когда его внимание ослабнет, сидят без дела. Oertli объяснил мне школьную систему Цюриха *... Способные идут в гимназию, менее способные — в практическую школу, а остальные оканчивают народную школу. Гимназия имеет тоже отделения: классическое, литературное и новых языков. Обучение совместное, и никто не задумывается. Все просто.

Детский сад был с тремя отделениями. Всего 39 человек на одну учительницу. Обставлен пособиями богато, работы, конечно, не наши, но целесообразны, иначе при таком количестве нельзя. Но вот что облегчает им работу: посади малыша, он и будет сидеть почти не шелохнувшись. Нового нет. Приходят от 9—12 и от 2—4. Опять-таки очень здоровые дети. Постарше не так здоровы.

Посетил еще школьную кухню. При мне приготовили фрикадельки с морковным соусом, ел и я. Превосходное впечатление. Хорошо и то, что можно разговаривать с детьми. Нет, Луиза Карловна, нет мне другого выхода, кроме трудовой, рабочей или практической (как я буду называть ее) школы. Когда я нахожусь среди этих знающих что делать детей, я вижу, что вот перед глазами истинный метод. Идти надо от кухни, а не от Канта. Все здоровое, живое и глубокое можно основать на этих привычках к деятельности. Когда я посещаю класс и вижу умственные потуги, то засыпаю и прихожу в угнетенное состояние. Когда же вертят, строгают, жужжат, то воспаряю вновь. Это фундамент, а остальное здание интеллекта может быть превосходно построено. Может быть — то, может, а как — еще надо голову ломать. Труд необходимый — вот следующая ступень для размышлений. И заметьте, что я по натуре сам не практик, не трезвый утилитарист, а совсем наоборот: «Les extrêmes se touchent»¹ — у меня это выходит очень верно: от кухни к высшему интеллекту.

Душа болит за то, что у вас там делается. Но заставлять меня приезжать — грех, ибо чувствую, что надо

---

¹ «Крайности сходятся» (франц.).

что-то ужасно много обдумать. «Купцам» написал и буду еще писать, как можно открытее и напористее. Был еще в Gewerbeschule¹ и очень остался доволен, даже захотелось самому поработать. Хороши штуки в Buchbinderei², ученики сами делают рисунки переплетных бумаг и печатают для каждого переплета. И везде Мюнхен, Лейпциг. Должно быть, там еще лучше. Еще в Цюрихе надо посмотреть Höhere Töchterschule³, деревенскую народную школу и две колонии для неспособных к умственному труду (или одну). Потом поеду в Glarisseg⁴ и Базель...

Пока до свидания

Ваш С. Шацкий

26 ноября 1913 года.

Цюрих

Дорогая Луиза Карловна, Вы пишете — отдыхать, я все рассчитывал, что времени страшно мало, и я ничего не успею. Сейчас я уже перекочевал в Лозанну, пробыв три дня в Берне. Что было интересного или нового — одно только то, что все знают и толкуют про трудовую школу, и Arbeitsprinzipien⁵ у всех на языке. Конечно, с другой стороны, то, про что они думают, уже делалось, как мысль, в нашей школе, только я уверен, что когда они все это окончательно обмозгуют, то сделают все очень основательно. Ах, эта основательность! Понимаете, становится постоянно стыдно за свой дилетантизм. Мысль наша впереди дела и совершенно не соответствует исполнению. А у них идеальная в сравнении с нашим [положением] исполнительная машина, было бы лишь что исполнять. Мысли боятся они. Впрочем, к трудовой школе они подходят вот как: надо приготовить учителей, надо реформировать семинарии, надо устроить новые, удобные для работы школы, классы, лавки, столы, инструменты,

---

¹ Ремесленная школа (нем.).

² Переплетная мастерская (нем.).

³ Высшая женская школа (нем.).

⁴ Глариссег — название местности.

⁵ Трудовые принципы (нем.).

материалы. Надо завести специальную литературу и всякие фабрики, которые могли [бы] быстро поставлять необходимое. Тогда тяжелой артиллерией взять крепость трудовой школы. И это идет, потому что высшие руководители за это дело. Упирается сырая учительская масса, которой прибавится дела. Ведь правда, нужна целая армия энциклопедистов. И так уже в швейцарских семинариях требования к учителям большие — должны играть на скрипке или рояле, учить пению, рисовать, знать ручной труд, географию, историю и т. д. В Берне народная школа девятилетняя и *Secundär Schule*¹ — пятилетняя. Все-таки я не ожидал такой осведомленности швейцарцев в педагогических вопросах. Сейчас в Лозанне нашел новую интересную *Ecole céramique*² с французом, молодым директором. Это не чисто профессиональная, а художественная и научная школа. Очень меня обрадовал француз тем, что не признает стилизации, которая, по его словам, *abîme la nature*³. Это сушая правда. Он дает им чистое рисование, натуру, знакомит со стилем, но не дает закапываться в мелочи стиля. Это опасно и *ça vient mal après*⁴. Я обещал ему прислать из Москвы образцы русской керамики в снимках. Он страшно восхищен, как и все здешние художники, которых я встречал. Завтра пойду туда же с 8 до 12, буду смотреть работы учеников сначала. Школа имеет целью поднять швейцарскую керамику, а то все должны выписывать французов. Теперь поеду в *Iverdon, Cheaux de Fonds* и *Neuchatel*⁵ смотреть часовые школы. Вы скажете зачем, а затем, что здесь известные на весь свет часовые мастера, и вопрос, как смотрят на профессиональную подготовку и как достигают и много ли тупости в этом, очень интересен. Вы, конечно, видите, что я все гну в одну сторону — как быть с Москвой? И я скажу откровенно, что из всех сил поведу кампании за устройство наше как следует. А следует вот что: нашим детям, получающим крохи от городской школы, нужно идти дальше. Лет через пятьдесят у нас будет шестилетняя городская школа, когда уже гораздо легче будет работать, но теперь денег нет, и надо бить в

---

¹ Школа II ступени (нем.).

² Керамическая школа (франц.).

³ Губит натуру (франц.).

⁴ Это придет потом (франц.).

⁵ Ивердон, Шо де Фонд, Невшатель — названия городов.

точки понятным. А подготовка к труду — дело всем понятное. Это все, положим, не для Вас, уже очень банально. Это я кое-кому другому распишу. А Вам вот что. Мы должны выцарапать мастерские, хорошо обставленные мастерские. И я думаю, что общий план сведется к тому, что главные виды труда должны быть представлены: пища, одежда, посуда, мебель, инструменты, книга, домоводство, шитье, ткацкая, дерево и металл, переплетная. Конечно, в схеме можно расширять и сужать. Но мысль такая: главные виды человеческого городского труда и их объединение — в этом заключается зерно педагогики. Понимаете, какая может быть атмосфера? Затем идет умственная деятельность, объединяющая и освещающая, библиотека как культурный центр со своими шупальцами во все мастерские. Должна вестись работа так, чтобы были понятны низшие — ремесленные, утилитарные — формы и высшие — продукт изобретения, улучшения и украшения. Высшая точка работы — когда дети поймут необходимость красоты и сами станут вкладывать себя в работу, чтобы она имела «лицо». Знаете — *fecit Stradivarius anno 1565*¹ в Ментоне или Вероне. Вы поймите, что немцы из этого блюда такую бы *Sociale Arbeit*² загнули, что было бы чудо на весь мир. Теперь — как у нас. Я после заграницы скажу, что не согласен больше корпеть. Или пан или пропал. Давайте сыграем ва-банк и погибнем с честью. Вот такая моя программа. Конечно, я уверен, что все можно было бы сделать, если бы сам знал все, если бы устроил курсы для сотрудников и, взявши всех за ворот, научил бы все делать. Поэтому-то и жаль, что мало времени. Надо все-таки оглядеться, устояться, а после научиться хоть чему-нибудь. Вероятно, облюбую все-таки себе место и поступлю в какую-нибудь *Gewerbeschule*.

Итак, начнемте бой, храбрая амазонка. Через неделю кончу со Швейцарией и поеду на рождество (заграничное) в Давос...

Всего хорошего
С. Шацкий

12 декабря 1913 года.
Цюрих

---

¹ Сделал Страдивариус в 1565 году (лат.).

² Социальная работа (нем.).

Дорогая Луиза Карловна, в Лозанне сделал открытие, в высшей степени обрадовавшее меня. Есть школа в память Феррера* (помните — казненный испанец). Я попал туда по рекомендации Рубакина*, который, положим, сам там не был. Это очень хорошо, и я напишу о ней в «Свободное воспитание». Одна комната в помещении бывшего фотографического ателье с верхним светом. Знаете, это чрезвычайно удобно, такое освещение — очень мягко и светло. Одна комната. Ребята всяких возрастов. Учитель — кроткого вида мужчина, вроде Бирюкова*. Все делают разное, в комнате сразу восемь групп. Все должны держать ежегодные экзамены в Ecole primaire¹. И эта обстановка, сразу пахнувшая родным, меня сразу взбодрила, как боевого коня звук трубы. Я походил, дети посмотрели и опять принялись за свое. Двое тащат сверху большую карту на палке. Я спросил, что они хотят смотреть. Россию. Я помог им повесить карту, принести стулья, сели с книжками в руках и показывают друг другу. Я стал расспрашивать, взял в руки книгу и понемножку начал задавать вопросы и показывать города. Потом я завел речь про старые столицы, про татар, степи, Петра Великого. Собралась вся школа, друг другу передают впечатления...

Затем у них был урок естественной истории, а я сел с маленькими лепить, и мы сошлись живо. В разговоре с учителем оказалось, что школу содержат рабочие на свой счет. Есть и пожертвования. Стоит в год 3000 франков. Существует третий год, было много злоключений (выгоняли за резвость). Но теперь успокоились. И все-таки дети другие, и учителя лучше умеют работать, чем у нас, — больше устойчивости и уверенности. А затем настоящая школа только при помощи тех, для которых она создана. В сущности, заграничная история «Дома свободного ребенка»*, только удавшаяся. Я постараюсь собрать все материалы и пособия. Сегодня приехал в Genève² и, по рекомендации Рубакина, пошел к Боткиным. Это русское семейство с дочерьми, учащимися здесь. Одна в Institut J. J. Rousseau*. Таким образом, завтра отправляюсь туда. Нужно показать им наши книжки — пусть разберутся. У них была инспектриса монтессориев-

---

¹ Начальная школа (франц.).

² Г. Женева.

ских школ в Белинцоне и один месяц проходила курс со слушательницами. Теперь они открыли пробное отделение по Монтессори. Сама Монтессори в Риме, переругалась с городским управлением и заперлась, никого из посетителей не принимает и пишет новую книгу, считая, что первая только этап. От школ отказывается, дала разрешение только одной американке. Если корчит знаменитость — еще рано, если хочет работать — хорошо. То, что есть интересного в Женеве, посмотрю, больше никуда не поеду, устал...

С. Шацкий

[20 декабря 1913 года.]

Женева

Только написал Вам, как пришло письмо от С[ергея] И[вановича] *, где он пишет, что читал мое письмо к нему на собрании сотрудников, что против основных положений никто не возражал, но что все сознавали трудность осуществления такого дела, когда оно не вошло еще в сознание общества, а следовательно, не созрело, чтобы воплотиться в плоть и кровь. Чьи это слова? Чьи это слова? * Я рву на себе волосы от досады, что у нас не нашлось духа, одушевления, радости при мысли о живом труде. Я писал кровью это письмо... Дело было за малым. Не угашать духа надо было, а доказать «купцу», что есть люди, а нет только простора для работы... Мои дорогие товарищи, ставшие такими осторожными, рассудительными. «Не созрело, чтобы вылиться в плоть и кровь»!.. Был на собрании Зеленко?

Что мне теперь делать? Для чего я мучаюсь, раскидываю умом, представляю себе и радуюсь всей будущей бодрой борьбе? У меня мелькает новая для меня и коварная мысль — не выдохлись ли совсем силы? Не тянет ли к камину с экраном? Я Вам писал и просил критиковать, сколько влезет, я не стою за формы, за мелочи. Но я твердо знаю свой единственный путь — детский сознательный, радостный труд, и думаю, что сделать удастся. Горько только пока...

Я без товарищей работать не могу и их поддержку всей силой своей, как это было раньше, а меня пусть и они

поддерживают. Я ничуть не закрываю глаз на русские условия, поэтому мысль моя и устремилась на мастерские, и в моих планах гораздо больше практического и осуществимого, чем про меня думают. Мы можем работать много и плодотворно, если интересно и есть возможность, в этом я еще, несмотря на тяжкий удар от Москвы, не разуверился. Но ведь нужен жар и одушевление, без этого я работать не могу. «L'appetit vient a mangeant»¹, и тоже, может быть, с одушевлением. Я за границу только почитаю за устойчивость и практику, а им не хватает идей свежих, широких. Разве не тоскуют здесь именно по этому? Ну, ладно. Излил сердце, и в сторону. Опишите мне подробно это знаменитое собрание, пожалуйста. Что Елена Яковлевна? * Я читал, что она делала доклад в родительском кружке о творчестве. А это тоже не вошло в сознание общества и неосуществимо — это творческое направление?

С. Ш.

[21 декабря 1913 года.]

Женева

Дорогая Луиза Карловна, пишу из Davos, где праздную уже неделю... Дам Вам картину того, что я видал. В Лозанне видел Ecole Ferrer, которую содержат рабочие на свои средства + добротные даяния. Это очень мне понравилось. Есть там некоторые книги по естествознанию и географии, которые я записал, чтобы купить. По настроению детей — это лучшее, что я видел. Ecole nouvelle Cheully² — ничего особенного — Landerziehungsheim³ для приходящих. В общем только богатое учреждение. Французская школа хуже немецкой, и особенно говорить не стоит. План тот же почти, что и в Цюрихе. Есть лесные школы, classes gardiennes⁴ — послешкольные занятия, куда меня не пустили, так как дело не ладится, Ecole enfantines⁵ и т. д. В Clarens⁶ я посетил Рубакина,

¹ «Аппетит приходит во время еды» (франц.).

² Новая школа Шелли (франц.).

³ Сельский приют (нем.).

⁴ Воспитательные классы (франц.).

⁵ Детские школы (франц.).

⁶ Кларан — название местности.

который сидит и пишет, окруженный книгами, свою книгу «Среди книг». Он надавал мне много адресов, между прочим, доктора Nussbaum, который имеет семейный Landerziehungsheim, и рядом с ним живет Ferriere*, ушедший из Institut J. J. Rousseau. Туда я за недостатком времени не попал. Говорил я еще с М. Bovet* — директором — и видел Клапареда* за занятиями, хотя с ним не беседовал. Там устроена школа Монтессори, где занимаются три слушательницы института. Осматривал я все, что мог, много говорил с ученицами и вывел заключение, что дело слишком молодое для того, чтобы можно было поучиться. Лекции не систематические, а эпизодические, ищут людей и переживают волнения. Я был в большой чести, со мной советовались, просят прочесть доклад и дать книжки наши на рецензии. Я послал, но буду ли там еще, не знаю. В общем мое мнение, если бы пришлось нам работать за границей, где все-таки в курсе всех передовых идей, то мы были бы с нашей практикой весьма и весьма нужными людьми и прославились бы, если это надо. Я указывал на то, что у них слишком мало материала для суждений, слишком далеко стоят от детей. Надо копить, собирать и систематизировать детские материалы и приучаться иметь суждение по поводу детских работ. Что говорит такая-то работа, что интересного, при каких условиях создавалась, какой ребенок и т. д. Видел безумного француза Mattey, преподавателя института, который раньше был в Ecole Fegger, поссорился и ушел, а потом у Фора* несколько месяцев и теперь здесь. Он дал мне картинку, выражающую его мысли, и толковал про свою систему два часа — ничего не признает, принципиально не читает ничего и не знакомится — мне, мол, интересно только то, что я делаю. Здесь же он обучает слушателей ручному труду и всяким приемам в ручной работе, как и что придумывать для демонстраций...

В Белинцоне народные школы ведутся по Монтессори (детские сады). Приборы ее я видел, ничего особенного, только обучение грамоте при помощи пальцев, которые ощупывают шероховатые модели букв, — остроумно. Шаблонов для ощупывания вообще много. Там же мне показали игрушки Декроли, наборы, довольно остроумные, всякие лото. Институт продает за 50 франков два ящика, я выписал для Москвы. Это последняя но-

вость. В январе получите. Вообще лото — последний крик моды. Индивидуальные игры — лото Монтессори — нашли применение в школе для отсталых. И это хорошо. Детям дается задача на таблице, которая составлена ими же. Например, ветер и тихая погода. В руках у ребенка три таблицы с нарисованным домом*. Ветер дует справа. Надо расположить дым в трубе, господина с улетевшей шляпой и белье на веревке и дерево так, чтобы видно было, откуда дует ветер. Затем — тихая погода и ветер слева. То же — с тенью от солнца и т. д. Я советовал учительнице (ее изобретение) продолжать в этом духе, составив целый ряд практических задач на явления природы. Но в общем ухватываются именно за эти пособия; хорошо, впрочем, то, что у каждого ребенка своя задача, и он на некоторое время предоставляется себе. О создании жизни детей — об этом мало. И в *Landerziehungsheim*'ах немного то же, и недостаток сознается. Думаю, что этот вопрос везде в зачаточном состоянии. Теперь дальше думаю ехать после праздников в Мюнхен, но надо бы еще писем к Кершенштейнеру. Вы, вероятно, не так меня понимали, считая, что я в восторге. Я изумляюсь практике и способности малое довести до конца. А мысль и суть — это понимают и здесь немногие, и в особенности — как оформить их, чтобы можно было провести, — для всех задача. «Поезжайте к Кершенштейнеру, чтобы разочароваться», — вот что здесь говорят. Не знаю. Но поеду, и если удастся, то вопьюсь, как клещ. Пока планы такие... В феврале поедem на тепло — итальянские озера, которые я уже видал, или на Ривьеру. Затем — в апреле — Париж, Брюссель, Берлин. Мне остается, следовательно, январь и половина февраля на Германию: Мюнхен, Мангейм и Иену. Отсюда уеду через неделю или дней десять. Надо освоиться с материалами и кое-что перевести...

С праздником. Считаю, что Вы пишете мало.

С. Шацкий

[Конец декабря 1913 года.]

Давос

Дорогая Луиза Карловна. Должно быть, Вы в Петербурге, что так давно нет от Вас известий. Наконец-то я добрался в Мюнхен и поселился не менее как на две недели, а может, и больше...

Приехал из Давоса в Цюрих вечером и пошел к Oertli показывать ему книжки наши. Засиделись долго. Я указывал ему на тот недостаток, что в швейцарской школе мало искусства. Он признает интернациональность Швейцарии и думает, что это худо. А ничего не поделаешь. Я и говорю ему: «Ведь есть у вас народная песня, есть постройки (Chalets¹ в Берне — хорошие штуки), есть и старые производства — надо все это культивировать, а то все вразброд». Тут он размяк и объявил, что обязательно приедет в колонию смотреть на нас. Ладно, говорю, а сам думаю, как еще все мое дело выйдет. Ночь до Мюнхена не спал. Приехал в 7 час. утра, вещи отправил на вокзал и пошел искать Rathaus². Чудесное новое здание, колоссальных размеров, комнат одних до тысячи. В комнате № 491 сказали мне, что Кершенштейнер здесь, в Мюнхене, и через час будет. Я сбегал назад, наскоро нанял номер за две марки, сквернейший около вокзала, принес вещи, почистился, надел сюртук и новый галстук и выглаженные брюки и пошел. Все это здесь имеет огромное значение. Кершенштейнер уже был на месте (10^{1/2}). Я вынул книжки и только что хотел сделать надпись, как сзади подошел небольшой старик, вроде Анучина*, и сказал: «Извините, я сейчас, пройдите в мой кабинет». Это был сам. Кабинет завален какими-то гравюрами и художественными изданиями. «Садитесь». Я говорю, что сначала хочу рассказать про себя, и начал. Он просветлел немного и стал говорить про свое дело. Arbeitsschule существует только в Fortbildungsklassen³. В народной школе не хватает денег и «людей», сказал он вскользь. Есть у нас Versuchsschulen⁴ для первого — четвертого классов, и это дает превосходные результаты. Надеюсь, что со временем дело дойдет и до народной школы. «Видали Вы мою новую книжку?» Я говорю, что все почти его переведено на русский язык. Он ответил,

---

¹ Хижины (франц.).

² Ратуша (нем.).

³ Повышенные классы (нем.).

⁴ Опытные школы (нем.).

что теперь ждет последнего перевода его книги о детских рисунках Левитина*. Про наши работы он сказал, что это и он делает в детских садах (в чем я сомневаюсь), он того мнения про творчество, что его надо поощрять до восьми лет и давать свободно развиваться, а после восьми уже надо давать приемы, вводить в русло, обучать технике, соразмерности, упорядочить направление силы. Я промолчал на это: времени было мало, чтобы спорить. Все старался поставить дело так, чтобы он пустил в Versuchsschule, о которой меня предупреждал уже Oertli, которого не пустили. «Добивайтесь», — с усмешкой сказал он. Ну а тут, когда я развел пары, Кершенштейнер объявил, что мне надо все посмотреть. Рекомендовался я ему doctor Schatzky, так он пошел в канцелярию и, слышу, говорит: «Напишите разрешение проф. Шацкому». Тут, как я вышел из кабинета, все стали необыкновенно милы: «Доктор, пожалуйста! Что угодно профессору! Всего хорошего, профессор!» и т. д. Кершенштейнер любезно трясет руку и объявляет, что через день он уезжает в Берлин («Вы будете в Берлине, тогда ко мне в рейхстаг»). И вот я вооружен бумажкой, где написаны адреса двух народных школ, одной Fortbildungsschule¹ и одной Versuchsschule (на один день). Сегодня пошел. Опять та же история с «профессором». Oberlehrer² таял, изгибался, повел к другому Oberlehrer; мы втроем таяли и изящно изгибались и сыпали любезностями, и дошло дело до того, что несколько секунд постояли склонившись изящно без слов, что вышло смешно.

Уже был в детском саду и смотрел работы. Мало свободных, а все с моделей или с рук. Две комнаты на пятьдесят человек. Двадцать пять занимаются, а двадцать пять играют или поют. Оборудовано шкафами, умывальниками, полками очень удобно. На стенах картины, хотя детских нет. Дети от трех до шести лет (obligatorisch³). Затем два часа был на уроке физики. Восьмой класс народной школы невелик — 18 человек. Столы и стулья. Рядом с классом маленькая лаборатория и физико-химический кабинет. Скучновато было. Учитель стар, дети сидят как вкопанные, вежливы чрезвычайно. Держат в

---

¹ Школа повышенного типа (нем.).

² Старший учитель (нем.).

³ Обязательно (нем.).

страхе Божиим. Было преломление света. Я заглянул в тетрадки — все написано толково и зарисовано. Система все-таки вопросов и ответов, несмотря на старость. У учителя затылок свиреп. Начали делать опыты с преломлением света сквозь стеклянную пластинку. Учитель частенько заглядывает в книжку. Я не утерпел и подал несколько советов. После, когда ученики стали зарисовывать, учитель показал мне несколько новых книг по физике и химии, очень меня заинтересовавших, и я [пожелал] купить их.

Завтра новоиспеченный «профессор» (поневоле) отправится смотреть с утра детский сад, а после двух — мастерские и кухню в народной школе. Думаю, что в две недели успею осмотреть назначенные мне школы, собрать книги, попросить материалов — тетрадок и работ — и сфотографировать, если позволит начальство. Все-таки чувствуется солидное дело и некоторое оживление. Странно нездоровы на вид старшие дети — не так, как в Швейцарии.

Напишите, пожалуйста, чем запастись в Мюнхене, что купить и что еще спросить. Все-таки, как мне кажется, школьное дело все будет толочься на одном месте, если к *Unterricht*¹ не присоединять искусства, только серьезно, на совесть, а не в виде школьного пассивного пения, и социального элемента. Стоит здесь в качестве социального элемента металлическая школьная *Sparkasse*² в коридоре, куда, я видел, опускаются монеты. Это повсюду. А лучше бы не надо этой мелочности, кто ее знает?..

Поклоны и с Новым годом...

Ваш С. Шацкий

[Первая декада января 1914 года.]

Мюнхен

Дорогая Луиза Карловна, пишу Вам после свежих впечатлений от *Versuchskindergarten*³ и *Versuchsschule*. Первый основан частным обществом, примыкающим к

¹ Обучение (нем.).

² Копилка (нем.).

³ Опытный детский сад (нем.).

женскому Institut für sociale Arbeit¹, а вторая — городская. Обе школы немного связаны между собой той материальной поддержкой, которую оказал город детскому саду, и тем, что взамен обязан иметь столько детей в классе, сколько это обычно для городской школы, т. е. не менее 30. Работает детский сад с 1910 года. Конечно, Вы знаете атмосферу немецкой школы, которая и в лучших образцах ужасно любит командовать, и это командирство прирожденное, стихийное, исходящее от тайного опасения за свой бронированный кулак, за свой милитаризм, стоящий таких денег... Эта тишина, хождение чуть не на цыпочках, стройные ряды спин или поднятых рук в классе заставляют чутко отзываться на проблески другого. И представьте, что вдруг я в Versuchskindergarten застал шум и возню и внешний беспорядок! Как это было мило.

В первой комнате было три отделения — старшие. Многие дети, поставив лавки одним краем на столы рядом, скатывались на своих средствах попарно вниз, а учительница ходит и ничего. Стены в орнаментах из разноцветных кружочков* — очень весело. Так же, как у нас, только попроще — шкапы и складочная комната. Предметы сделаны гораздо аккуратнее наших, ибо все части уже готовы: палочки, дощечки нарезаны, наструганы и напилены. В третьем классе идет знакомство с городом — при мне была почта: рисунки почтовой кареты с лошадьми, причем странно было то, что меньше еще наблюдательности, чем у наших, — большинство лошадей с огромными головами и двумя ногами. Но по краскам — футуристы. Затем — письмо, конверт, марка, рисунок формы почтальона, почтовый ящик, телеграф и телефон. Делают экскурсии. Перед каждым занятием ходят попарно, ступая правой ногой с удовольствием. Второе отделение было в лавке и наклеивало из разноцветных бумажек пол. Лавку делает каждый, и вообще не так много коллективных работ. Комната очень хороша с детскими работами. Довольно много глины. В первом отделении была игра с пением в маленькой комнате. Гимнастики не застал. Заведующая, очень правильная женщина, жена редактора социалистической газеты. Я ей передал наши книжки и рассказал про дело, показал и фотографии

---

¹ Институт социальной работы (нем.).

колонии. Она страшно заинтересовалась и завидовала интересной работе. Буду там еще раз.

Сегодня, после предварительного знакомства с отчетами Кершенштейнера и всяких расспросов, пошел в Versuchsschule. Опять-таки книжки и фотографии оказали свою службу, и Oberlehrer был весьма предупредителен и после бесед моих с учителями даже выражал сожаление, что я не могу еще раз зайти (ибо строго-настрого в разрешении Кершенштейнером написано: один раз). Сразу попал я в рабочую комнату, где внимание мое обратили [на себя] маленькие столики с планшеткой около одного края, приспособленные для подвешивания, и крюками под доской для весов про запас и других предметов; верхняя часть сделана из согнутой газовой трубки*.

Потрогал — все прочно. По стенам — шкапы с моделями, работами и инструментами. Инструменты я специально заметил и думаю применить в детском саду, ибо принцип ручного труда мне нравится; это возможность для ребят распилить без затруднений в технике, без страданий, а скорее прийти к цели. На столе три места. У каждого привинчены тиски*. В тиски зажат крепко маленький прибор для прямого и косого пиления, известный, конечно, всем столярам, только маленький, у нас называется, кажется, стусло, зажато в тисках; надо только сделать одно усовершенствование, до которого немцы не дошли пока, а то при пилении всегда щели, в которых ходит пила, растягиваются в стороны. Остальные инструменты обыкновенны. И вот ребенок пилит сам, но без затруднений; выходит ровно, и он может отмерить, сколько надо. Приделали лестницу — все, каждый свою и одинаковую со всеми. Предварительно учитель — хлоп! Двадцать пять ребят собираются у стола. Затем он объясняет и делает при них. Части — длинные оструганные четырехугольные палочки — уже готовы, их надо распилить по мерке. После объяснений — хлоп! Часть поворачивается направо, часть — налево. Хлоп! — расходятся по местам и отпиливают боковые длинные части. Затем хлоп! — опять сбор и объяснение, как пилить ступеньки, и хлоп! — опять по местам. Отпилили. Опять объяснение, как прибивать гвоздиками и отмечать места для ступенек. И вот в час все сделано, у всех одного размера и более или менее хорошо. Пошла уборка и — хлоп! —

повертываются пополам к стене и выстраиваются. Затем идет медленно часть, ближайшая к двери, за ними остальные. Большая комната и рядом склады, где вешалки, полки, ящики, где в коробках самые разнообразные кусочки товаров, материй, кож, тканей, которые раздаются при описаниях каждому в руки. Названий всего около шестидесяти. Затем был на уроке чтения — первый класс от 6 до 7 лет. Учитель молодой, лет тридцати. Глаза блестят. Способ обучения — американский — целыми словами. Сочинена нарочно и отпечатана только для Versuchsschule книжечка со сказкой, вроде «Колобка», где жаворонок летит к царю пропеть ему песню и по дороге встречает зверей, которые заманивают его к себе. А он не верит и летит дальше. Много слов повторяется и даже фраз. В иных фразах перестановки слов. Заучили наизусть почти и должны читать по написанному крупным шрифтом целые фразы, не разбирая букв. Затем все разрезается на части, дети имеют у себя тоже полоски с напечатанными фразами, разрезанные на части с отдельными словами, перед каждым касса *, в верхних рядах ставятся слова, а в нижних трех — запас разрозненных полосок. У учителя к кафедре прикреплена доска с поперечно набитыми дощечками*, на которых ставятся большие слова. Весь класс делает одно и то же упражнение. Затем — игра. Называются отдельные ребята — жаворонок, волк, змея, лиса, царь, и жаворонок летит от одного к другому, говоря свои слова. Весь класс сообща, на манер греческого хора, говорит места, где описывается путешествие жаворонка. Когда дело [дошло] до царя, то царь, прослушав пение, дает два пера на устройство гнезда. Затем дети становятся к доскам, берут мел и пишут сказку сначала, каждый одно и то же, большими буквами, то, что выставлено у учителя и что предварительно прочли. Напечатана и другая такая сказка, где курица хочет печь хлеб и приглашает в товарищи обитателя птичьего двора. Тот отказывается. Она должна сама и сеять, и жать, и молотить, и нести зерна на мельницу, и печь хлеб, а есть хотят все. Но курица отказывает. С нею та же история. Это я видал уже у учительницы, у которой мальчики и девочки. У нее же видел и счет. У каждого * [счеты], и считают, и решают задачи вместе. Для старших — весы и разновески. Определяют вес всех товаров, про которые говорят. Задачи делают,

меряя, отсыпая, отвешивая. Задачи лавочного характера. Предварительные упражнения к письму по Монтессори с ее шаблонами (о чем у нас был спор Oberlehger'ом) и такими элементами *... для основных форм букв. Пение не хорошо. Только хорошо — все дышат, при каждой фразе подымая руки.

Самое интересное — *Anschauungsunterricht*¹, стоящее, как и все работы, в полной связи с другими предметами. Опять там же, в рабочей комнате. Учитель говорит про часы и про то, что сейчас будем их делать. У всех готовые картонные кружки. «Подымите руки вверх с кружками. Кладите на бумагу, обведите карандашом. Что надо дальше делать?» — «Вырезать». — «Вырезайте, только потихоньку». Сам сидит на кафедре, не двигаясь, тихо командуя. «Теперь подымите руки. Что у вас?» — «Кружок». — «Для чего?» — «Для часов». — «Как кто делал кружок? Кому было трудно? Теперь обернитесь к часам на стене. Что вы видите?» — «Стрелки, цифры». — «Стрелки прикреплены?» — «Да, к середке». — «Как сделать середку?» Сходит с кафедры. «Подите ко мне!» Обступают. «Вот я беру кружок, складываю раз, складываю два — есть середка? Теперь по местам!» Все складывают. «На сколько частей разделен круг? Что на этих местах стоит у часов, какие цифры? 12, 3, 6, 9. Где одна четверть, одна вторая, три четверти круга?»

Вопрос у учеников, как писать — римскими или немецкими. Лучше немецкими, впрочем, как кто хочет. — «Что написали?» — «12, 3, 6, 9». В это время один опоздал. «Что же ты?» — «О-о-о». Спешит, раздевается, заглядывает к соседям и старается догнать остальных. Учитель уже овладел настроением, сидит на кафедре и как будто не вмешивается. К нему подбегают, спрашивают, он дает ответы не торопясь. «Теперь ко мне! Вот еще колесо. По нему вы сделайте круг внутри, чтобы лучше написать цифры. Готово. Беритесь. Где стоят стрелки? Сколько времени? Что стоит между 12 и 3, между 3 и 6, 6 и 9, 9 и 12? Нарисуйте все цифры. Теперь ко мне». Все бегут, настроение все повышается, и, когда учитель говорит, объясняет, многие уже поняли и топчут ножонками, желая скорей делать. Это была работа № 1. «Мы сделали круг, нарисовали центр, стрелки, цифры. Теперь рабо-

---

¹ Наглядное обучение (нем.).

та № 2. Вот еще колесо. Какое оно?» — «Зубчатое». — «Где зубцы?» — «По краям и около середки, оно будет сзади циферблата». — «Что к нему надо прикрепить?» — «Стрелку». — «Какая стрелка идет тихо, а какая быстро? Сколько колесиков надо?» — «Два, для каждой стрелки». — «Вот еще колесо. Где зубцы?» — «Около краев». — «Для чего зубцы?» — «Чтобы зацеплять». — «Сколько зубцов, сочитите». — «Шестьдесят и пять», — и т. д. Затем отложил пока работу на следующий раз. «Теперь я покажу вам еще штучку, еще часы». Показывает песочные. «Раньше часов не было. Обернитесь. Сколько времени? Теперь я повертываю. Когда высыпается весь песок?» — «[Через] 5 минут». Раздает группам по пять [учеников] часы. «Обернитесь» и т. д. «Можно и самим сделать из бумаги. Ко мне!» Складывается круг вчетверо, получается фунтик, склеивается. Общее ожидание. «Дайте ножницы». — «А-а-а...» (Догадались.) — «Теперь дайте песок. Сделайте сами. Если насыпать до краев песком, то будет высыпаться при маленькой дырочке около пяти минут. Теперь убирайте все»... Я описал слова, но на деле замечательное оживление работы, рвутся прямо и сдерживаются руководителем, который дает им ясно полезные и понятные указания. Все это собирание и рассыпание стрелок делается охотно, как забавная гимнастика. При этом у всех выходит. Учитель же подчеркнута спокоен и тих и только улыбается. Конечно, поразительно все это видеть в немецкой школе.

После он показал мне свою тетрадь, где время у него разбито по $\frac{1}{4}$ часа с подробным обозначением, что надо в каждую $\frac{1}{4}$ часа делать. Не скучно ничуть, возбуждение и оживление к концу урока больше. Впечатление превосходное.

Затем был на немецком уроке. Толстая учительница ходила по классу, ученица читала стихи про зиму хорошо, потом читали еще про зиму, ученик рассказывал, как шла битва в снежки, очень складно и по-детски и с юмором. Учительница очень приятна и все улыбается. Поговорил и с ней. Впечатление, что собраны лучшие силы, и у таких дело пойдет так, что отцы города не побоятся. Но как пойдет у обыкновенных? Не начнутся ли старые мехи и новое вино? Эти-то ведь очень заинтересованы работой. А как перейдет дело в учительскую семинарию, не знаю. Классы [в] пятьдесят человек, которые сидят

вместе для общей работы: объяснений или чтений. Для работы собственно разделены на две части — по 25. Говорят, что со школьной программой справляются вполне. Сейчас два первых, два вторых и один четвертый. Третьего нет, так как в этом году город не дал денег на начало нового класса, а через год согласился. Вот вам и Versuchsschule. Кажется, написал обстоятельно и много. Понравившийся мне учитель Warmuth пишет книгу «Praxis der Arbeitsschule»¹ выпусками.

Вышло выпусков за три года и за четвертый — три выпуска. Все я купил, и это интересно...

Книги, которые я купил ... очень подвинут дело. И я рад, бесконечно рад, что своим отсутствием и бомбардировкой издалека, когда пишешь очень смело, содействовал сплочению наших сил. Это страшно важно теперь, когда мы должны получить почти все, что хотели бы. Словом, мы если еще не одержали победы, то почти перед нею. Только бы ухватиться друг за друга крепче. Устиныч * прислал мне, наконец, письмо, которого я давно ждал от него. Неужели же опять возрождается светлое прошлое! Дорогая Луиза Карловна, я не знаю, но считаю, что судьба чрезвычайно милостлива к нам, если только придется пережить однажды уже прожитое светлое. Мы должны возродиться. Разметать бы еще без остатка во все стороны старые бревна и щепки, которые образовали такой затор! И это все не снаружи, а внутри.

Вы знаете, если собрать мои письма за это время, то может выйти том в десять печатных листов под названием: «Гимн торжествующей добродетели!». Ужасно много писал.

Ваш С. Шацкий

[15—18 января 1914 года.]

Мюнхен

Дорогая Луиза Карловна, мне остается Лейпциг и Берлин. Иену я миновал, не успел выгрузиться с чемоданами: такая масса народу нашла, а поезд стоял одну минуту. И не жалко, ибо времени бы не хватило. В Лейпциге посмотрю, что порекомендуют, постараюсь покороче, а потом в Берлин.

¹ «Практика трудовой школы» (нем.).

Сергей Иванович прислал мне письмо, где предлагает из алексеевских капиталов на пять лет субсидию тысяч 15 ежегодно на устройство опытной трудовой школы, подходящей к условиям города. Он пишет, что «такое дело не может быть любительским, отдельных лиц, а должно стать общественным, т. е. на ярком примере перевоспитать взгляды общества на задачи детского воспитания». На мои слова относительно свободы работы и неразрывности нашего кружка он отвечает: «Таким людям не подрезают крылья».

Его стремление— «вывести это дело на широкий путь общественного служения и создать городскую опытную школу». Он кончает так: «Если Вы находите это для себя неприемлемым, и лаче всего, в интересах служения той идее, которой Вы посвятили свою жизнь, считаете необходимым сохранить полную свободу своих действий, а равно и привычную Вам обстановку, то будемте жить по-старому и позвольте мне понимать мою роль так, как я ее теперь понимаю: торгуя шерстью, хлопком и т. д., добывать необходимые мне средства, чтобы оказывать посильную материальную помощь тому делу, в глубокий смысл и значение которого я научился верить».

Итак, теперь все раскрыто, предложение, совершенно ясное, сделано, дело за нами. Я в ответ написал ему проект опытной школы, конечно, схематический, поставив принцип непрерывности во главу и трудовой школы во-вторых, т. е. детский сад, школа до 14 лет, Fortbildungsschule до 18 лет, чтобы всякий родитель мог знать, что здесь доходят до дела. Он, вероятно, сообщит о моем письме. Ну, вот, что сказать? Разумеется, в работе большой сдвиг, революция. Дело тяжкое, но важное, если все выйдет. Развязываются руки, но усиливается ответственность. Обсудите эту штуку, я, ей-богу, устал от всех страшных напряжений. Написал в этом месяце такую массу больших писем, и все «с перцем», что чувствую переработку и теперь дотягиваю свои осмотры, которых по времени не так много — собственно, полтора месяца, ибо в Швейцарии я наполовину пробыл в Давосе. После Мюнхена я был в Аугсбурге в восьмиклассной экспериментальной школе. Приняли меня очень хорошо, внимательно, все показывали. Я провел там целый день.

Собственно, там проведен везде метод иллюстраций и наглядного обучения вместе с развитием техники работы рук. Все рассчитано по мелочам, например, 1 час употребляется на наклеивание трех полосок из гуммированной бумаги, так что оставалось только смочить кисточкой. Это был второй класс. Много глины и разных аккуратных моделей. Была выставка. Дисциплина та же почти, немного разве слабее. Пятьдесят человек в классе. Учитель и ассистент. Мне они надавали кучу работ по рисованию, наклеиванию и т. д. из разных классов, больше, чем надо. Аугсбург — прелестный город со стариной, очень ценной. Я и говорил учителям, чтобы вместо ножей, молотков, лестниц взяли бы для моделирования и рисования дом, углы, перспективы улиц, орнамент церковных окон и дверей — было бы гораздо лучше. Советовал в классах по стенам и на полках устраивать *Permanente Ausstellungen*¹ — это понравилось, так же рассказ про выбор лучших работ учениками. Вообще идея эксперимента не велика, но уж проводят прочно, взялись немцы. Материалы у меня есть. Я прочел рецензию Алферова на перевод книжки Кершенштейнера «Трудовая школа»*. Судя по содержанию заметки, переведена, вероятно, «*Begriff der Arbeitsschule*»² и старое издание, ибо в новом есть проект экспериментальной школы. Вы достаньте перевод, и если там нет экспериментальной школы, то надо перевести отдельно. Вообще Кершенштейнера здесь помаленьку царапают. Возражения идут с двух сторон: одни указывают на утилитарные идеалы Кершенштейнера, что оно на практике так и есть, ибо детище *Fortbildungsschule* никаких на практике социальных задач не преследует, а есть отлично и умно организованная ремесленная школа. Говорят, что немецкая промышленность сильна своим интеллигентным рабочим, а Кершенштейнер понижает этот уровень в школе. На деле это неверно — экспериментальная его школа выше по интеллигентности обыкновенной. Вторые говорят — игрушки, не дело, пустяками занимаются. Третьи даже есть — указывают, что очень большая ошибка предполагать, что трудовая школа — это школа физического труда или в его области, как это обыкновенно сам Кершен-

---

¹ Периодические выставки (нем.).

² «Понятие о трудовой школе» (нем.).

штейнер и выставляет, говоря, что Arbeitsschule только существует в его Fortbildungsschule. А мозговая работа разве не работа? Ну, тут легкий переход к тому, что и гимназия — трудовая школа. Когда говоришь про американские опыты, то говорят, что здесь сложилась поговорка: «Was Amerikaner probiert, der Deutsche macht»¹. Но в общем в педагогической работе благодаря Кершенштейнеру большое оживление. А он сам и не работает практически. Толстых же мюнхенцев он поддел практикой, и это ему удалось. С народной школой справиться неизмеримо труднее, хотя там и очень дельный народ в Versuchsschule.

Был я и в Нюрнберге, но, узнав, что там ничего нового нет, ограничился разговором с одним педагогом и осмотром города. И педагог мне сказал про дисциплину, которая мне кажется чрезмерной, — это так и нужно: ведь берегается время. Это верно, дети медленно, но основательно, все время начеку при непрерывных вопросах учителя, затверживают то, что им надо знать, повторяют и хором, и в одиночку. Но в дисциплине видится цель, это главное, преступление против дисциплины неизмеримо хуже неудачных ответов; это можно ясно проверить, а знания — трудно, поэтому и ухватились. А в библиотеке после школы от четырех до шести часов, куда дети приходят свободно, карандаши на цепочках — и то оборвали, нет ни карандашей, ни цепочек.

Завтра увижу Пабста * и Гаудига *. Здесь в экспериментальных школах процветает гербартовское направление, а потому Лейпциг мало признает Мюнхен...

Продолжаю в Берлине, куда скоростижно приехал из Лейпцига. Пабст болен, а посещение школ дозволяется министерством, а министерство в Дрездене. До свидания. Только купил отчеты за три года лейпцигских народных школ. В Берлине оказалось проще. Сегодня получил без препятствий разрешение. Был в Pestalozzi Friedrich Heim² и пойду туда в четверг. Завтра еду к Б. Отто *, который укажет адрес Гурлитта *. Waldschule³ находится под ведением Шарлот[енбург] магистрата. Еще посещу кое-что, вероятно, по старой привычке

---

¹ «Что американец пробует, то немец делает» (нем.).

² Детский приют имени Песталоцци (нем.).

³ Лесная школа (нем.).

к исправительным заведениям. В Берлине страшно. Народ спешит, глаза на лица испуганные — как бы не задавили, едят наспех, ездят на ста шестидесяти трамвайных линиях, по над- и подземной дороге. Я тоже проехался. Интересно и понятнее трамваев. «Мировой город!» ...

Ваше письмо получил, за Грамотеев* бесконечно рад. Относительно С[ергея] И[вановича] скажу, что перед нами основная дилемма — оставаться по-старому тоже хорошо, и я не соблазняюсь на миллион, тем более что там миллион и забот. «Но» есть, и оно такое: как выдержать напор жизни окружающей нас среды, наших родителей, требующей «доведения до дела»? Кершенштейнер ничего не имел против сам, остальное — социальность и бюргерское воспитание — он пристегнул для салата. Мы же знаем, что такое социальная работа — это наш нерв. Так не лучше ли, не практичнее взять одной из задач доведение до дела, иначе мы теряем всех подростков, которые не могут стать философами, а должны работать. Разве в колонии я не ставлю себе идеалы и практические? Я верю в одно — ищите во всем сути, а остальное приложится. Формы работы не так важны — это я постоянно твержу. Самое важное, как нам организовать и бить сообща в одну точку тараном. И мой идеал — человек-рабочий.

До 9-го в Берлине, а там — Davos.

Ну, еще напишу ...

С. Шацкий

3 февраля 1914 года.

Лейпциг — Берлин

Милая Луиза Карловна, отчего это я у Бертольда Отто мало что понимаю и мало вижу дела? По существу — это разговорная школа, где ребенок «растет в материнском языке, как зерно наливается в растении», по выражению Отто. Он сам умеет ладить с ребятами, но остальные — нет. В одном классе был — читают вслух, в другом — тоже. Видимых принадлежностей работы, хотя бы чернил, что-то не видно. Или меня уже испортили

немцы. Если это дом свободного ребенка с непротивлением злу, то зачем же Б. Отто так подчеркивает высший смысл текущей немецкой жизни — национализм солдат, суды и т. д. Его судилища я не видал, но дети кажутся мне внутренне мало дисциплинированными. Когда у нас была школа, помните, в доме Гирш, то было лучше и дети работали все-таки интересно. Я не думаю, чтобы Отто мог чего-нибудь добиться, ибо его мораль не высока — поддержание текущей жизни. Я, например, не стал бы 2 дня толковать с детьми о сыскном отделении и способах узнавать преступников, системе Бертильона*. И дети говорят: «Verbrecher»¹ — с видом, что так и надо. Остается метод доверия к силам ребенка, самоуправление, причем Отто сравнивает организацию учеников с рейхстагом, а учителей — с Bundesrat'ом², следовательно, стоит на точке зрения взрослых, а не детской. Его познания велики и интересны в языке. Его саги, баллады, Гомер в обработке для детей очень хороши по идее. Я воздержался покупать, думая, что у Вас есть уже. Впрочем, список составлен, и книжки можно выслать после. Самая его большая выдумка — Gesamtunterricht³, на которое всех приглашают. И он ведет хорошо, но вряд ли кому еще удастся из его помощников. А немец из Мюнхена может то же проделать и гораздо стройнее, ибо у него не зазеваешь — так и засыпет вопросами, и ученики, если им scomандовать, вопросов предлагать станут много. Итак, мое основное возражение против Отто — это то, что он слишком вдвигает образцы жизни взрослых в детскую жизнь. Но дети очень свободны, грубоваты (чего от немцев не ждал, особенно больших) и по настроениям очень похожи на наших. Так вот, значит, если узду спустить, то немецкого мальчика нет, а есть мальчик вообще... На двух уроках, где я был, половина баловалась, для чего было монотонное чтение — не знаю. Отто, вероятно, хорошо говорит и пишет, и, вероятно, много. У него много посетителей, что нехорошо. Второе возражение, если бы даже и все были, как Отто, то учение — умственное, работает ум, интеллект. А раз так, то дети всегда должны подыгрываться под взрослого. Мальчики с девочками хо-

---

¹ Преступник (нем.).

² Высший (верховный) совет (нем.).

³ Комплексное обучение (нем.).

роши, свободны, играют охотно вместе. На занятиях часто девочки сидят отдельно и вяжут или шьют и слушают. Вообще в школе много слушают. Я вспоминаю Ecole Ferrer: там дети работали, бедно было инструментами, но обходились. Здесь все стены пусты, и школы, детского места не видно. Убирают сами, кажется. Но какая это уже старина для нас: как будто присутствуешь при разговорах прежних дней и увлечений. Думаю, что на многое не хотят смотреть открытыми глазами. Неужели немец, если ушел от твердых основ порядка, то становится дрябл? Вообще тут я ставлю больше вопросов и недоумеваю, чем выражаю определенное мнение, и что плюс для работы Отто, что сразу не раскусишь. Но хотя и «порядок», а у Кершенштейнера в Versuchsschule было интереснее, там все кипит, и все ясно и толково работают и радуются, хотя задачи ее и очень не широки — только методика, а дети как объект обучения остаются немецкими детьми, но у тех же детей много рабочей радости. Здесь в лучшем случае сосредоточенно слушают, шевелятся умственно, но руки и ноги без дела и поэтому шалят и мешают уму...

С. Шацкий

[Вторая половина февраля 1914 года.]
Берлин

Дорогая Луиза Карловна, с Вами согласиться не могу относительно школы и отдыха. Мое первое возражение такое. Отдых законен и хорош после хорошей работы: не могу же я согласиться с тем, что обычная школа дает хорошую работу, после которой нужно развлечься.

В рабочем смысле школа имеет так много недостатков, что нам нельзя остаться без организации труда, а тем более остаться без лаборатории труда, после которой необходимо организовать «наш отдых». Если бы сказать относительно школы «ныне отпускаешь», то Ваша мысль вполне верна, а это сказать нельзя еще в наших русских условиях. Мои питомцы пишут про тешерешнюю работу в «Сетлементе» — все туманные картины

да рассказы и беседы — работать некогда. Я и ставлю вечернюю работу как работу культурного отдыха, если есть труд. Ставить же дом наш как дом радости, а не жизни я не могу. Это орхидея. И нас не свяжет тесно с жизнью. Конечно, дело другое, как организовать труд и школу. Разумеется, так, чтобы обычной школы не было, разумеется, не по Кершенштейнеру и его практике, где ударились в методы и оппортунизм. Нужно понять свое время и свои условия, к чему идет суть русской нужды. Мое главное возражение против Кершенштейнера — нет воспитательной работы или она формальна и стоит позади учебы. Мое возражение против Б. Отто — нет почвы для воспитательной работы, он книжный человек — и писатель, и психолог; но это очарование. Мое возражение против меня — огромная воспитательная и мало — образовательная работа. Я еще выставляю мой идеал — мозоли на руках и высшая культура... Физический труд необходим для общего образования, и не ручной труд... а обычный житейский — пища, платье, инструменты. Школу я понимаю как школу жизни; какие практические формы она должна принять — это другой вопрос. И теперь я все же вижу по результатам нашей, т. е. бедной, несчастной школы (т. е. нашей сетлементской работы), которая есть тоже школа, что при средствах и организации мы бы достигли очень большого. Моя молодежь, которую я веду, меня поразила такими чудесными письмами, которые выражают их суть, что большего от «учеников» я бы никогда не хотел, и только остается теперь их упорядочить, оформить их замыслы. Они теперь — общественные работники и относятся очень сознательно, и я могу свободно говорить с ними о моих идеях и планах и звать их на напряженную работу над собой, и чувствовать, что они поймут меня, оставаясь нетребовательными и не ища главным образом «пристройки». Это школа неорганизованная и несистематичная и бедная средствами. Не думайте, что я слеп и увлекаюсь. Это я глубоко переживаю и убеждаюсь после больших наблюдений и оглядок. Моя идея идет медленно, и для меня проясняется понемножку, и я должен дать ей чистое выражение; когда же приду окончательно к форме, созрею, тогда это должно быть источником большого влияния, о котором я не забочусь вообще. Для того чтобы заражать, надо самому быть зараженным и иметь ясную

голову и сердце. Это и действует вернее слов. И никогда еще в моей жизни не было, чтобы собственный пламень оставался без отклика. Да это отчасти и видно ...

Все мои мысли не сразу пришли. Теперь я нащупываю лишь формы для них. У меня сейчас перед глазами мой юношеский дневник, который был в чужих руках лет двенадцать. Я читаю там мысли двадцатилетнего мальчика, который уже раскидывал умом про воспитание. «Лучшее средство детского воспитания — это дать проявиться в душе какому-нибудь хорошему чувству, и, смотря по силе этого проявления, останется в душе более или менее глубокий след, память о пережитом чувстве, которое направит волю в ту или другую сторону. Пусть узнают люди про себя, как они могут быть честны, искренни, благородны, доверчивы, просты, ласковы, пусть они запомнят эти движения — и они станут ближе к добру» ...

Школа, школа и школа. Новый склад жизни, новых людей должна дать школа. Поэтому, что должно стать необходимым человеку в жизни, должен дать детский и юношеский возраст. К этому вопросу надо подойти со страшной осторожностью.

Воспитание человека должно быть воспитанием его самостоятельности, и в этом стремлении не нужно оставаться на полдороге. Ново ли это, старо ли, но, думаю, нужно вести учеников так, чтобы они весь труд — и умственный, и физический — выполняли сами. Нужно, чтобы они сами делали открытия, сами составляли свои грамматики, арифметики и геометрии, которые ничего не дали нам в гимназии, кроме диплома и права поступить в университет. Нужно, чтобы уже дети создавали свою жизнь. С этой точки зрения весь метод преподавания должен быть совершенно иной. Теперь я весь захвачен этой работой, и эта ясность, возможность даже для меня осмысленной жизни необыкновенно ободряет меня, и я стряхиваю с себя весь мой гнет недеятельности. Это было за годы до знакомства с Устинычем. Поэтому-то я и могу утверждать, что мое отношение к делу не увлечение, а нечто более длительное и серьезное. И это же заставляет меня верить ему. Вы пишете: «доводить до дела — не наша задача». Надо столкнуться, что считать делом — я считаю таковым хорошую жизненную закваску, а ее без организации труда не устро-

ишь. Если же организован труд, то уже это есть школа трудовая, новая, а не старая; где организован процесс восприятия. Наше дело — это простых людей поставить на ноги, и нужно доводить до этого. Кто же будет эту работу делать за нас? Выражение моей мысли я вижу в деле колонии в полной мере, и по этим делам надо судить меня. Ту же мерку я прилагаю и к Москве. Миллионы меня тоже не прельщают ни капли, но если что созрело в мысли, то надо воспользоваться случаем оформить. И это оформление прежде всего идет для себя, чтобы создать следующий этап работы. Можно потерпеть и фиаско — беда не так уж велика — умнее будем.

Ваш С. Шацкий

[Конец февраля 1914 года.]

Давос

Дорогая Луиза Карловна, загадку* я разгадываю очень просто: С[ергей] И[ванович] не согласился с вами и написал мне свое мнение, которое высказывал при всех, а я принял за мнение кого-то из сотрудников. Он написал длинейшее письмо Тине* и мне, где все выражает свои сомнения. А сомнения такие: я, лично Шацкий, не практик, а горячая и талантливая голова, «борец», не практический осуществитель. Дело наше все в мечтах, — правда, очень интересных, глубоких, но в них не видно, что можно взять для себя. Затем афишировать свою связь с нами страшно перед отцами города, которые убоятся «новшеств». Чувствуется все-таки, что он видит в нас искренность и силу, которые не дадут ему покоя, если отстанет. В письме к Тине он говорит про то, что цели наши вполне ему понятны, но, будя лучшее и не доводя до конца, мы выбрасываем слабых обратно в жизнь. Но кое-что выясняется у него в голове, поднять такой вопрос можно только общими силами, наипаче же нужно, чтобы на помощь пришли и все ваши не только нравственные, но и физические. Еще: «Я смутно чувствую, что, может быть, именно мне суждено дать у нас в Москве фактическое осуществление того, что рисуется в Вашем (моем, то есть) воображении». Законность сом-

нений должна быть при миллионе. Относитесь спокойнее и живите. Я все ему написал на пяти таких листах. Сказал ему, что если у нас случится крах, то все-таки мы продадим дом, есть у нас земля в Пушкине для колонии, а для остального и маленького не бог весть какие расходы. Займемся больше литературой, лекциями, чтениями. Елена Яковлевна не нуждается и т. д. Главное, надо быть вполне искренним и прямо говорить, что думаешь. Отчего бы и не спросить С[ергея] И[вановича], что он думает о нас и как мы можем ему помочь?.. В заключение прибавил ему, что мой план такой — Eine große Fortbildungsschule und eine kleine freie Abteilung¹...

Про Кершенштейнера писал я Вам. Был в детском саду — обыденная картина: на пятьдесят человек две комнаты больших, хорошо обставленных. Сегодня купил книгу «Lehrpläne der Fortbildungsschule»² с фотографиями. Думаю ознакомиться и потом уже смотреть эту колоссальную штуку. Тут мне советуют посмотреть лейпцигские Versuchsklassen³, говорят, лучше здешних. Сам Кершенштейнер, мол, не практик, а там Oberschulrat — Gaudig⁴ — замечательная личность. Вы напишите мне, какие книги по Arbeitsschule есть у Вас, тогда я стану свободнее покупать ...

Ваш С. Шацкий

[Март — апрель 1914 года.]

Итальянская Ривьера, Оспедалетти

... Теперь о работе. Сразу всего не скажешь, ибо без сотрудников ничего нельзя сделать, и надо, чтобы все было и их мыслями, тогда работать весело будет. Тянуть на свою идею мне бы не хотелось. Самое важное есть, положим. Вы пишете, что «труд серьезный и целесообразный, понятный детям, должен лечь в основание работы, все чувствуют потребность в этом». Это радостно.

---

¹ Большая школа повышенного типа и маленький свободный филиал (нем.).

² «Учебные планы повышенной школы» (нем.).

³ Опытные классы (нем.).

⁴ Главный инспектор училищ — Гаудиг (нем.).

По-моему, это действительно так, и раз все чувствуют необходимость, то можно не трудиться доказывать. С этой мыслью у меня связаны самые глубокие идеи. И, смею думать, они и новы, и смелы. Но не утопичны, ибо осуществление работы, труда у нас будет понятно всем простым людям, всем родителям, всем детям. То-то и дело — в понятном для всех найти глубину. А суть дела такая — выработать практически свой взгляд на природу настоящего, жизненного общего образования и воспитания детей. Общее образование, даваемое школой, слишком формально, и только для формального развития ума. А должна же быть общая, важная для всех жизненная подготовка в общем, общее воспитание, цикл идей, чувств, привычек, обычаев, навыков и т. д., которыми можно наполнить жизнь детскую. Я зря сказал подготовка. Новая — не подготовка, а жизнь сейчас же для детей — вот что мы должны организовать!

Проведение я представляю себе так. Мы организуем мастерские — чем больше, тем лучше, чтобы труд был разнообразен. Нужно писать, какие? Швейную для мальчиков и девочек, сапожную для мальчиков и девочек, столярную, жестяного дела, кухню... ткацкую, глиняную, переплетную. Эти мастерские не страшны и не новы, ибо у нас они уже были и их вводил Устиныч — это его же план! Главная практическая цель — делать вещи для своего же дома и для себя. Мастерские имеют все общее и обязательное рисование и технологию. Рядом с центральными мастерскими идут художественные работы по каждому мастерству — совершенно свободные, клубные работы. В мастерские привлекаются все дети, т. е. постепенно создается такой обычай, что мастерская есть основа. Благодаря характеру работы для себя определяется программа мастерской, имеющая целью не подготовить мастера, а приохотить к трудовому напряжению своей энергии. Жизненны ли такие мастерские? Всякое дело жизненно, поскольку имеет связи и корни. Я указываю на следующие корни: сознание, даже детское. Спросите на выбор, что лучше: игры, танцы и представления или мастерские; жизнь скажет — второе. Мы же должны сказать — мастерские, сопряженные с нашим же отдыхом и постепенным подходом к ним. Я думаю, курс в мастерской надо разделить на несколько маленьких, последовательных курсов с небольшими за-

дачами, почти самостоятельными. По месяцу, что ли, на каждый. Это не для того, чтобы не надоело, а потому, что осуществление быстрее—самое подходящее для детей дело. Например, юбка и кофта и передник; белый хлеб, черный хлеб; сапоги для себя и т. д. Эткими маленькими циклами. Мастерские основного типа должны быть днем. Вечером же в них делаются клубные работы, уже знакомые нам, свободного типа. Каждая мастерская сопровождается технологией, знакомством с материалом и рисованием. Это еще, пожалуй, более даже важно, чем техника,—освещение труда. И этой стороной труд соприкасается с библиотекой, которая должна быть оборудована справочниками и техническими книжками. Другое соприкосновение мастерских основных с общей жизнью дома * — через искусство. По моей мысли, вещи не должны быть обычными житейски грубыми вещами, а вместе с украшением, орнаментом, раскраской и т. д. Материал для этого должно дать русское искусство. Пособия для этого — книги, иллюстрации — должны быть в библиотеке, ими должны быть увешаны стены. Кроме того, для участников мастерских мы организуем и отдых, пение, игры, представления, вводим их и в клубную жизнь, опять-таки в знакомой нам форме. Наши мастерские устраивают выставки в доме для наших же детей, которые вводят и другую детвору в курс работ. Прибавлю, что в содержание работ мастерских входят и работы по дому. Итак, работы для нашего, или детского, дома и для семьи, художественная, русская — вот что мне рисуется в мастерской. Остальные элементы у нас есть, и связать всю детвору в организм нам нетрудно.

Относительно внутренней стороны обучения я не спорю, путем обсуждения и критики можно найти подходящие формы; но надо понять и основу — приучение к труду, к трудовому напряжению, к радости сделанной и нужной вещи. Это не специализация, которая вредна в детском возрасте, а путь к трудовому призванию. И понятно, я стою за деловой, основательный строй в мастерской, за строгость и возможное доведение до конца. Работа не шутка.

Следующая ступень мастерской — для тех, кто уже нашел место и желал бы продвинуться дальше. У этих и курсы растянуты, и задачи сложные. Они принимают участие и в хозяйстве мастерской, и могут помогать ру-

ководителю. У них является общность интересов, они держатся за свое дело, как за специальный их интерес. И мы их поощряем: она на пути к «призванию». Во всем, что я говорю, надо понять конечную цель общеобразовательного труда, а не специального, тогда с вопросами практики будет легче. Для начала важно сделать вещь возможно хорошо и употребить ее в дело. Воду носят в моем ведре — это самое главное сознание.

Вот и все. Дальнейшее думаю отспорить, потому что мысли идут очень глубоко, и надо попробовать сначала полегче. Словом, надо добиться настроения колонии, хотя приблизительного, в кругу детей, понимающих связь и зависимость и необходимость работы у нас. В колонии я замечал всегда, не один раз, что параллельно с направленностью трудовой жизни поднимается и общественное настроение, и живость, и взаимность, и пение, и веселье. И легко тогда бывает. Что же из того, если дети и взрослые время проводят при огромном напряжении сил — складно, а за спиной стоит у всех общий вопрос: «А работа-то где, ведь надо бы!» Я ничего не критикую из того, что есть теперь у нас в доме, я страшно рад, что наше дело крепко настолько, что даже нет ежедневного жандарма, и влиятельного, и любимого, и авторитетного, и единственного, без которого «не знаем, как быть», [без которого] не развалилось, а если и развалилось, что было налажено, то на развалинах зацвела новая жизнь. Это очень славно, очень радостно за суть работы. И это все-таки поддерживает меня здесь, в моем вынужденном бездействии, когда остается только «жировать», да лапу сосать.

Все это хорошо, и правильно требовать от меня проектов, но как, какими средствами это осуществится, до сих пор не ясно. Предложения, сделанные С[ергеем] И[вановичем], вызывают сомнения в Москве, а следовательно, и у меня, так как я из семьи товарищей ни на шаг. Ведь мы можем и отказаться от рога изобилия, и будем поддерживать *status quo ante*¹. А при таких условиях я никаких проектов не делаю, и думаю, хорошо то, что удалось. Удалось Устинычу, вали, как Устиныч. И я с вами, и я тоже, потому что лучше пить из маленького стаканчика, но своего. Вы знаете, я ни капли не отдохнул, а

---

¹ Существующее положение вещей (лат.).

прямо со всеми этими переговорами и письмами истерзался, а кроме того, вынужденное безделье: писать — не такое дело для меня, и ум свой трясти по горам — раз хорошо, два хорошо, но не вечно же. По приезде же в Москву предчувствую большие бури.

То, что Вы пишете о мальчиках *, справедливо, и я не идеализирую их. Я писал им, что, для того чтобы идти со мной, надо очень много работать. Но мне радостны их вера и желание. Я не был таким в их годы. Мне все-таки они больше знакомы, чем Вам. А молодость, и неразумность, и лень — это очень связано вместе с эгоизмом. Но факты их работы с маленькими, несмотря на большие лишения и неприятности, Вы не отрицаете? Отчего и есть зацепка. Я радуюсь случаю поймать, зацепить, сама возможность получить помощников из самого же дела очень заманчива...

Ваш
С. Шацкий

[Март — апрель 1914 года.]
Итальянская Ривьера, Оспедалетти

Дорогая Луиза Карловна, всеми правдами и неправдами, но книжку нашу о колонии * мы кончили. Вышло 10—11 печатных листов, а с фотографиями выйдет 12. Я сделал кое-какие шаги к тому, чтобы перевести ее на французский язык, тем более что недавно Ferrigere в Institut J. J. Rousseau в лекции говорил о «Сетлементе» и роздал ученикам темы, и одна была тоже о нем. Взятась за эту тему Боткина, которая очень заинтересована. Она уже толковала с prof. Bovet, директором института, и если все окажется в порядке, то она хочет напечатать перевод в серии книг, изданных институтом. Институт сейчас работает в компании с Descoly. Вчера я был лично у Ferrigere, который мне понравился. Живет он в своем новом Chalet среди гор с чудным ландшафтом, так что я сказал ему: «Какое хорошее место для сотворения идей». Я рассказал ему все, и он был поражен. Он работал у Lietz'a *, не знаю, сколько времени, и вынес оттуда хорошее впечатление. Я все-таки показал ему, что наши

идеи не ниже литцевских, и, в конце концов, он объявил мне, провожая меня по горе (я просидел у него три часа), что из всех людей, с мыслями которых он знаком, наши больше всего подходят к его идеалам. Он рекомендовал мне несколько книг, которые я хочу купить в Париже... Завтра утром едем в Париж, где ... я посмотрю Фора и Монтессориевскую школу. По поводу «методов» пришлось с Ferrigie поспорить — я высказался против механических методов, хотя бы и по всем правилам науки. У него же биогенетический взгляд на воспитание, и, как француз, без плеточек обойтись не может. После Парижа, где мы будем пять дней жить в пансионе, поедем в Брюссель к Desgoly, пробудем два дня и в Берлине, где надо купить книжек, сходить в Zentrale für Jung-Fürsorge¹, быть может, к Б. Отто, которого Ferrigie назвал «любителем», несерьезным и анархистом... Мы приедем 26 апреля русского стиля, границу пересекать надо 25-го... Итак, остается странствий 12 дней. И увидимся...

Поклоны

С. Шацкий

[14—15 апреля 1914 года.]

Кларан

---

¹ Центральное попечительство о юношестве (нем.).

ПИСЬМА 1926 — 1933 годов

Н. К. КРУПСКОЙ

Дорогая Надежда Константиновна!

Возвращаю Вам третий год программы *, средактированный по Вашим замечаниям. Я прошу Вас уже не давать новых замечаний, а просто дать окончательную редакцию и пустить в печать.

Вариант четвертого года у меня складывается так:

1. Прошлое. За все годы у нас ничего почти нет о прошлом. А между прочим, в нашей схеме они намечены для четвертого года в виде «картин прошлого человечества».

Здесь надо дать понятие о том, что все изменяется и изменялось. Начнем с поверхности Земли теперь и раньше. Работа солнца, воды, ветра. Горы и равнины.

Изменения, происходящие от деятельности человека,— замена диких культурными растениями, выведение пород домашних животных. Площади под пашню. Уничтожение диких животных.

Труд первобытного человека. Современные малокультурные племена. Как думали раньше о человеке и что знают теперь о Земле, Солнце, Луне, звездах, ветре, дожде. Что знают теперь. (Коперник, Галилей.) Глобус. Путешествия. Открытие новых земель. Порабощение стран и народов. Открытия и изобретения (самые важные). Захват власти в прежние времена. Господа и рабы. Войны.

Естественнонаучный материал связывается с ростом человеческих знаний. Динамические явления на Земле. Эволюция животных и человека. С открытиями и изобретениями — то, что можно дать детям из области «занимательной» физики и химии.

2. Октябрьская революция как более конкретное понимание борьбы против угнетателей.

3. Наша страна и другие страны.

4. Первое мая и заключительные темы школы, как это раньше намечалось.

Эпштейн вернулся. Он предлагает напечатать третий год, как только будет возможно, а четвертый разослать на отзыв мест как проект, мотивируя тем, что введение его должно, по постановлению Коллегии КП, быть в 26—27 году, и еще потому, что очень мало проработанного местного материала. Я не возражаю.

Два месяца я боролся за Опытную станцию. И только в самом конце, добившись свидания (через тов. Ленгника * с тов. Лежавой *), смог выяснить все существо нашей работы. Вопрос о сокращении сети Оп[ытных] стан[ций] был вторично рассмотрен в Малом Совнаркоме и решен благоприятно.

Но это не все. Сеть восстановлена, но штаты были даны по сокращенной сети, поэтому приходится еще тратить силы на то, что, казалось бы, вполне очевидно. Никогда еще я не проводил так скверно лета. Два месяца ожиданий, тревоги, новых знакомств, объяснений. Два месяца никакой органической работы, а ощущение зря расходуемых сил. И теперь мне все противно. Одержав победу, чувствую упадок сил и отсутствие работоспособности. Какая еще дурацкая штука — наше строительство. Сколько еще противоречий! Поэтому хочу на месяц удрать от людей на море. Хотя дел много и надо начинать год. Но иначе если не уехать, то, пожалуй, года не проведешь.

То, что Вы написали для третьей книжки, мне понравилось. Книжка печатается. Теперь идет вопрос о четвертой. И я очень хотел бы обдумать план ее вместе с Вами. Как Вы на этот счет?

Посылаю Вам и последнюю разработку программ МОНО. Пожалуйста, напишите Ваши замечания. Ибо МОНО и его работа все же очень ответственны. Там есть

много интересного, но есть и отсебятина. Третий год — без города, а четвертый изумительно перегружен, по моему. Как будет складываться работа этого года? Я надеюсь, что вы, прикоснувшись земли, найдете у себя еще новые мысли и силы. Я озабочен такими вещами:

1. Ввиду очень опасного момента перехода школы на слишком «здоровые» рельсы, нам надо укрепить позиции. Как?

а) дать методические руководства для учителей по всем темам программы;

б) дать пособия для школы. Здесь, по-видимому, надо бить в тарелки, ибо за пособия взялся Госиздат, и что он будет делать, неизвестно. Я думаю, что надо идти по стопам Главполитпросвета, который вырабатывает и продает пособия сам. Это правильно. Ассигнованы крупные суммы на них, и думаю, что на них можно сделать настоящее дело;

с) книги, авторы, задания и т. д. — широкой волной;

д) конкретные задания методических разработок методистам крупнейших центров;

е) опытная работа и иностранная практика.

Вообще надо быть практичными и уметь быть такими.

Год исключительно боевой и ответственный.

Что касается до меня, то необходимо мне поближе подойти к педагогической практике и отойти от типа «государственного деятеля», который превращается в чиновника. Для ближайшего будущего надо разработать кучу жизненных вопросов. А как я буду это делать, тратя такое громадное количество времени на «кабинет» в центре?

Вы не думайте, что я отвиливаю. Напротив, я скорблю, что как-то не могу найти достаточно сил. Мне кажется, что я вроде как ленюсь. Вот отдохну, заработаю.

В окончательном виде взаимоотношения между ГУСом и Соцвосом * мне рисуются так:

1. Члены ГУСа (которых надо отсеять) участвуют в методических комиссиях Соцвоста и, если найдут что неподходящим, передают на совещание в ГУС. Таким образом, осуществляется руководство весьма деловым способом.

2. Те, вопросы, которые еще не могут иметь массового применения, но должны быть поставлены, разрабатываются в специальных комиссиях ГУСа...

С товарищеским приветом
С. Шацкий

[1926 год.]

Дорогая Надежда Константиновна!

Я считаю необходимым Вам сказать, что дела Наркомпроса, и в частности Соцвоса, надо лечить экстренными мерами. Не хватает авторитета. Пока он будет приобретен внутренними средствами, надо снабдить внешними. Поэтому нужно, чтобы Ваше имя встало во главе Соцвоса, а затем начнется работа вокруг...

Вам работы будет немного, но важно ее направить по соответствующему руслу. При таком условии я буду верным союзником. Иначе отойду, чтобы не терять сил попусту. Это мое твердое убеждение после того, как я взгляделся во внутреннюю жизнь Наркомпроса.

Найдите силы для этого шага. Он важен.

Ваш *С. Шацкий*

Много народу приветствует этот шаг.

[Август 1926 года.]

Дорогая Надежда Константиновна!

Я думаю, Вы поймете, почему я посылаю Вам и заметку в № 42 «Вечерней Москвы» с гнуснейшим оскорблением меня, и мое письмо в редакцию *. Дело спешное и для меня в высшей степени тяжелое.

Как Вы думаете?

Я считаю, что оставить без внимания нельзя. Ведь я не только Шацкий, а и Ваш ближайший товарищ по работе, и работе как раз идеологической. К тому же и член президиума ГУСа.

Но хочу Вашего совета. Пожалуйста, завтра мне скажите, правильно ли я поступаю?

В 12.30 будет заседание — там я Вас увижу.

Воображаю злорадство как раз тех кругов, о которых говорится в газете.

С. Шацкий

[21 февраля 1929 года.]

Надежде Константиновне Крупской

Дорогая Надежда Константиновна!

... Два слова о моей предполагаемой работе в Н[аучно]-исслед[овательском] институте при 2 МГУ ...

Если мне идти, то с двумя задачами:

- 1) приблизить институт к практике, к решению теоретических проблем, связанных с «переделкой» мира, и
- 2) очистить работу от жреческой установки, от высокопарности quasi научной и от всякого примиренчества.

Эту важнейшую задачу можно было бы выполнять при Вашем содействии; о ряде основных вопросов я считаю необходимым держать с Вами совет. Иначе будет ерунда; и сплетется еще одна новая легенда о правом уклоне Шацкого.

Меня тревожит вопрос о своем деле — создания нового типа работы в городе и деревне. Но на нее нужны новые силы. И, конечно, силы в том числе и научные.

С работниками — коммунистами института — я должен основательно договориться. Быть может, Вы согласились бы принять участие в таком предварительном разговоре.

Я считаю неправильным пускать плавать группу товарищей, ее изолировать и заранее поставить в ложное положение. Это независимо от того, буду я там или нет.

Если вы думаете, что я для такой роли неподходящ, то, конечно, дружески мне это скажете.

С. Ш.

[31 января 1930 года.]

В. Н. ШАЦКОЙ

Дорогая Тиночка!

... Еду я на конгресс «единства» в педагогический среде, конгресс, где будут всякие союзы, и реформистские в том числе. Необходимо собрать эту разнородную публику на приемлемой платформе, соблюдая заграничную вежливость и дипломатию. Как это выйдет, не знаю. Мне поручен доклад «Школа, фашизм и война», т. е. не доклад, а выступление; понятно, солидное.

План у меня такой:

1. Причины империалистической войны 14—18-го года, капиталистические противоречия и их разрешение Версальским миром.

2. Версальский мир как заноза в теле наций. Нарастание фашистского движения. Это «новое» все больше и больше мир превращает в войну. Кризис. Рост противоречий. Новая война.

3. Новая война, наиболее свирепая. Ее разрушительные средства. Развал капиталистической системы.

4. Что делала капиталистическая школа до первой войны, после нее — в подготовке новой войны. Культура фашизма — религия, национализм, диктатура крупнейшего капитала, военная организация школы, наука и дисциплина. Роль учителя. Такая школа подготавливает повсюду новых разрушителей культуры, новую войну.

5. Наша система, наша школа.

Сопоставления — «мы» и «они».

Наша программа, учебники, методы, их основные тенденции.

Количество и качество в нашей школе. Коммунистическое воспитание как оплот действительного мира. Наша культура — в чем она заключается.

6. Борьба против войны — это значит бороться за наш тип школы, наш тип воспитания. Строительство социализма, построение коммунистического общества — гарантия против всех войн. Вместе с капитализмом отмирают и всякие войны.

7. Призывы и т. д.

Этот план будет обсужден в Париже и напишутся тезисы.

В общем чрезвычайно ответственная вещь...

Станислав

[Август 1933 года.]

Дорогая Тиночка, путь мой был таков: на аэроплане в Берлин, через Латвию, Литву, до Кенигсберга, где снизили аэроплан, оттуда через Данциг в Берлин. Ты знаешь, как я люблю ехать аэропланом. Это удовольствие было и теперь — совершенно не качало, виды сверху замечательные: от Москвы до самой границы (Великие Луки) летели над разорванными облаками, сквозь которые большими кусками просвечивала земля. Народу было мало — всего четыре человека. Аэроплан же десятиместный.

Граница наша сразу стала ощутительной, когда мы полетели над заграницей: уже Латвия и Литва вся покрыта хуторами и помещичьими усадьбами, что сверху ясно видно. Но в Германии эти усадьбы и усадебки чрезвычайно четко окружены зеленой лентой забора, так что вся местность усеяна чрезвычайно густо зелеными кругами, внутри которых крохотные усадьбы-делянки...

В Париж мы приехали часов в 10 вечера. Нас ждали и препроводили на конгресс. Народу там было человек сто пятьдесят. Приветствовали нас пением и аплодисментами. На следующий день мы опять были там с утра и до вечера. Я написал свой доклад, его перевели на французский язык, и я его читал по-французски с одновременным переводом на английский язык. Народ уже спешил. Я говорил около часу. Накануне было совещание по поводу резолюции. В нее был вставлен (не нами)

пункт о СССР; по отношению к народному образованию приводилось несколько цифр — все очень скромно. Запротестовали англичане: это, мол, производит впечатление «пропаганды» на английских товарищей. Мы предложили изменить формулировки. Наконец, решили, что англичане сами обсудят вопрос и сами найдут формулировку приемлемую. К удивлению, они это сделали очень хорошо, и все обошлось. Разъехались очень удовлетворенными. Ну вот, пока. Сейчас еду на другой конгресс в Реймс. Напишу еще. До сих пор не было времени с утра до вечера.

Приеду, вероятно, к 15 августа.

Станислав

[Август 1933 года.]

Дорогая Тиночка, времени почти не было пока — с утра до вечера работа, большая жара и усталость. Дела неважные ...

Среди многочисленных конгрессов, фракций, синдикатов и групп наблюдаются огромная мелочность, господство радикальной фразы, жажда политического капитала и беспринципность. Обстановка очень отличается от нашей, которая хотя и страдает беспорядочностью и неорганизованностью и громадной тратой времени (здесь, впрочем, тратят не меньше и болтовни неизмеримо больше), но зато чистая и принципиальная. Внешний вид адвокатов, людей красивого жеста, слова и успеха личного. Есть, конечно, и серьезные люди, но они тонут. Это все вожди. Самая же масса учительская мало образована и себя мало проявляет, хотя горячая и возбуждающаяся. Обо всем этом скажу подробно потом.

Теперь кое-что о Париже. Ночью как-то группа местных товарищей взялась показать Париж «в огне». На автомобиле мы объехали ряд кварталов; наиболее оживленные — Монпарнас, Монмартр, бульвары; действительно, ночью народу движется больше, чем днем: и люди, и машины в некоторых местах запружают улицы. Эйфелева башня снята для рекламы Ситроеном (автофирма). Она вся освещена перемежающимися огнями. Есть и часы из электрических лампочек. Зашли в один дансинг, где исключительно сидят и танцуют апаши и проститутки.

Отвратительно и гнусно невероятно. С внешней стороны освещение всяких увеселительных заведений блестяще. Но все вместе — гнусно и тошно. Какая простая, скромная и своя наша Москва и как мало приемлем этот мир! И в то же время сейчас стачка с баррикадами, убитыми и ранеными в Страсбурге.

Приехал на один из конгрессов в Реймс. По дороге — хорошие, насаженные леса, осушенные болота, хорошие поля. Их все еще убирают. Мы проезжали по полям бывших сражений. Следов не видно никаких, лишь кое-где развалины одинокого дома. Говорили мне, что Реймс был весь разрушен и восстановлен на немецкие деньги. Действительно, он весь новенький; огромный вокзал на небольшой сравнительно город (120 тысяч жителей), в котором много даже одноэтажных домов. Собор еще не восстановлен, внутри выгорел — только одни стены и сохранившийся фасад. Вблизи Верден, который из себя представляет памятник войны с оставшимися фортами, бастионами и траншеями. До этого я их видал, мне показывали картинки...

Доклад я сделал в виде распространенного приветствия. Говорил на этот раз по-русски с переводчиком. Думаю, что это неправильно: лучше сначала перевести, а потом читать.

Сегодня иду по рекомендации посольства в министерство народного просвещения [договориться] о книгах и пособиях. Денег страшно мало. Доллар упал — купить придется кое-что. Ничего еще не осмотрел в Париже. Помещаюсь в отеле — пансионе против Коюни. Париж все так же широк, красив, оживлен и приятнее Берлина.

По-французски начал более или менее свободно говорить.

Скоро, думаю 10—11, выезжаю обратно. И, вероятно, попаду в Форос.

Станислав

[Август 1933 года.]

ПРИЛОЖЕНИЯ

О ПОЛИТЕХНИЗМЕ

Слово «политехнизм» состоит из двух: «поли» — много, «технизм» — техника. Первое значение слова — «много техники», значит, все разнообразие техники должны мы изучать.

Почему не «монотехнизм»? Почему не одно какое-нибудь дело хорошо изучить? Здесь мы подходим к современности: «Мы строим социализм, мы должны уметь составить общий план работы для всех. Поэтому каждый должен быть озабочен общим планом, выполнением общей работы. Если мы будем смотреть так: «Мне поручено одно дело, я его хорошо выполнил, а до остального мне дела нет», — общая работа от этого не двинется. Мало того, это будет во вред общей работе.

Пример: если крестьянин может [обеспечить] только себя и не будет требовать пайка от государства, это не будет помощь государству, а, может быть, даже во вред ему, так как, чуть крестьянин сможет стать на ноги, он уже думает: «А нельзя ли поэксплуатировать другого?» Он уже начинает отстаивать порядок, который даст ему возможность пробраться в кулаки и будет способствовать закреплению создавшегося положения. То же и со специалистами и другими. Каждый вопрос имеет политическое значение.

Нужно дать всем общее образование, помогающее разбираться в общем плане, участвовать в общем социалистическом строительстве, находить везде наши старые ошибки, помогать в этом нашим товарищам; может быть, где-нибудь на Урале исправлять их, улучшать производство, достигнуть высокой техники, повысив ее в 20—30 раз.

Наша техника очень низка, не организована по-новому. У нас нет понимания нашей культурной работы, политехнического значения грамоты.

Без этого мы не сможем достигнуть своих целей.

Мы учителя-социалисты и должны дело поставить так, чтобы это везде чувствовалось.

Слитность, плановость, расширение горизонта должны быть даны нашим ребятам и поняты нами самими. Нужно понять зависимость различных производств друг от друга и связь между ними.

Старая жизнь и старая школа не замечали этих связей. Мы еще не умели их понять и передать. Отсюда у нас неудовлетворенность

работой: мы не работаем по-новому. То, что было хорошо три года назад, плохо теперь. Чтобы понять все по-новому, нужно упорно учиться, работать и учиться.

Нужно деревне перейти к новым формам хозяйства, к новой технике.

У нас в Угодско-Заводском районе 5 миллионов дохода на 25 тысяч населения. На каждого человека в год приходится 200 рублей, могущие обеспечить скверную жизнь.

Нужно поднять доход до 500 рублей, выше 500, но для этого необходимо повести деревню к социализму, а не дать ей идти своим путем.

Но на пути к социализму много тормозов, и одним из них являемся мы, потому что мы не можем передать другим того, что знаем, а может быть, и не знаем всего, что нам нужно знать.

Что нам делать?

Участвовать в социалистическом строительстве и в политической борьбе и ребят вести к тому же. Вести деревню к новой, социалистической технике.

Мы должны перед ребятами ставить следующую задачу: повышение уровня техники.

Для этого необходимо обогащение школы техническими пособиями. Сюда нужно отнести все имеющиеся в районе школы технические установки: швейные машины, кузницы, мельницы, железные дороги и другие. Нужно ставить вопрос об обогащении деревни новыми машинами, об организации мастерской, о доставке сырья к ним.

При изучении самой машины — вопрос о круговом движении, может быть, передаче и прочем. При изучении кузницы нужно вскрыть все основные процессы, дать понятие о горении (уголь, кислород, углекислый газ), устройстве мехов, размягчении железа от нагревания и прочем. Нужно дать связь между различными видами двигателей: как работает швейная машина, как работает паровоз, электромотор и др.

Политехнизм — оживление интереса к технике, понимание всех окружающих нас производств. Вокруг наших деревенских школ много пособий, но мы их не используем, мы не умеем их использовать.

ШКОЛА И ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ

Перевыборы сельсоветов являются главнейшим узловым пунктом деревенской общественной жизни. Оценивается работа прошлого года, составляются наказы на будущий год, выдвигаются кандидаты на руководство общественной жизнью. Чрезвычайно острый момент — выявление чуждых людей, лишение права голоса. Словом, вся деревенская политика, со всей ее сложностью, с соотношениями разных классовых группировок, приходит в сильное движение и обнаруживает свои положительные и отрицательные стороны. Разыгрывается настоящий бой «за» и «против» Советской власти, и по его результатам мы можем с большой отчетливостью судить о политическом и организационном росте деревни.

Чем полнее, чем шире проникнет в толщу деревни все то, что мы связываем с перевыборами сельсоветов, чем ближе мы подойдем к каждому двору, к каждой деревенской организации, чем больше народу будет втянуто в эту важнейшую общественную работу, тем плодотворнее скажутся ее результаты на весь последующий год работы. Деревня получает сильную встряску, сильный толчок, толчок мощный, имеющий опромное значение для ее продвижения вперед. Если процесс перевыборов пройдет удачно, всколыхнет деревенскую массу, тверже проложит основную линию организации деревенской жизни на целый год, то мы поймем, какое серьезное общественно-воспитательное значение он имеет для всех своих участников.

В полосе социалистического строительства мы должны усиленно работать над социалистическим воспитанием, а социалистическое воспитание может осуществляться только тогда, когда организовано участие того, кого мы хотим воспитывать — все равно детей или взрослых — в социалистическом строительстве нашей общественной жизни. С этой точки зрения перевыборы сельсоветов имеют, бесспорно, огромное значение. Перевыборы собирают деревенский актив для новой полосы социалистического строительства. Вопросы плана, массового вовлечения в секционную работу, классовый борьбы и соотношения классовых сил, новой техники, культурно-бытовых форм, новых организационных форм хозяйства, участия женщин, молодежи в общественной работе — все это своего рода воспитательные рычаги, воспитательные средства, делающие свое большое дело.

Школа, ставящая перед собой задачу социалистического воспитания, имеет в перевыборах великолепную возможность подвести близко детей к участию в современном социалистическом строительстве.

Включение живой детской массы в общественный механизм перевыборов придает ей большую подвижность, свежесть, гибкость и красочность. Такие простые вещи, как разноска повесток по домам, агитационные отряды, сани, пьески, выступления на собраниях, составление детских наказов, завоевание для школьной детворы почетного места в общественной жизни, не могут не вносить большого подъема и в самую гущу детской жизни.

Без сомнения, элемент подъема, связанный с общественным делом, чрезвычайно важное воспитательное средство. В перевыборах, особенно энергично проводимых, таким образом, мы имеем полную возможность соединить сильный интерес, глубокую эмоцию с моментом, весьма серьезным, социалистического строительства.

Особенно теперь, когда перед деревней во всю высоту стал вопрос о коллективизации, когда она стихийно вовлекается в колоссальное народное массовое движение, когда проблема старого и нового особенно остро ставится перед каждым гражданином — большим и малым, — особенно теперь надо не упустить богатейшие возможности укрепить в детях сильные ростки социалистического воспитания. Теперь это сделать неизмеримо легче, чем раньше. Теперь деревня сдвинулась с векового фундамента и, как говорится, пошла вперед. И не остановится. И поэтому теперь социалистическое воспитание уже не мечта, уже не нечто желаемое, а реально существующее. Надо только помнить, что людей переизбирают теперь для социалистической работы, для колхозной деревни, для того, чтобы легче было объединить в общих усилиях единичные, разбросанные жизни людей, задавленных старыми формами мещанской, мелкособственнической жизни.

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Последние высказывания В. И. Ленина конца 1922 и начала 1923 года были посвящены, как известно, вопросам реорганизации государственного аппарата, кооперации и культурной революции. В начале «Страничек из дневника» он приводит таблицу грамотности населения России за 1897 и 1920 годы, общий вывод которой таков:

на 1000 всего населения грамотных в 1897 году было 223, а в 1920 году — 319*.

«Это, — говорит Владимир Ильич, — служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня...

Делается очень немало для того, чтобы сдвинуть с места старое учительство, чтобы привлечь его к новым задачам, заинтересовать его новой постановкой вопросов педагогики, заинтересовать в таких вопросах, как вопрос религиозный.

Но мы не делаем главного. Мы не заботимся или далеко недостаточно заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре: ни о пролетарской, ни даже о буржуазной»*.

А между тем «...нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас; нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу, культурности, а скажу грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас»*.

Статья «О кооперации» у Владимира Ильича кончается такими словами:

«Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим.

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» *.

Десять лет с небольшим прошло после этих слов Ильича.

Уже в 1930 году мы имели 626 грамотных на 1000 населения, а в 1933 году у нас осталось всего 90 человек неграмотных на 1000...

Теперь, на шестнадцатом году пролетарской революции, мы преодолели под непосредственным руководством Ленинского ЦК ВКП(б) значительную часть тех «невероятных» трудностей, о которых говорил Владимир Ильич.

Было бы важно, хотя бы в самых общих чертах, проследить путь развития нашей общеобразовательной школы, этого «решающего» звена в деле культурной революции, за шестнадцать лет ее работы. Прежде всего, какое наследство получил пролетариат в области общеобразовательной школы?

Вот что говорили передовые педагоги в 1914 году о земской школе:

«Учат в школах по-старому, без достаточной подготовки и навыков, схоластика заедает по-прежнему школу, учащиеся быстро забывают по окончании все, чему их учили, здания остаются без присмотра, учитель является гораздо более, чем прежде, лишь гостем в деревне, экзамены своей нелепостью поражают каждого свежего человека и мертвят порывы молодых учительских сил...

...При таких условиях количественный рост теряет свой смысл и значение... Получается главным образом улучшение статистических данных. Строят, например, земства прекрасные школьные здания, а преподавание в этих зданиях ведется по правилам педагогики средних веков. Основывают земства народные библиотеки, а книжки в последних во многих случаях спокойно лежат на полках, так как или некому пустить их в ход, или же выбор их оказался неудачным.

Приглашают земства учительниц с полным гимназическим образованием и оставляют их с первых же шагов без помощи и руководителя...

Таких примеров можно привести десятки...

Если в таком положении находятся те мероприятия, которые уже существуют и которые давно уже были предметом земских забот, то легко себе представить, какая участь может ждать разные проекты и новые начинания; *они останутся на бумаге*, если земства не примут энергичных мер к тому, чтобы устранить указанный кризис» *.

Весьма характерным является письмо одного учителя, помещенное в «Бюллетене литературы и жизни» за 1917 год, в котором он так оценивает направление работы в начальной школе:

«Если мы познакомимся с программой начальной школы и ее многочисленными учебниками, т. е. с теми рамками, в которые втиснута и которыми ограничена школьная деятельность, то увидим, что последняя не может оказывать никакого влияния на проведение в народ тех крайне полезных производительных знаний, в которых так нуждаются забитые бедностью темные массы сельского населения.

Вот почему школа все свои средства, всю энергию, всю изобретательность употребляет не на то, что может поднять нравственный и культурный уровень народа, а на изучение орфографии» *.

Так оценивали передовые круги учительства качественную сторону работы дореволюционных школ.

В высшей степени интересны данные по типам начальных и средних школ в царской России, как они сложились ко времени революции *.

На 1 января 1915 года всего было:

начальных школ	учителей	мальчиков	девочек	всего учащихся
В городах 9 006	26 738	565 057	466 238	1 031 295
В селениях 71 795	119 294	3 341 614	1 569 137	4 910 751
Итого . . . 80 801	146 032	3 906 671	2 035 375	5 942 046

В это количество начальных школ входило около тридцати разнообразных типов, представлявших огромные различия и по контингентам, и по задачам, по способам подчинения и управления, по программам и, конечно, по результатам.

Отдельно стояли школы церковноприходские (около 40 000) и других ведомств, школы национальные и религиозные. Их подсчет не так прост. В общем можно их наметить по начальной школе вместе с церковноприходскими, школами разных ведомств, национальными и религиозными не менее 50 типов; по средней школе министерства народного просвещения — 32 типа, а по специальным школам всех ведомств — 36 типов. Число этих типов постоянно изменялось и в общем неизменно из года в год возрастало. Пестроту увеличивало в известной степени наличие частных и общественных школ. Лучшими считались городские школы крупных центров и коммерческие училища министерства финансов. Так обстояло дело с «системой» народного образования в царские времена. Ее характерными чертами были раздробленность и полный хаос. Так же расплыено и дифференцировано было и учительство — чрезвычайно пестрое и по уровню образования, по оплате и по общественному положению. Таким образом, школьное наследство, которое получил победоносный пролетариат, — это ярко выраженная классовая школа. Самодержавие было вынуждено пойти на организацию школ, но оставило эти школы всякими средствами, которые давали бы минимум обезвреженных знаний (религия, национализм, скудость программ), за-

крыли бы переход от низших ступеней к высшим для рабочего класса и беднейшего крестьянства и превращали бы учителя в бесправное, послушное начальству существо.

Самодержавие держало учительство начальных школ в совершенно распыленном, дезорганизованном состоянии.

С другой стороны, народнические земства и городская буржуазия, легально и законопослушно борясь с самодержавием, создавали школы другого типа, более передового, но привилегированные: коммерческие училища, четырех- и шестиклассные городские, привлекали лучших учителей и поддерживали слегка оппозиционный дух в своих школах. Часть учителей средней школы, политически более грамотных, принадлежавших к партиям социалистов-революционеров и меньшевиков, явилась организатором учительского саботажа и борьбы против Советской власти в первые годы революции.

Низовой учитель тяжело переживал последние годы войны, особенно 1916 год.

Вот отрывок из журнала «Народный учитель»:

Январь 1917 года. «По злой иронии судьбы народная школа оказалась в трагическом положении... Изю дня в день растущая дороговизна жизни прежде всего больно ударила народного учителя... Началось бегство учителей... Бежали не только семейные, но и одинокие. В школу в качестве заместителей в 1916 году влилось много совершенно случайного элемента, полуграмотного, без интереса к делу и понимания своей роли. Ко всему этому прибавьте ...вздорожание бумаги, учебников и учебных пособий — карандашей, перьев и чернил. ...Народный учитель голодает духовно и физически» *.

Через год в том же журнале появляется открытое письмо одного учителя к своим товарищам. Статья называется «Что же делать?!». Она ярко рисует положение тех учителей, которые уже поняли свой отрыв от революции:

«Мы очутились теперь в крайне тяжелых условиях, и выхода из этих условий как будто и не видно. С каждым годом между нами, учителями, и народом растет какая-то разъединяющая грань.

Те, которые не любили своего дела ...уже ушли.

На местах остались только ... те, которые не могут идти другой дорогой...

Тьма нависает над страной...

Все слабее, все неувереннее звучат слова: «Не уходите!..»

Нас могут утешить и ободрить только слова того народа, которому мы служим, но народ нам, вероятно, не скажет: «Не уходите!»

Нашей любви, нашей веры, наших знаний, нашей жизни народ не оценил...

И мы — за бортом... Без куска хлеба, без крова, без сил... Без поддержки...

Что же делать? Куда идти?!» *

Выход был ясен, и он был найден огромным большинством честных учителей. Школа начала снова работать. Но царская школа, ее руководство и вся школьная машина была уже сломана: ликвидированы учебные округа, директора и инспектора народных училищ, обнародован декрет «О единой трудовой школе» *, выброшены из школ религия, царская история, введено самоуправление учащихся, школа стала доступной для всех трудящихся, закипела бурной общественной жизнью, и участие школы и учителей в политической жизни страны стало сновным требованием.

ИЗ ДОКЛАДА НА ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПЕДАГОГОВ МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

В мою задачу входит освещение вопросов общепедагогических, которые касаются общего процесса обучения в школах высшего и среднего образования. Рядом с этим я постараюсь дать несколько иллюстраций, касающихся методической работы Московской консерватории. В этих вопросах громадное значение имеет их теоретическое освещение. Поскольку мы учим, мы всегда возбуждаем активность процесса познания. Отсюда ленинская теория познания является основной для обоснования методических вопросов.

Мы должны всей массой наших работников взяться за повышение качества по всей линии нашей работы. Это имеет громадное не только принципиальное, но и политическое значение. Мы строим социалистическую культуру, мы стоим перед разрешением величайших проблем, которые когда бы то ни было возникали в мировой истории. И мы, граждане СССР, строители социализма, строим культуру принципиально новую, используя весь богатейший культурный материал, который остался нам в наследство.

Но мы должны поставить перед собой политическую задачу такого порядка: мы должны стать передовым государством, мы должны стать во главе колоссального, революционного, культурного, движения во всем мире. Те данные, которыми мы располагаем, говорят о том, что в наших возможностях поставить дело таким образом, чтобы мы стали самой культурной страной, чтобы мы в этом отношении догнали и перегнали и далеко оставили за собой капиталистическую буржуазную культуру.

Так стоит вопрос.

Отсюда ясно, что такая серьезная проблема должна решаться соответствующими средствами.

И у нас вопросы теории играют большую роль. Когда мы подходим к основному звену нашей культуры — к нашей школе, которая включает в себя учреждения разнообразных типов, когда мы решаем этот основной участок нашей работы, то перед нами стоит вопрос, исходя из каких принципиальных соображений мы строим процесс обучения, который протекает в нашей школе. Что мы делаем?

Какие основные задачи стоят перед нами? Мы можем ответить таким образом, что когда мы кого бы то ни было обучаем, то мы организуем процесс и развиваем способность познания...

С этой точки зрения я бы хотел вам продемонстрировать некоторые высказывания В. И. Ленина.

Он ставил вопрос таким образом: «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» *...

Основные пункты марксистско-ленинской теории познания могут быть кратко сформулированы так: вне нас существуют вещи и явления, независимо от сознания, от того, что мы думаем, переживаем, ощущаем. Эти вещи и явления отражаются в нашем сознании.

И верно или неверно их отражение — проверяется практикой... Я хочу отметить одно [положение, выдвинутое Лениным], которое имеет громадное значение в области методики преподавания в нашем вузе. Это путь от незнания к знанию. Действительно, наши ученики, студенты вузов, учатся потому, что они не знают; если бы они знали до конца, они бы не учились. Если бы наши ученики старались бы узнать потому, что они чувствовали, что они не знают, это было бы великолепно, но дело в том, что у нас молодежь иногда страдает зазнайством, она думает, что все знает.

Для педагога этот момент очень важен, потому что драгоценное замечание, которое делает Ленин, учащийся в таких случаях не применяет. Задача педагога — поднять рост культуры нашего ученика.

Было бы правильно сказать: так как мы имеем дело со способными людьми, то наиболее талантливые должны больше всего работать.

В силу этого обстоятельства перед нами встает роль педагога как методиста.

Что такое методика? Методику можно определить так, что методика есть система средств, при помощи которых можно организовать какую угодно работу, в том числе и музыкальную работу. Если вы знаете те средства, при помощи которых можно организовать работу вашего студента, вы подлинный методист. Мы идем от незнания к знанию. Мы должны все время совершенствоваться. Таким образом, у нас вывод должен быть таким, что путь методического развития, методического обогащения педагога бесконечен. Отсюда надо сделать дальнейший вывод, что педагог, владеющий методикой, должен себя чувствовать организатором.

И вот, мне кажется, что в этой области у нас существует недооценка организующей роли педагога. Мы должны воспитать в ученике умение работать и в начальных и в высших школах. Если мы научим ученика работать, то дело с освоением знаний уже будет обстоять легче.

Но чувствуем ли мы ответственность за то, что мы должны организовать работу ученика, и знаем ли мы, что такое организовать, какие приемы этой организации стоят перед нами, на это нужно обратить самое большое внимание...

В чем мы имеем основную «клетку» организации учебного процесса? Мы ее называем простым словом — урок. Это форма, которая принята. У нас имеется два типа уроков — индивидуальные и коллективные. В общеобразовательных науках мы имеем главным обра-

зом коллективные уроки, а в музыкальной науке индивидуальные уроки преобладают. Какие основные требования предъявляются к этому уроку? Я бы хотел указать на разнообразные типы уроков. Есть такие уроки, когда дается новый материал, к которому применяется новая методика, или прорабатывается предшествующий материал, или материал, который проработан на уроке, применяется в том или ином новом случае.

Каждый педагог знает, что приходится строить уроки разного типа. Вот некоторые основные требования.

Во-первых, урок должен быть законченным, для этого он должен быть хорошо проработан. Если вы берете произведение, которое нужно прорабатывать в два-три приема, то каждый урок должен иметь известную законченность. Ученик для правильной организации этой работы должен знать, чего он должен достигнуть в известное время. Это должен знать и педагог. Если мы имеем коллективный урок, то здесь задача чрезвычайно трудная, но необходимая. Нужно, чтобы весь материал, который дается на уроке, был проработан, безусловно, всеми учениками, что у нас на практике не происходит. Когда идет лекция и семинар, мы, руководители, не развиваем в себе умения заставить всех работать, у нас работает небольшое количество актива, остальные отстают, и от каждого занятия остаются хвосты, что является опасным. Остается непродуманная часть материала, и остается известный туман в сознании.

Такое явление бывает иногда потому, что ученика не спрашивают, что ученик не высказал свои недоразумения, и всегда такие моменты остаются мертвым балластом и создают отставание. Поэтому внесение ясности в урок или в семинарское занятие является непременным условием. Надо сказать, что если на коллективном уроке потребовать, чтобы весь класс до конца проработал весь материал, то это задача очень трудная. Это на практике чрезвычайно мало встречается.

Можно этого достигнуть? Практика говорит о том, что этого можно достигнуть, но для этого надо реконструировать все уроки и занятия.

Возьмем наши лекции. Надо отметить, что мы часто у молодежи наблюдаем одно явление — они утомляются; без утомления можно прослушать материал в течение примерно семи минут, потом наступает утомление. Для этого надо дать какую-то иллюстрацию для отдыха, после чего ученик опять может воспринимать. У меня был такой опыт: лекция была разделена на четыре части, в конце каждой части лектор устраивал «отдых» своим ученикам различными иллюстрациями, где не требовалось большого напряжения. Все студенты имели листочки, на которых было написано основное содержание лекции, и они могли записать те мысли, которые возникли у них во время изложения.

Когда мы взяли эти листочки обратно и подвергли их анализу и заинтересовались, как слушатели усваивали предмет, то оказалось, что 90 процентов было усвоено, а через неделю 80 процентов материала осталось в памяти. Это очень крупные результаты.

Следовательно, над самим материалом надо усиленно работать и принимать во внимание не только содержание лекции, но и сам процесс освоения этого материала.

Вопрос о качестве оценки приобретает большое значение. Мы в консерватории стоим перед вопросом определения значения оценок

ки, что постоянно упускали из виду. Основное заключается в том, что учитель чрезвычайно мало понимает организующее и регулирующее значение отметок. Обыкновенно он признает лишь их стимулирующее значение: «Я поставлю тройку для того, чтобы он хотел получить четверку или пятерку».

У нас в консерватории происходит то же самое. Мы по-настоящему организующее, регулирующее значение отметок не всегда хорошо понимаем. Надо заметить, что отметки являются результатом оценки довольно большого количества сторон работы ученика. Сюда входят: и работоспособность, и талант, и подготовка. В конце концов, я ставлю тройку, или удовлетворительно, по совокупности, но беда в том, что это недостаточно укладывается в сознании ученика, он не знает, за что он получил ту или иную отметку и что является доминирующим. Поэтому одной отметкой мы ограничиться не можем.

Тут необходимо поставить вопрос об описательной характеристике — «за что?». Этот вопрос является сильно регулирующим деловую сторону. Если бы мы добились от студента желания, чтобы его проверяли (это у нас есть, и это здоровое начало, отсюда констатирование недостатков и их исправление), если бы это вошло в систему, то мы бы стояли на чрезвычайно здоровой почве.

Еще недостаток в связи с отметками заключается в том, что часто отметки ставятся по несколько случайному поводу. Вот у нас урок. Мы спрашиваем учеников, они отвечают. Но если ученики отвечают верно и по трудному и по легкому вопросам, и в том и в другом случае ему ставят пятерку, но ведь здесь же есть разница. И вот при помощи отметок надо регулировать процесс обучения и освоения знаний. Нужно поставить вопрос таким образом, что наш курс должен быть разделен на отдельные законченные участки. И каждый законченный участок должен сопровождаться известной отметкой и характеристикой. Эта непрерывность цепи, которая состоит из отдельных уроков, является чрезвычайно важной.

Наша задача — научить студента умению работать. Поэтому преподаватели должны давать ясные, точные указания, как работать. Если ставить вопрос о том, что студент должен работать самостоятельно, то это, конечно, правильный вопрос, но, пока он не оперился, он должен пользоваться указаниями преподавателя.

Преподаватели прошли известную школу и должны указать студенту, как работать. Вот вам такой пример. Ученик должен сыграть ту или иную вещь. Он ее сразу не играет, а потом начинает спешить. На уроке он играет хорошо, но опытного человека не проведешь. Он скажет ученику, что тот хорошо играет, но что он все-таки мало работал. Здесь необходимо спросить ученика, как он работал над этой вещью. Если он внес в эту вещь свои самостоятельные моменты, то пусть он об этом скажет, если он рекомендует какой-то способ овладения технической стороной, то пусть тоже об этом расскажет.

Эти два момента — процесс и результат — должны оплодотворять друг друга. У нас часто судят только по результатам. Это недостаточно педагогически. Мы должны говорить о педагоге, который в результате хорошей и умелой работы дает ученику навыки и знания. Если же ученик привык не работать и тратит напрасно свой талант, то талант начинает замирать, и вот как продвинуть талант вперед, имеет большое значение в процессе самой работы.

Я говорил относительно ряда теоретических соображений, связанных с теорией познания, которые должны лечь в основу нашей

методики. Я ссылаюсь на указания Ленина, который говорил, что нужно идти от незнания к знанию.

Сейчас я вспоминаю документ от 19 сентября 1932 года «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», постановление ЦИК СССР: «...Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР... обязывает все учебные заведения при определении методов обучения подходить конкретно, с учетом особенностей учебного материала и каждой дисциплины, с учетом квалификации преподавателя, уровня подготовки учащихся, наличия учебного оборудования, лабораторий и пр. Развивая самостоятельную индивидуальную работу студентов, необходимо вместе с тем всемерно поощрять коллективную учебную работу студентов» *.

Вот перед нами стоит задача, которую мы начали осуществлять. Мы к вопросу об оценке и методике можем тогда подойти правильно, если подойдем конкретно, «с учетом особенностей учебного материала и каждой дисциплины, с учетом квалификации преподавателя».

Следовательно, учесть специфику своего предмета и на основе этого выработать критерий оценок. Нам необходимо, чтобы каждый наш предмет с его спецификой имел определенный критерий оценки. Это должно быть разработано, и мы этим самым внесем вклад в методическую работу нашего вуза.

Вот те немногие соображения, которые надо иметь в виду, когда мы говорим о повышении качества нашей работы и методики.

Я хочу суммировать основные указания.

1. Поставить вопрос на деловую почву, так, чтобы ученики наши постоянно росли, постоянно ощущали свои собственные недостатки, ошибки и считали бы самым необходимым здесь идти от незнания к знанию, когда вчерашний день уже являлся бы недостаточным для сегодняшнего дня.

2. Я полагаю, что чрезвычайно важно обратить внимание на то, чтобы наших студентов обучать умению работать по каждому предмету. У нас много недостатков. Всякая неопытность, случайность должны уступить место обоснованности, точности, ясности определенных требований.

3. Больше законченности. Именно в искусстве, которое близко к математике, которое требует точности интонаций, ритма, нам необходима эта законченность. Все это, вместе взятое, требует от нас в занятиях со студентами возможно больше точности, что не мешает ни творчеству, ни художественному чутью, ни развитию музыкального чувства. Чем больше он является таким мастерством, тем больше разворачиваются его творческие силы и возможности.

4. Громадное значение имеет и собственный рост преподавателя. Если преподаватель, профессор растет на своей работе, то это верный признак того, что он ведет методическую работу правильно.

Я не сказал о значении, которое имеет коллективная работа над методикой. Мне кажется, что в одиночку методического мастерства достигнуть трудно. Здесь должен быть обмен опытом между кафедрами. Здесь необходимо перед каждой кафедрой поставить вопрос о школе *, но о школе коллективной, которая создается общими усилиями и которая для студентов является очень важным регулирующим моментом...

ИЗ ДОКЛАДА НА ЗАСЕДАНИИ ДИРЕКЦИИ МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

Я коснусь основных проблем, затронутых выводами комиссии, постараюсь их проанализировать и сделать некоторые практические выводы.

Комиссия по чистке говорит прежде всего о недалеком прошлом Консерватории и оценивает его довольно сурово, что совершенно справедливо. Комиссия указывает, что общими усилиями наша партийная организация и дирекция нечто по исправлению основных недостатков сделали, но считает, что это далеко не достаточно, что надо идти по этому пути дальше, и указывает на ряд таких сторон, которые нами не [охвачены] в достаточно серьезной степени.

1. Мы действительно в течение этого небольшого периода заострили свое внимание на борьбе с левацкими загибами, которые были чрезвычайно вредоносны для всего дела Консерватории. По этой части был осуществлен [целый ряд мероприятий]. Был снят ряд ответственных товарищей, сменен руководящий состав и поставлены вопросы об учебной дисциплине, о программах, о методе работы и так далее, но сказать, что мы добились того, чего сами хотели, нельзя: целый ряд моментов еще требует серьезной работы.

2. Комиссия указывает, что в процессе борьбы с левацкими загибами мы упустили борьбу с правыми настроениями.

Основное здесь — отрыв проблемы музыкального творчества от политики. Все остальное — это детали, вытекающие из основного. Мы ничего не сделали, чтобы подчинить творчество политике. Здесь вопрос идет о тематике. Мы можем, правда, сказать, что есть ряд мероприятий, [предпринятых] нами или по нашему почину, которые отразились на музыкальной тематике наших молодых композиторов; но может ли сказать заведующий композиторской кафедрой, которая является у нас ведущей и чрезвычайно ответственной именно в политическом отношении, так как воспитывает советских композиторов, которые служат диктатуре пролетариата, служат [задачам] социалистического строительства, что у нас обсуждались вопросы общего по-

рядка, вопрос о том, что такое советский композитор, какой должна быть его тематика, как это должно отразиться на его воспитании. Ясного плана мы не имеем. Мы имеем целый ряд попыток, но усилия дирекции, кафедры [не координированы]. Работников кафедры, которые у нас присутствуют (а у нас ведь [на композиторском факультете] есть целый букет мировых величин, которые имеют колоссальный авторитет в музыке), мы по-настоящему не использовали. Они были композиторами, прекрасно знающими свое дело, и только. Вопрос же [состоит] в том, чтобы каждый ставил перед собой задачу воспитания нашего композитора как участника нашего социалистического строительства. Можем ли мы этого добиться? На это ответ бесспорный — можем; имеем ли мы достаточно сил для того, чтобы выполнить [то, о чем] говорит комиссия в своих выводах. Имеем. Имеем ли руководящие силы? Имеем. То, [чего] мы уже достигли, хорошо, но что взятые масштабы малы по нашим возможностям — это совершенно верно. Вопрос идет о методах воспитания, коллективном обмене опытом, творческих производственных совещаниях, связи молодых композиторов с предприятиями, с Красной Армией, связи с рабочей общественностью, с комсомольской общественностью и так далее — это целая цепь связей, которая может нам помочь. Таким образом, неизжитые индивидуалистические тенденции, настроения части профессуры и студенчества нашли отражение в этих пунктах [выводов] комиссии, с которыми мы, определенно можем сказать, согласны. Мы это говорим для того, чтобы исправить это дело, чтобы наша работа соответствовала тому, что должно быть в нашем авторитетнейшем музыкальном учебном заведении, которое не только учебное заведение, но основной рычаг пролетариата в деле [несения] музыкального искусства к массам.

Вопрос о тематике. Общее направление мы должны сегодня ей дать... Мы сейчас живем в кипящей атмосфере социалистического строительства, с полным сознанием того, что идем к победе; разрушение старого, выдвижение нового — это тематика, это вещи, которые должны же захватывать; нужно только, чтобы молодежь этим пропиталась. Тут дело общественности чрезвычайно велико: наши общественные [организации] должны вплотную взяться за это дело...

Надо сказать, что не всегда наши профессора являются сознательными участниками той огромной работы, которую мы ведем, не всегда профессор является политиком, не всегда является воспитателем, а они все имеют огромный авторитет благодаря своей специальности. Разве мы ставим перед нашими молодыми музыкантами вопрос о смысле музыкальной деятельности в социалистическом строительстве, о том, для кого и для чего их музыка? Этот отрыв у нас не единственен, не случаен. Это [вопрос] о связи с широкой рабочей общественностью. Нужно поставить тут вопрос об общественных организациях. Мы не можем все сделать собственными силами, нужна широкая общественность, которая поднимет ряд проблем, обсудит, толкнет. Такой широкой работы мы не имеем, отсюда основные трудности. Ведь мы ставим вопрос так, что у нас не [только] великие люди творят искусство, а творят и широкие массы. Социалистическое строительство творят широкие массы, а наши произведения являются переработкой того, что делается в массах. Переход к социализму обозначает не только обобществление средств производства, но и переработку психики, переход от индивидуализма к умению к каждому вопросу подходить от общего, целого. Вопрос

поставлен о переработке психики, везде мы ставим принципиально вопрос о переработке людей, иначе вопрос о социализме не может [ставиться].

Музыка всегда играла большую роль: возможности ее велики и она всегда имела определенную социальную установку — и в феодальном обществе, и при капиталистическом строе воспитывала людей [определенного] склада, на это было потрачено достаточное количество средств и людей. И этих артистов оценивали очень высоко. А мы? Мы должны поставить их на гораздо большую высоту, этих великих людей уже нашего склада. Мы это можем сделать и сделаем, но этот вопрос нужно поставить вплотную. Сейчас мы видим такие моменты, которые должны быть устранены: у нас — отрыв теории от практики, отрыв тематики от политики, а с другой стороны — отрыв от масс. Разумеется, что мы кое-что сделали, но в сравнении с тем, что нужно сделать, — это ничтожно.

...Руководство аспирантурой из рук вон плохо. Руководства, собственно, нет, есть одна консультация, что лишает это учреждение всякого смысла: в такой атмосфере аспиранты воспитываться не могут. Мы обнаружили чрезвычайно низкий уровень аспирантуры. Есть ряд дефектов, которые необходимо немедленно исправить, и в дальнейшем к аспирантуре и к руководству ею надо будет предъявлять более строгие требования.

Очень важен пункт о профессорском составе. Нам нужен сплоченный коллектив; его нет — это совершенно ясно, и это характеризует нашу организацию: не единая воля, не желание подчинить работу требованиям партии и рабочего класса, а работа каждого по-своему, на свой собственный страх и риск, а часто один против другого. Вот об этих остатках прошлого мы должны поставить вопрос очень серьезно. Дело не в том, что кто-то думает плохо, а в том, что каждый думает о себе, и это разрушительно действует на целое, и эта атмосфера действует на студентов. Я бы прямо сказал: атмосфера, в которой мы живем в Московской государственной консерватории, — это атмосфера старого, проклятого буржуазного строя, атмосфера индивидуализма, конкуренции, борьба за место, за успех... студент не имеет воспитания — в этом все...

Я резюмирую.

1. Указания, которые даны нам в результате чистки, которые вскрыли основные наши недостатки, совершенно правильны.

2. Если мы реорганизуем нашу работу по этим указаниям, превратив их в конкретный материал, тем самым жизнь нашего вуза поднимется в очень сильной степени: он станет настоящим советским социалистическим вузом, где можно говорить о переработке, перевоспитании людей.

3. Мы должны направить нашу работу так, чтобы у нас не было отрыва теории от практики, чтобы пронизать жизнь нашего вуза марксистско-ленинской идеологией, поставить на очередь ряд докладов по принципиальным вопросам, и общего характера, и характера специально музыкального, и о внедрении политики в работу вуза.

При наличии того огромного культурного роста наших масс, который мы имеем, мы можем поставить нашу работу действительно на настоящую высоту, и тогда могли бы дать не внешний рапорт, холодный, бледный, никому не нужный, а такой, за который бы стояла вся наша общественность, который бы дал отражение работы коллектива, связанного с жизнью вуза...

ИЗ ДОКЛАДА В КОЛЛЕГИИ НАРКОМПРОСА

Учебно-производственные планы, профили и программы разработаны Консерваторией под знаком реализации постановления ЦИКа СССР о вузах и техникумах*. Коллегия Наркомпроса в своем постановлении с особенной резкостью подчеркнула вопрос о качестве работы по подготовке специалистов высшей квалификации.

Одним из важнейших условий успешной реализации этих решений является создание таких учебных планов, которые обеспечивали бы подготовку в Консерватории настоящих квалифицированных специалистов музыкального и вокального дела.

Составлены учебные планы и профили всех специальностей (за исключением редакторской, ввиду принципиальных расхождений Музгиза и сектора искусств Наркомпроса), а также составлены и просмотрены программы по всем дисциплинам. Все программы имеют объяснительные записки, заключающие целевую установку курса, методику работы, формы учета и точный объем знаний и навыков, который должен быть получен в результате проработки курса.

С 1 января Консерватория перешла полностью на работу по новым программам; что касается нормального учебного плана, то на старших курсах имеют место переходные учебные планы; это явление объясняется плохой предварительной подготовкой студенчества в предыдущие годы.

За 1932/33 учебный год план был выполнен полностью; что касается учебных программ, то мы имеем недовыполнение по общему музыкально-теоретическому циклу по вышеуказанной причине.

Значительным дефектом в работе Консерватории явилась перегрузка учебных планов студентов исполнительских дисциплин. Из-за перегрузки плана и дефектов в методической работе экономической и философской кафедр страдала домашняя тренировочная работа студентов.

Методическая работа

Кроме громадной работы по составлению планов и программ, Московской консерваторией велась большая работа, вскрывающая особенности подготовки специалистов той или иной специальности.

Отчетный учебный год характеризуется в методической работе вуза тем, что методическая работа целиком перенесена на кафедры и организован методический совет, состоящий из заведующих кафедрами и заведующих отделами всего комбината, в задачи которого входят:

а) выработка общей программы методической деятельности комбината;

б) обобщение и координация методической деятельности кафедр и отделов комбината;

в) обсуждение вопросов, возникших в результате осуществления общих методических установок;

г) методическое руководство производственной практикой.

На всех кафедрах имели место научные доклады, стремящиеся поднять на более высокую ступень научные обоснования учебного процесса. Работали бригады по составлению учебников и подготовили к изданию до пятнадцати названий.

Имеющаяся опасность формализма в учебном процессе заставила руководство вуза поставить ряд докладов по вопросу об увязке методически соприкасающихся дисциплин, усилить массовую воспитательную работу среди студенчества.

Выработаны принципы учета успеваемости, учитывающие особенности музыкального вуза. Поставлен вопрос о педагогизации вуза, для чего создана постоянная комиссия по педагогизации.

Методическим руководством было проведено глубокое обследование всех кафедр и объявлен месячник смотра трех кафедр (композиторская, вокальная и музыкального воспитания) с докладами заведующих и содокладами смотровых комиссий, включающих представителей общественных организаций. Несмотря на большую методическую работу, Консерватория все же слабо и медленно продвигается вперед.

Большое количество педагогов принимает малое участие в методической работе кафедр.

Слабо поставлено дело по пропаганде и расширению наиболее ценного и положительного педагогического опыта (показательные занятия, разбор методических разработок и так далее).

Слабо развернута научно-исследовательская работа ряда лабораторий ввиду плохого финансирования; есть лаборатории, где штатным работником является только заведующий (психолого-педагогическая, историческая, теоретическая и так далее до последнего времени).

Методика преподавания и успеваемость

В отношении учебной работы имеет место несомненный сдвиг в сторону преодоления [недостатков] прошлых лет, в особенности в области овладения исполнительским мастерством. Наблюдается большая систематичность в музыкально-теоретическом образовании. Творческие показы студентов-композиторов показали высокий уровень технического мастерства и здоровую идейно-творческую направ-

ленность. Наряду с этими достижениями мы имеем ряд трудностей с преодолением наследия прошлых лет, в особенности по общемузыкальным теоретическим курсам. Трудно изживаются недочеты в музыкально-теоретическом образовании, особенно у вокалистов и инструменталистов. Это положение тем более затрудняется, что отсутствует стабильность учебного плана для II—IV курсов.

В отношении состава студенчества и качества их работы следует отметить наличие студентов, вызывающих сомнение в смысле возможности их дальнейшего пребывания в вузе.

Производственная практика

Производственная практика органически увязана и подчинена учебным заданиям. В частности, в текущем учебном году слияние исполнительской продукции с учебной работой выразилось в осуществлении 14 симфонических концертов в Большом зале Московской государственной консерватории оркестром вуза в составе 110 человек. Эти концерты были разделены на два абонементов.

Три симфонических концерта в Малом зале, осуществленных объединенным оркестром рабфака и техникума в составе 60 человек. Солистами в этих последних концертах являлись студенты. Частью концертов дирижировали студенты дирижерской специальности вуза. 14 камерных концертов в Малом зале силами студентов вуза. Часть концертов были повторены в больших рабочих клубах Москвы. К этим концертам велась подготовка слушателей, для чего Консерватория посылала лекторов-студентов, которые проводили лекции с демонстрацией музыкальных произведений.

Кроме указанных симфонических камерных концертов, намечены и осуществляются открытые бесплатные отчетные концерты каждой кафедры и Школы высшего мастерства. В июне таких концертов будет проведено 30; проведенные концерты прошли с большим успехом, билеты на эти концерты раздаются по предприятиям и учебным заведениям бесплатно.

Оперный класс подготовил и провел оперные отрывки в костюмах и гриме. В полной постановке с хором и оркестром была проведена в Большом зале опера «Свадьба Фигаро»... Этой постановкой начата организация оперной студии.

Всего в порядке производственной практики студентов обслужено 74 тысячи слушателей, из них рабочих и служащих — 56 тысяч, красноармейцев — 10 тысяч, детей — 8 тысяч.

Дефектом в проведении производственной практики является отсутствие достаточной возможности использовать хор и симфонический оркестр для практики хоровиков и дирижеров...

Школа высшего мастерства

16 января 1933 года при Московской государственной консерватории открыта Школа высшего мастерства, имеющая целью дать высокоартистическую подготовку лицам, успешно окончившим одну из консерваторий СССР по исполнительским специальностям (фортепиано, скрипка, виолончель, пение).

Было принято по конкурсу 32 человека.

Состав аспирантов Школы высшего мастерства гарантирует высокое качество подготовки. Большинство из аспирантов участвовали в Первом всесоюзном конкурсе, и 9 человек премированы.

Помимо совершенствования в области исполнительства, аспиранты Школы высшего мастерства повышают свое общемузыкальное образование, углубленно изучают стили своей специальности, пополняют общефилософские и общеискусствоведческие знания и овладевают иностранными языками.

В текущем году все аспиранты Школы высшего мастерства имели самостоятельные выступления (полконцерта). Однако нужно отметить необходимость более частых выступлений, организация которых затруднена слабым вниманием к молодым артистам концертных организаций.

Особая детская группа

В Особой детской группе обучается 9 человек высокоодаренных в музыкальном отношении детей.

Необходимость сочетания высокого исполнительского мастерства с широким общим образованием и глубокими знаниями по линии истории и теории музыки и знания музыкальной литературы заставила дирекцию Московской государственной консерватории с особой осторожностью организовать учебный процесс.

Ввиду различной общеобразовательной подготовки и возрастных особенностей учащихся особой группы работа индивидуализирована. Работа по общеобразовательному циклу осуществляется двумя педагогами, из которых один ведет физико-математические дисциплины, другой — общественно-гуманитарные, тщательно выясняя индивидуальные особенности каждого учащегося. Эта работа должна обеспечить общеобразовательную подготовку в объеме десятилетки.

Общемузыкально-теоретическая подготовка не должна быть ограничена только объемом довузовским, но, исходя из индивидуальных особенностей, может включать и вузовские дисциплины.

Учебная нагрузка установлена в 8 часов ежедневной нагрузки, из которых 5 часов работы в классе и 3 часа домашней работы в порядке подготовки к занятиям.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОВЕЩАНИИ АКТИВА УЧИТЕЛЕЙ 1-й ОБРАЗЦОВОЙ ШКОЛЫ имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

Я ознакомился с большим количеством образцовых школ. Сейчас еще более выдвигается роль образцовой школы. Образцы работы внутри школы нужно использовать для помощи массовой школе. Сейчас мы можем перейти на более глубокие организационные этапы работы. Пример — Чебаковская школа * — небольшая, помещение скромное, но работа поставлена в ней глубже, чем в других крупных школах.

Все ученики работают в этой школе хорошо; в школе нет отстающих. При посещении этой школы представители лаборатории убедились в прочности, твердости и ясности знаний учащихся. В чем же тут дело? Как только учителя замечают, что ученик отстает, то сейчас же за него принимаются, пока не добьются определенного результата в отношении его успеваемости. Новые знания строятся на твердой базе ранее приобретенных знаний. Товарищ Головин * рассказывает, что в прошлом году учащиеся четвертого класса не знали курса третьего класса; тогда вернулись к старому, посветили работе всю четверть и подошли к новому, успев своевременно пройти всю программу. Большое значение в работе приобретает умение дать стимул. Учебная работа всегда соединяется с моментом эмоциональным, с пробуждением глубокого интереса к предмету. Т. Головин относится с большой критикой к своей работе и быстро осваивается с новыми приемами. Коллектив школы спаян. Есть учителя похуже, есть и получше, но учащиеся работают все одинаково. Мы будем изучать работу т. Головина, как исключительного педагога-мастера.

В 1-й образцовой школе Петроградского района Ленинграда имени А. В. Луначарского большая глубина в работе. Мы здесь обнаружили ряд образцовых преподавателей.

Порядок, дисциплина — здесь много успеха. Душа радуется, какой порядок, какая дисциплина. Внешняя часть правильно удалась. Общее впечатление — ребята знают много и твердо, хорошо владеют речью. Что является причиной этого? Громадные усилия или работа

над сознанием, над стремлением [ученика] учиться, стремиться к знанию? Сознательная дисциплина. Потому ли ученики учатся, что не знают и стремятся к знанию?

Фундамент основных знаний, получаемых в I ступени, имеет огромное значение. Для II ступени фундамент I ступени дает большой капитал. Педагог должен работать и с классом, и с каждым учеником в отдельности, иметь особый подход к каждому ученику. Практика показывает, что педагог, увлекаясь предметом, увлекает и учеников; но тех ли он вызывает, кто хорошо отвечает, или тех, кого нужно активизировать? Как растет масса?

Интересен вопрос, поднятый Головиным. Необходимо, чтобы все ученики знали, что им нужно делать. Надо расчленить проходимый материал на отдельные моменты, каждый отдельный элемент должен быть прост для ученика.

Уроки у т. Александрова * превосходны. Очень хорошо работает I ступень. То, что есть сейчас, дает ряд предпосылок к тому, что школа достигнет еще высшей ступени...

Центральная фигура — учитель. Надо его изучить. Мастер создается поддержкой других товарищей. Надо выращивать педагога-мастера. Учитель-мастер должен быть всегда спокоен, владеть собой. Могут быть и отдельные случаи провала в его работе, но он не должен теряться, [должен] суметь найтись.

Педагог готовит превосходный дидактический материал. А сколько времени он над ним работал? А когда он ложится спать? Педагогу достаточно сделать один образец и дать его размножить. Нужно сделать так. Превратить педагогические кабинеты в очаги новой работы (мастерские учебной работы). Иметь в школе печатный станок, избавить педагога от [черновой] работы.

Педагогу нужно меньше говорить, больше экспериментировать. Ученики все работают, а учитель работает с отдельными учениками, проверяя их в процессе эксперимента. [Учитель] физики дает начатки такой работы. Наши средства еще недостаточны, еще много приходится читать лекций. В будущем при больших средствах голос педагога заменится экспериментом учащихся.

Последнее об учительском коллективе... В школе крепкий коллектив, спаянный. Советская власть стремится к тому, чтобы коллектив был спаянный.

У школы должен быть свой стиль работы. У разных учителей школы должны быть одни и те же требования. Учителя должны учиться у своих товарищей-мастеров, [оказывать] помощь друг другу: у вас есть все данные для этого.

Это превосходная школа, [она] привлекла к себе внимание общественности, имеет много энтузиастов, достигла больших успехов; нет разнобоя. Возможности у вас большие, оттого к вам и большие требования. Если вы получите знамя, не забудьте, что вам надо учиться еще лучше работать. Думайте о кухне, о вентиляции, о свете. Превратите кухню в образцовую.

Хороши мастерские. Хороша связь труда с физикой и математикой. Это позволяет говорить о политехнизме всерьез. Нужно больше оборудования и большее помещение для школы в целом.

Школа не бьет на внешность. Школа растет. При правильной работе достижения сегодня будут недостаточны в будущем. Мы еще не достигли тонкости. Через год мы должны ждать от школы большего.

С. Т. ШАЦКИЙ — ДЕТЯМ

СТРАДАЛЬЦЫ

У нас в колонии среди прочих словечек, выражений и поговорок, которые хорошо бы собрать, есть одно слово — «страдалец». Когда кто пожалуется, что ему приходится делать и то и то, то его утешают сочувственно: «Страдалец». Ох, и сколько у нас страдальцев! Вот тут собралось несколько картинок *, где видны некоторые наши «страдальцы»: вот один из них сидит около клумбы, колет камушки и раскладывает их по черной земле. Положит камушек, отойдет к сторонке, посмотрит, вздохнет глубоко и снова за работу. Ни отдыха, ни срока. Тяжелей работы, как камни бить, на свете нет. А там еще придется поваром быть, полы мыть — вот нестерпимая работа, а то заставят огораживать ягодник — разве выдержишь? И с грустью в сердце тукаешь молоточком по камешкам, и конца краю работы не видно.

А вот еще страдальцы для развлечения вышли белье в руках подержать — и то хорошо — ну-ка поди, поводи утюгом по всем этим наволочкам, простыням, рубашкам и штанам, да еще с пуговицами, да и плиту для утюгов изволь растопить. Вот-то жизнь горькая, а еще заставляют коров пасти. Вот напасть-то!

А это — не видите разве? Целая куча страдальцев тащит тяжелейший воз — вагон песку. Только один Щербаков чувствует себя хорошо: чуть лопаткой зацепил и как будто тянет. У него и физиономия лукавая. А остальные мрачные, хмурые. Два Никитиных сзади мрачнее тучи. А главный страдалец накрылся с горя шляпой с печальными полями и покорился своей участи. Он всегда страдает: и поваром, и уборщиком, и инструменталистом. А теперь можно убедиться всем, что горе его достигло крайних пределов: на скотном дворе со страдальцем-хлебодаром окопался канавой и сидит посередке и долго-долго думает о своей горькой судьбе. Час сидит не пошевелившись, ни за что не пошевелинется. Такой обычай завели: поработают и долго, долго грустят.

А вот еще два страдальца: страдалец хитрый, поменьше, и страдалец откровенный, побольше. Малый страдалец очень мучился в свое время, когда с братьями-разбойниками в компании устроил с печалью в сердце побоище, описанное Сережей Богачевым (комната на комнату), когда ему пришлось набрать воды в рот и не дать хоть языку такой воли, какую он дал рукам. Вот страдал-то бедный!

Кругом серьезные разговоры, наклеывается путешествие в Москву, а в сердце только и есть, что одна боязнь: лишь бы не про меня, лишь бы пронесло грозу мимо. А после этого жизнь его — сплошная мука — руку не подыми, кулака не сожми, выражайся в карман, или в кулак, или отойдя версты две от дому.

А это разве не страдание — ездить за водой сидя на бочке, или в Железный завод, эх, вы не знаете, как тяжело кататься!

Страдалец побольше — откровенный. На лице написан тяжкий труд: еще бы, разве скоро выдерешь руки из этого липкого теста? Оно, как назло, пристаёт к рукам больше всего у него, у страдальца. А собирать грязные тряпки! Врагу не пожелаю. Хуже же всего — следить за чистотой. И сам-то толком не знаешь, что это такое, да и все только за нос водят, а толком не скажут, чисто у них или нет. Поневоле будешь ходить тихо, голову понуря.

Трудно сразу написать про всех мучеников колонии, но одного нельзя пропустить: такой толстый, здоровый, кровь с молоком, а ходит охает: сам ничего не делает, а во все вмешивается; голос громкий, а сам притворяется, пищит потихоньку — вот-вот помрет; всех снимает, а сам, несмотря на сильное желание, никак не может попасть на пластинку. «Мне, — говорит, — кричать запрещено». «У меня, — говорит, — раздвижение сердца», а сам кричит, не разобравши дела. А дела разобрать никогда не может, когда же разберет, то кричать не приходится.

Так вот от себя и надрывает глотку и страдает сам от себя.

А главная у него беда — за все берётся и все толкует: «Мне ничего нельзя, доктора запретили, только спать приказали». За [работу] дровосека взялся — страдал, помои относить взялся — страдал, яму чистить, ключ мутить и всю колонию заставляя ходить за версту по воду — все его дело. И все хвалится: «Я-то, да у меня-то»... А после нахвастает, да и страдает, что нет того, про что нахвастал. Картинки, извините, нет: боится на люди показаться. Да не иголка, найти можно сразу.

РАБОТНИКИ — ГОЛОВЫ САДОВЫЕ

Как ни говорите, а мне нравятся садовники. Потихоньку, помаленьку завладели они всей землей сада и даже никого к себе не пускают. А кто хочет пройти по дорожке через сад, должен остановиться у невидимой ограды и кричать: «Можно пройти? Можно пройти?» И отвечает важно садовник: «Можно». Тогда получивший разрешение идет виновато по дорожке, куда ему надо. Да, строгости большие. И даже не поймешь, откуда прыть взялась — все клопики, от земли не видно. И своих держат в строгости: чуть что — ставят на вид. А недавно порешили работать и по праздникам, чем привели в немалое смущение всю колонию. У Шацкого совесть была — предложил помочь садовникам от чаю до обеда; за ним пошли и еще кое-кто. Но странное дело, сам живет около сада и хоть бы пальцем пошевелинул; другие все-таки работали. И все-таки, на счастье Шацкому, только что нужно было работать — отвертеться никак нельзя — как вдруг — колокольчиков звон: приехали гости, а там — еще. Так бедняжке и не пришлось поработать! Теперь его мучают упреки совести, и он становится на весы и всем говорит: «Двадцать пять фунтов убавил». Уже не заболел ли с натуги?

Шутки шутками, а из работы садовников может выйти для колонии хорошее дело. Они так хотят не только работать, но и узнать побольше о своем деле, что приходится их считать за серьезных людей. Даже «отца» раскачали, и он уже начинает задавать вопросы, с трудом, впрочем, справляясь с шипящими звуками: «А с-с-с-ч-ч-ш-ш-то такое пупырысс-ш-ш-ки на клубнике растут?» Потом надеется сделать глубокомысленный вид, растопырить губы и шипит: ш-ш-ш... потом выпаливает, как из mortarы: «Шацкий!» — и задумывается на некоторое время, отдыхая от страшного усилия. «Что тебе?» — «А как это яблоки бывают?» Теперь он до того расхрабрился, что хочет отвезти усы клубники домой, чтобы научить мать, братьев и сестер сажать клубнику.

Хорошее дело, про которое я раньше говорил, заключается в том, что Шацкий обещал устроить на будущий год в колонии целый уни-

верситет для занятий по естествознанию, привезти микроскоп, устроить опыты с растениями и завести толковое собрание коллекций. Я всегда думал, что в колонии никакое серьезное дело не пропадет. Занимаются садовники и теперь — раза два в неделю беседовали с Шацким, и Шацкий по секрету сообщил, что он доволен этими занятиями. И вот, если бы огородники работали так же, т. е. не только окучивали, пололи, рвали овощи, а еще старались бы узнать про растения на огороде: как их сажать, откуда добываются семена, как цветут, какую почву любят, то у них дело пошло бы интересно. Да если бы к ним присоединились скотники, куроводы и конюхи, которым не мешало бы узнать про строение животных, про их жизнь, происхождение, как они сделались домашними и есть ли у них дикие родственники, как ухаживать за ними, то наш будущий университет, можно сказать, вполне расцвел бы. Да, нам теперь не только работать надо, не только петь, рисовать, но серьезно учиться для себя, для того, чтобы узнать про то, над чем работаешь. Такое учение будет лучше одной школы: знаешь, по крайней мере, зачем учишься.

Так вот, какое может вырасти большое дело из маленького дела, которое складно повели маленькие садовники!

Неизвестный, всем известный

ПИСЬМО ИЗ МАЛЕНЬКОЙ КОЛОНИИ *

Как известно, наша колония отправила в Пушкино двоих колонистов — Варю Малахову и Леню Виноградова — помогать в работе тамошним сотрудникам. Теперь Луиза Карловна прислала письмо, в котором, между прочим, пишет: «В колонии у нас сейчас прекрасно. Малахова и Леня справляются прекрасно, и дети с наслаждением им помогают. Женя (Евгения Карловна) очень довольна. Сейчас там очень приятно, и мой Володя, вероятно, бессознательно чувствует разницу, потому что не возвращается домой. Числа двенадцатого колонисты вернутся обратно. Опыт этот можно считать удачным».

Это известие было встречено громким «ура» со стороны наших колонистов, считавших, что наша колония, давшая такую подготовку своим колонистам, может гордиться успехом нового взятого на себя дела. Двое посланцев наших такие же колонисты, как и другие. Некоторые опасались, особенно за Варю Малахову, которая здесь держала себя слишком по-казацки, но и она выдержала трудное испытание. На Леню, положим, все надеялись. Честь им и хвала за то, что так хорошо поддержали колонию! И опять-таки из такого маленького дела может выйти большое: в будущем году колония будет посылать все лето своих колонистов в маленькую колонию для того, чтобы работать в кухне, в прачечной и еще, может быть, в каком другом деле. И все будут рады. Кстати сказать, в будущем году у нас появится первый выводок маленьких колонистов.

ШУТОЧНЫЙ СЛОВАРЬ КОЛОНИСТОВ

В а с и л ь е в А р к а ш а, в простонародии Арканчик. Для роста ушей употребляет огромную кепку, и с успехом. Лошадиный художник, нравом горячий, отчаянный плясун, употребляет для пляски не столько ноги, сколько руки. Перед началом пляса разбегается изда-лека и страшно гордо на всех глядит. Танцует под свою музыку, не-смотря на то что рот ужасно старается ему помешать. Но нет му-зыки, которая бы совладала с Арканчиком! К работе относится свысока и часто наблюдает, как другие работают. Любитель поме-ряться силами.

В е л и к а н о в В а н я случайно съел порох и потому постоянно шипит, накрыв бровями глаза-угольки. Очень любит работать и упре-кает всех в лени. Страшно справедлив. Вместо ножек несгибающиеся спички, во время танца сразу кидает их в одну сторону. Очень любит порядок во время игр, не жалея себя, следит за всеми до того, что смотреть за собой не успеваает. Ни с кем не ссорится. Человек опас-ный, потому что может взорваться и выстрелить.

В е л и к а н о в а Д у н я — нежная Дуся, своими белыми ручка-ми доила коров, перебирала грязное белье. Все знает сама и не лю-бит, когда что плохо сделает: очень сердится, и тогда под руку не под-вертывайся. Страшно любит, чтобы все было шикарно. Многие, когда с нею говорят, то складывают губы в ниточку и нежно произносят: «Дуся?» Мало грешит, потому что много спит. Глазки удивленные. Любит моды.

В е л и к а н о в а М а н я — шустрый «Великанчик». Волосенки торчат вихрами. Поразительно играет в итальянскую лапту, хотя многие этого не признают. За последнее время все говорит: «Шац-кий! Да Шацкий!» Встревает во все и часто шепчется. Каждый час новые друзья и враги. Когда говорит, то начинает словами: «Мы, девочки!» Оглушительно хохочет и сразу смолкает, и тогда лицо сер-дитое. Против говорить опасно, а то скажет на собрании.

В е л и к а н о в П р о ш а. Старый старичок. 1145 морщин на лице. Несмотря на все это, очень веселый. Большой специалист по

навозной части. Все хочет превратить в навоз, даже свежее сено. Гроза сеновала. Очень потеет, когда рисует, и тогда шевелит губами. Постоянно говорит о своем будущем, и тогда бьет себя правой рукой в грудь, выставив указательный палец. Есть подозрение, что морщины не от старости, а от непрерывной улыбки. Сердится с трудом. Ножки небольшие, длинные. Ест много, а не толстеет. Решил прожить на свете худым. Голова скрыта среди плеч.

Виноград **Леня**, «куриный командир», страшно любит смотреть, как в бочку от цемента упадет яйцо с неба. Через сто лет откроет склад яиц. Не делает выговоров наседке, которая давит цыплят. Кроткий нрав, а поет сурово и грозно, нагоняя на всех страх. Залихватски пляшет всегда одну фигуру, сразу пускаясь вприсядку и рукой хлопая по своей шее. Жалеет куриный навоз. Из кур и петухов думает сделать путешественников. На сцене хорошо представляет сонных и ленивых. Великолепно храпит.

Вольфринг **Галя**, родом француженка из Парижа. Живет хорошо, если есть недалеко зеркало. Во время пения превращается в канарейку. Птичка маленькая, а коготок востер. Трясет кудрями и глядит прямо, не моргая. Пользуется огромной любовью кукол. Когда играет с девочками, то вырастает очень большой. Со временем превратится в осу.

Вольфринг **Нина**. Рязанский мужик. Пляшет только вприсядку. В хозяйстве всему предпочитает сметану. Покровительница слабых, голодных и оскорбленных. Опытный доктор. В колонии успешно боролась с голодом, не дав умереть целой дюжине больших и маленьких колонистов. Изобретательница целебных пышек. Испытала людскую неблагодарность со стороны Лаврова, которого мало откормила. Ест книжки целыми библиотеками.

Гаврилов **Гавгуша** — художественно беспорядочная натура, разнообразный заведующий. Любитель зевать. Волосы все собираются на нос, и в самую жару ходит в прелестной суконной куртке. Очень редко моется, считая мытье аристократическим признаком. Редкий художник слова и очень речист, несмотря на то что слова с трудом вылетают из горла. Потерпел разочарование в друге Пендзюре... Упорный издатель журнала. Ловкий спортсмен.

Глебов, он же Глепив, он же Клебив, имеет два вида: извозчикий — свирепое лицо, носовой голос и крепкое слово и ангельский — нежная речь и сладкое личико, за что и прозван Глепив. Глокает пищу с ложками и тарелками. Прославился введением в свой желудок шести ведер супу, после чего не ел целые сутки. Знаменитый артист на купеческие роли. Бегать мешает жировой слой около пояса. Спина широкая. Человек богатый, ибо в квартире электрический звонок и теплый... Сразу перекапывает целый огород, но случайно. Обыкновенно старается, чтобы дело его не задело. Кухня и самовары причиняют ему огромные мучения. Сначала огрызается, а после понимает, в чем дело.

Горячев **Ваня**. Человек удивительный. Любитель подвигать на себе предметы из стороны в сторону — сначала шапку, потом пояс, потом штаны. Имеет два голоса: бас и пищик. Рыженький. Ног никогда не сгибает. Он же «коллекция», потому что всех бабочек и жуков прозывает коллекцией. Изобретатель фразы: «Коллекция летит!» Добрый воин — участвовал во всех колонистских сражениях, но всегда без успеха. Губы складывает в трубку. Всегда носится с какими-то дрекольями. Родом с Австралии. Дикарь.

Грачева Паша. Старательная девочка. Семи лет окончила гимназию. Ужасно рассудительна. Охотница прыгать и скакать, но ногами так твердо бьет в землю, что отшибает пятки. Неожиданно оказалась храброй плясуньей. Еще выше прыгает через веревочку.

Грачева Таня. Существо медленное и основательное. Не повертывается. Сначала стала вводить моды, потом махнула рукой. Бас. Больше ходит, чем бегаёт, больше сидит, чем ходит, больше лежит, чем сидит. Имеет свою корову противоположного характера. Покровительница маленьких девочек. Отставная курятница.

Лавров Степа, истребитель козьего молока. Всегда имеет готовность обидеться. Знаток футбола и дипломат. Знаменит охотой с Дезиком на мальчишек самсоновских. Дрессировал ее на злобность, за что получил почетное замечание со стороны колонии, оценившей его заслуги. Подбирался к козам, но перехитрил и остался на бобах. Папаша кроликов. Свидетель кровавого оторвания хвоста у телки, по поводу чего пролил стакан слез. Художник и почитатель махорки. Спортсмен.

Лепехина Люля, молчаливое существо, живущее в колонии у себя в комнате или в гладильной. Неизвестно, умеет ли баловаться. Благодаря неспособности к движениям прибавила двадцать фунтов. Кровь с молоком. Предоставила колонии гулять без нее. Хочет сравняться в размерах с Таней Грачевой. Платье имеет чисто. Под подушкой всегда книжка.

Лушин Саня, ученый профессор, с очень тяжелой головой, которую держит книзу. Специалист по всем наукам. За его отъездом в Москву солнечное затмение отменяется. Военачальник, хотя по слабости рук не может испугать и мухи. На сцене играет царей, царевичей и князей. Стихотворец и художник. Знает много историй, которыми не дает спать своим сонным сотоварищам.

Лушин Федя, знаменитый брат ученого профессора. Славен тем, что имеет внутри себя самовар, который кипит по его желанию во всякий момент. Это делается с таким жаром, что вода вся выходит в виде пара, оставляя лишь маленькие следы на глазах. На лбу со страшной быстротой двигаются и даже бегают брови. Умеет говорить неподражаемо: «Шицкий». Сказочных дел мастер. Особенно искусен в загрязнении своей рубашки. Дерется и в гневе опасен. На голове носит шкурку от белого барана, чем гордится. Известный оратор. Голос громкий.

Малахова Варя. Переодетый донской казак. Знает большое количество крепких слов. Владетельница «куцехвостой» коровы. Изучила в совершенстве наречие диких-папуасов. Разделяет с Лавровым власть над Дезиком. В числе своих предков имеет Степана Разина. Особенное искусство обнаружила в раскрытии рта во время смеха. Смеется оглушительно, как артиллерийская батарея, причем держится за живот, который, впрочем, не болит. Спит, когда придется, не разбирая времени. Постоянно теряет гребешки, которые бесполезны. Бегаёт вдвое быстрее зайца. Может и огреть...

Сокологорская Таня, легкая как пух колонистка. Личико умильное, голосок сладенький. Певчая птица. Оставила в наследство колонии тоненькие с высокими каблучками башмачки и изящнейшие, хотя рваные, калошки. Модница и танцорка. Когда пляшет, то ножками так изящно помахивает, что все так и впиваются глазами в носок и в пятки. Прекрасная работница на виду; если же не на виду, то быстро утомляется и отдыхает. Из породы

вертишеек. Ласковая-преласковая. Родина ее — тихий омут, где водятся чертенята.

Шеншин Петя, очень обязательный колонист. Если что попросить его сделать, то всегда раз десять спросит: «Так тебе очень, очень нужно? Обязательно нужно? Может быть, и еще что принести?» — и, в конце концов, ничего не принесет. На все согласен, за все берется. Больше всего любит ходить, говорить и мечтать. Очень скромный молодой человек из робкого десятка. Профессор крокета.

Широков Боря, тихонький мальчик, который еще никому не помешал. Быстрый на ноги, мастер поговорить по душам во время работы. Тон жалостный. Соглашается на все, но кое-что и может сделать. Болеет в Москве и поправляется в колонии или болеет в колонии и поправляется в Москве. Охотник заводить новые знакомства. На лице ни одной складочки, ни одной морщинки. Скандалов не производит и не знает, как сжимать руку в кулак.

Широкова Галя, хозяйственная колонистка неопределенных лет. Все делает в меру: и балуется, и читает, и гладит, и варит. Если есть книжки — читает, а нет — и так обойдется. Знаменитая заведующая потерянными кружками. Каким-то чудом узнает, чиста ли посуда, в полной темноте. Вид серьезный и хлопотливый, но посуды становится все меньше и меньше, а которая осталась, та грязная. Глаза немного вытаращены. В колонии приобрела увесистость.

Шустрова Маня стала, наконец, длинная-предлинная, а худая всегда была. Знает толк в модах: чулки зеленые, платье розовое, пояс красный, воротник голубой, фартук желтый и вуаль небесного цвета. Впрочем, для экономии ходит и босиком. Говорит, не шевеля губами. Усердная гладильщица и член клуба хохотушек. В прачечной моет больше чужие косточки. Мастерница заводить от скуки крошечные истории, а сучает часто. Собою рыжеватенькая. Голосочек как ниточка.

Щербаков Женя, отчаянный хлопотун, наполняющий своими делами всю колонию. Подражаться, помириться, обидеться, подружиться, подсмотреть, подстроить, задразнить, собрать компанию и сейчас же ее бросить — такова его шумная жизнь. С своим коротким носиком поспеет всюду. Любит играть первые роли и быть председателем. Человек минуты. Очень подозрителен — во всем чует подвох. Все старшие — его враги, которые злоумышляют на его жизнь. Человек горячий, прямо с пылу. Часто «вертит вола», но редко «засыпается» — умеет выйти сухим из воды. Превосходно лает за маленькую собачку. Если разогреть, то может сразу откусить голову.

Щербаков Леня. Великовозрастный путаник. Всегда спрашивает в субботу о том, что ему надо было делать в пятницу. Знаменитый фотограф, портит пластинки с необычайным проворством, проявляет в закрепителе, а закрепляет в проявителе, отчего иногда снимки не удаются. Всегда занят не тем, о чем говорит. Если говорить при нем про черный хлеб, то Леня подумает долго, почешет затылок и спросит: «Так, значит купаться?» Смутить его нельзя. Он твердо уверен, что никогда не ошибается. Изобретатель слова «скверненький». Директор сонной фабрики и большой артист на роли, где требуются дырявые штаны. Мыться и чистить комнату воздерживается. Большой приятель Кости Пендзюры.

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Обыкновенно говорят, что после праздника наступают будни. Праздник — день большого возбуждения, радости, подъема. Будни — потянутся дни обыкновенные, похожие друг на друга, серенькие. Но перед нашим праздником урожая* все школьники, все учителя и само население испытывали большой подъем. Все, кто принимал участие в этой работе, такой важной для жизни всей страны, почувствовали, что у них есть одно общее дело. По всей стране проходили съезды Советов, на них всегда ставили вопрос о вызове других уездов, округов и областей на соревнование, перекликались друг с другом: фабрика с фабрикой, города с деревнями, заводы с сельскими округами, совхозы с колхозами. Вся страна пришла в движение. Ученики стали больше заглядывать в географические карты; стало интересно узнать, где кто живет и как работает. И чем дальше, тем больше. Страна становится действительно единой, с общим хозяйством и общим планом. Мы раньше жили плохо, плохо жили до революции. Наша великая революция должна в корне изменить нашу жизнь. И вот теперь все, все люди нашего СССР — и большие, и малые — принялись за самое решительное улучшение всех сторон жизни. Эта прекрасная жизнь будет не для отдельных людей, а для всех, решительно всех, кто вместе трудится, вместе заботится об общих делах. Не об одном урожае идет речь. Урожай дал нам достаточно для всех — хлеба, масла, сахару, мяса, льна, хлопка, плодов и овощей. Но нам нужны машины, тракторы, платье, обувь, дома хорошие, железные дороги, автомобили. Нам нужны нефть и каменный уголь. Нам нужны металлы в изобилии. Все мы должны двинуть вперед. И мы начали двигать сильно, могущественно нашу жизнь вперед. Мы дадим всем хорошие книги, газеты, журналы. Мы дадим возможность всем учиться, всем — развивать свои силы. Чем больше разовьем свои силы, больше будем знать и уметь, тем нам будет лучше: общее дело выиграет. Если сейчас этого еще нет, то это только пока, когда мы еще мало сделали. А придет скорое время: мы догоним и перегоним все другие богатые и образованные

страны. У них — одни богатые, другие нищие, у них — одни образованные, другие ничего не знают; у них и сила, и богатство, и ум служат для того, чтобы поработать слабые народы. Мы против этого. Кто с нами, с коммунистами, кто за общее дело освобождения трудящихся, тот добьется всего, чего хочет.

И вот, если на нашем празднике урожая был большой подъем, то после него у нас не наступают будни. У нас не будет серенькой жизни. Мы смолоду, с малых лет будем стараться изо всех сил, чтобы принять участие в великом потоке трудовой жизни. Мы хотим трудиться тоже на общую цель — строить новую, небывалую коммунистическую жизнь. У нас все будет общее.

Через пять лет у нас будет 20 миллионов учеников. Если каждый ученик добьется того, что своими руками, вместе с товарищами, получит 200 килограммов урожая в год, то все вместе получат 4 миллиарда килограммов, или 4 миллиона тонн. Считая по 16 тонн на вагон, всего будет 250 тысяч вагонов, или 5 тысяч поездов, всякого хлеба. Вот что могут сделать ребята, если примутся за дело.

Пока же мы только начинаем. Начинаем дружно, хорошо. Будем работать вовсю. Когда мы вырастем, когда начнем работать в наших союзах, совхозах, колхозах, фабриках, заводах, когда мы будем инженерами, учителями, учеными, врачами, агрономами, когда мы начнем отдавать нашей великой стране все то, что она на нас потратила, тогда мы скажем: «Мы работаем уже давно, мы знаем, что такое советская работа, мы уже строили новую жизнь, мы настоящие ленинцы».

«Коммунист — значит общий» *, — сказал Владимир Ильич. Мы сообща двигаем жизнь. Мы тратим все наши силы, трудимся над строительством коммунизма.

КОЛОНИСТАМ-ЭКСКУРСАНТАМ

Дорогой товарищ Роман *, прошу письмо прочесть колонистам-экскурсантам.

Я много думал о вас, дорогие мои товарищи, и когда шел по Кавказу, и теперь, когда сижу в Крыму. Вы увидели огромный кусок нашей страны, и как раз тот кусок, который населен национальностями, жившими до революции в полукрепостных условиях, в родовом быту, с феодалами-помещиками. Вы видели, как много возможностей у людей жить по-человечески — и солнце, и быстрая вода, и могучая растительность, и прекрасный воздух, и целебные ключи — и как этим мало пользуются до сих пор.

Вы поняли, как нужно много вкладывать сил своих в работу, которая превратит самые грозные силы в помощь людям.

Я видел ваш интерес к тому, как живут другие люди, вы видели, как пока им трудно жить и работать, вы видели, как старое перемешано с новым. Когда я проходил по Осетии, по Грузии, у меня постоянно мелькала мысль о будущем. Я сравнивал культурную Швейцарию с нашим могущественным Кавказом. Пока Швейцария сильно нас опередила. У нас будущее. И это будущее зависит от нас.

Я хотел бы, приехав в колонию, найти группу молодых товарищей, с которыми мы найдем общий язык, понимание, и жажду свои силы направить так, чтобы быть хорошими участниками новой жизни, которая выковывается в нашей стране.

Через небольшое количество лет вы все вступите в широкую жизнь, вы вступите в сильную армию нашей молодежи, которая будет работать лучше, чем мы, которой на долю выпадут величайшие в мире победы и над старым строем жизни, и над природой, и над климатом, и над ветром, и над водой, и над техникой. Вы увидите и будете управлять такими машинами, которые нам и не снились. Вы увидите гигантское развитие культурной жизни в нашей стране, и оно произойдет благодаря вашим усилиям, усилиям новых людей.

Для меня самый серьезный вопрос — это о воспитании в себе нового человека. Я жил в старом, и старый человек мне уже противен. Вы не жили так в старом, как я, вам легче укрепить в себе новое.

Я хотел бы, видя вашу смелость в горах, на крутизнах, среди серьезных опасностей, которые вы легко преодолевали, видеть вас смелыми в вашей работе над наукой, техникой, общественной работой. Вы можете быть смелыми в экскурсии, вы могли не жалеть своих сил, вы доказали это. Слабости, дряблости в вас не было. Если и бывали минуты раздражения, недовольства, воркотни, то это было от старого.

Надо, чтобы вы помнили и ледник, и Мамисонский перевал, и жуткую ночевку наверху, и купание в ледяных ручьях.

Давайте ничего не бояться, давайте работать вовсю, давайте разовьем в себе товарищеский дух, давайте помогать нашей великой партии в ее колоссальном деле перестройки всего мира. Его надо перестроить.

Ваш проводник

С. Шацкий

КОММЕНТАРИИ

СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ, ВЫСТУПЛЕНИЯ 1930—1934 годы

Выступление на **Втором Всесоюзном партийном совещании** по народному образованию

Второе Всесоюзное партийное совещание по народному образованию работало с 26 по 30/IV 1930 года. С. Т. Шацкий выступал в прениях по докладам А. С. Бубнова и Н. А. Скрыпника. Выступление С. Т. Шацкого было впервые опубликовано в книге «Второе Всесоюзное партийное совещание по народному образованию» (Стенографический отчет), М.—Л., Учпедгиз, 1931. Печатается по тексту этого издания.

Стр. 11. См.: Н. К. Крупская, Педагогические сочинения, т. 8, М., Изд-во АПН РСФСР, 1961, стр. 74.

Стр. 12. ФЗУ — школы фабрично-заводского ученичества, которые были созданы в 1920 году для подготовки квалифицированных рабочих из молодежи.

Алексей Капитонович Гастев (1882—1937) в упоминаемый период был директором Центрального института труда (ЦИТа) при ВЦСПС. В ЦИТе изучались вопросы организации производства и подготовки квалифицированных кадров рабочих.

Стр. 13. Ликбез — работа по ликвидации неграмотности и малограмотности, осуществлявшаяся в СССР по инициативе В. И. Ленина в 20—30-х годах.

Стр. 14. *Алексей Иванович Стецкий* (1896—1938) — член КПСС с 1915 года, участник Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, в указанный период — партийный работник.

С. Т. Шацкий в конце 20-х — начале 30-х годов вел большую работу по оснащению школы разнообразными наглядными пособиями и учебным оборудованием. В январе 1931 года он был утвержден руководителем сектора учебников и учебных пособий Программно-методического института Наркомпроса РСФСР. См.: ЦГА РСФСР, ф. 301, оп. 9, ед. хр. 8, л. 246.

**Из лекционного курса
«Колхозное строительство и школа»**

Лекционный курс «Колхозное строительство и школа» был прочитан С. Т. Шацким на педагогическом отделении Рабоче-крестьянского радиоуниверситета для работников народного образования в период с 18/II по 19/III 1930 года. Стенограммы лекций хранятся в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 237, л. 78—151. В комментариях к каждой лекции указаны листы хранения. К изданию курс лекций подготовлен М. Н. Скаткиным.

Лекция первая. Прочитана С. Т. Шацким 18/II 1930 года (л. 78—81).

Стр. 16. В. И. Ленин, Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 400.

Стр. 20. Автор имеет в виду высказывание В. И. Ленина на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования. См.: В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 403.

Стр. 27. Упомянутый район — район Первой опытной станции в Калужской области.

Лекция вторая. Прочитана 19/II 1930 года (л. 82—83).

Стр. 30. См.: В. И. Ленин, Задачи союзов молодежи. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 301—302.

Стр. 33. См.: В. И. Ленин, От разрушения векового уклада к творчеству нового. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 315.

Лекция третья. Прочитана 24/II 1930 года (л. 84—91).

Стр. 39. С. Т. Шацкий имеет в виду *Кабицынскую школу* в деревенском отделении Первой опытной станции.

К. Маркс, Инструкция делегатам Временного Центрального совета по отдельным вопросам. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 16, стр. 197—198.

Лекции четвертая и пятая. Прочитаны 25/II 1930 года (л. 92—110).

Стр. 50. В «Программах начальной школы», составленных учебно-методическим сектором Наркомпроса РСФСР в 1930 году, рекомендовалась организация учебной работы по методу проектов. Впоследствии использование метода проектов в школьной практике было осуждено в Постановлении ЦК ВКП(б) от 5/IX 1931 года «О начальной и средней школе». См.: «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании», Сборник документов за 1917—1947 годы, вып. 2, М.—Л., Изд-во АПН РСФСР, 1947, стр. 153.

Понимая несовершенство методов школьного преподавания, С. Т. Шацкий непрестанно искал новые формы организации учебных занятий и воспитательной работы. В школах Первой опытной станции экспериментально проверялся метод работы по проектам. С. Т. Шацкий и его сотрудники намечали проекты как планы общественно полезных дел, используя их для установления тесной связи обучения с жизнью. В лекциях С. Т. Шацкий знакомит учителей с организацией работы по методу проектов, опираясь на опыт работы школ I ступени Первой опытной станции.

Стр. 52. Точка зрения С. Т. Шацкого о служебной роли навыков и знаний обусловлена применением метода проектов.

Лекция шестая. Прочитана 26/II 1930 года (л. 111—117).

Стр. 55. См.: К. Маркс, Тезисы о Фейербахе. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 4.

Стр. 56. Пример дан С. Т. Шацким из опыта работы колонии «Бодрая жизнь» (1916 год).

Стр. 57. Здесь и далее С. Т. Шацкий имеет в виду автоматизм движений детей, который достигается путем механической тренировки.

Лекция восьмая. Прочитана 3/III 1930 года (л. 122—130).

Лекция девятая. Прочитана 17/III 1930 года (л. 131—137).

Стр. 69. См.: И. М. Варушкин, Первая помощь. Для школьников и пионеров старшего возраста. С краткими сведениями из анатомии и физиологии человека. Из серии «К здоровой жизни», Сергиев, 1929.

И. Бобынина и О. Лысогорская, Здоровая смена. Санитарная книжка для чтения и работы в школе и дома. Для I и II групп школы I ступени, М.—Л., 1928.

«Новая деревня». Книга для чтения в I группе сельской школы, сост. В. И. Волынская и др., М.—Л., 1927.

«Школа и деревня». Вторая книга для чтения и работы в деревенской школе, сост. Е. Я. Фортунатова и Л. К. Шлегер, М.—Л., 1928.

Колхозное движение

Эта лекция была прочитана С. Т. Шацким учителям Первой опытной станции по народному образованию 21/III 1930 года. Публикуется впервые, хранится в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 237, л. 152—171.

Стр. 78. В. И. Ленин, Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 405.

См.: В. И. Ленин, Странички из дневника. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 366.

Стр. 83. С. Т. Шацкий имеет в виду Постановление ЦК ВКП(б) от 14/III 1930 года «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». См.: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, издание 7-е, М., Госполитиздат, 1954, стр. 671.

Основные принципы построения новых программ

Беседы С. Т. Шацкого с учителями школ I ступени на факультете культурного строительства в институте заочного обучения по радио были проведены 22, 24 и 27/X 1930 года. Публикуются по книге: С. Т. Шацкий, Основные принципы построения новых программ. (На правах рукописи), М., Изд-во НКПТ, 1931.

Стр. 91. Имеются в виду «Программы начальной школы (сельский вариант)», составленные Учебно-методическим сектором Наркомпроса РСФСР, М., Госиздат, 1930.

К. Маркс, Критика Готской программы. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 19, стр. 18.

Стр. 92. Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 19, стр. 223.

Статья впервые была опубликована в журнале «На путях к новой школе» (1931, № 3) с подзаголовком «Из доклада на съезде Всеобуча 24/II 1931 года». С небольшими сокращениями была помещена в Избранных педагогических сочинениях С. Т. Шацкого, М., Учпедгиз, 1958. В настоящем издании печатается по тексту журнала.

Стр. 112. *Иван Иванович Барсуков* — член Коллегии Наркомпроса РСФСР, заместитель заведующего школьным сектором Наркомпроса.

Стр. 115. См.: Ф. Энгельс, Письма из Вупперталя. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, стр. 464—467.

Вопросы народного образования на XV съезде Советов

Статья публикуется с небольшими сокращениями по тексту журнала «На путях к новой школе», 1931, № 3.

Стр. 116. XV Всероссийский съезд Советов проходил в Москве с 26/II по 5/III 1931 года.

А. С. Бубнов выступал на съезде 1/III 1931 года с докладом «О всеобщем обучении и политехнизации массовой школы». См.: «XV Всероссийский съезд Советов». (Стенографический отчет), М., Изд-во ВЦИК, 1931; А. С. Бубнов Статьи и речи о народном образовании, М., Изд-во АПН РСФСР, 1959.

Стр. 117. Выступление *П. Т. Милославского* (Северо-Кавказский край) см. в «Бюллетене» № 13 указанного выше стенографического отчета, стр. 15—16.

Стр. 118. Выступление *Р. В. Абубакирова* (Башкирская АССР) опубликовано в «Бюллетене» № 11, стр. 34—39.

Выступление *С. А. Алыпова*, делегата Восточно-Сибирского края, см. в «Бюллетене» № 13, стр. 5—8.

Стр. 119. Выступление *Н. И. Мирецкого* (Москва) опубликовано в «Бюллетене» № 12, стр. 6—8.

Стр. 120. Выступление *И. Я. Свидовского* (Сев. Кавказ) помещено в «Бюллетене» № 12, стр. 13—14.

Стр. 121. См. выступление *Г. А. Тархановой* (Дальневосточный край) в «Бюллетене» № 12, стр. 18—19.

Выступление *Я. В. Вострецова*, делегата Средне-Волжского края, напечатано в «Бюллетене» № 12, стр. 5—6.

См. выступление *Н. П. Березиной* (Ивановская обл.) в «Бюллетене» № 11, стр. 17.

Стр. 122. Выступление *А. Г. Галева* (Татарская АССР) помещено в «Бюллетене» № 12, стр. 19—20.

Выступление *М. И. Балябиной* (Западная обл.) опубликовано в «Бюллетене» № 12, стр. 23—24.

См. выступление *Д. А. Алексеевой* (Ленинградская обл.) в «Бюллетене» № 13, стр. 13—14.

Стр. 123. *Н. К. Крупская* выступила на XV съезде Советов 1/III 1931 года. См. это выступление в «Бюллетене» № 11, стр. 21—26. Слова из ее речи, приведенные С. Т. Шацким, см. там же, стр. 21.

Стр. 124. Выступление делегата Западно-Сибирского края *Н. В. Вихирева* помещено в «Бюллетене» № 11, стр. 17—21.

См. выступление делегата *И. А. Переля* в «Бюллетене» № 11, стр. 8—11.

Стр. 125. Выступление делегата Средне-Волжского края С. С. Тизанова помещено в «Бюллетене» № 11, стр. 1—4.

Стр. 126. См. выступление С. Т. Любимовой (Москва) в «Бюллетене» № 13, стр. 15—16.

О проблеме качества во всеобщем начальном обучении

Работа публикуется впервые. Это тезисы доклада С. Т. Шацкого на III сессии Государственного Ученого Совета Наркомпроса РСФСР, которая проходила с 28/XII 1930 года по 2/I 1931 года. Тезисы I, II, IV—XII даны по материалам, хранящимся в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 237, л. 152—174. Тезис III дан по рукописному тексту из Научного архива АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 250, л. 32—38.

О ликвидации второгодничества

Статья впервые была опубликована в газете «За коммунистическое просвещение» от 14/V 1931 года под названием «На ликвидацию второгодничества». В этом виде была помещена в Избранных педагогических сочинениях С. Т. Шацкого. В несколько расширенном виде статья была опубликована в журнале «На путях к новой школе», 1931, № 5. В данном томе Педагогических сочинений С. Т. Шацкого статья дается по тексту журнала.

Стр. 136. См.: П. П. Блонский, Трудные школьники, М., «Работник просвещения», 1929, стр. 106.

Уклоны

Рукопись печатается впервые, хранится в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 237, л. 175—178. Рукопись без даты, но, по-видимому, она относится к началу 30-х годов, когда в школе-девятилетке старшие классы имели профессиональные уклоны.

Речь на совещании сотрудников опытных учреждений Наркомпроса

Это стенограмма выступления С. Т. Шацкого на совещании сотрудников опытных учреждений Наркомпроса 25/XI 1932 года. Публикуется впервые, хранится в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 2, л. 31—34.

Стр. 148. *Опытными учреждениями* Наркомпроса РСФСР в этот период были: школа им. А. Н. Радищева и школа им. А. М. Горького в Москве, 1-я школа Ленинграда и ряд других.

Речь идет о *Центральной экспериментальной педагогической лаборатории Наркомпроса (ЦЭПЛ)*, деятельностью которой С. Т. Шацкий руководил с 9/V 1932 года до конца жизни. Эта лаборатория изучала, обобщала и внедряла в практику передовой педагогический опыт.

С. Т. Шацкий имеет в виду указания об уроке как основной форме учебной работы в постановлении ЦК ВКП(б) от 25/VIII 1932 года «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе». См.: «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании». Сборник документов за 1917—1947 годы, вып. 1, М.—Л., Изд-во АПН РСФСР, 1947, стр. 159—166.

Статья впервые была опубликована в Избранных педагогических сочинениях С. Т. Шацкого. Это стенограмма доклада на совещании сотрудников опытных учреждений Наркомпроса 26/XI 1932 года. Статья публикуется по Избранным произведениям С. Т. Шацкого.

Стр. 152. См.: Ф. М. Достоевский, Дневник писателя за 1876 г., Спб., 1877, стр. 5.

Стр. 155. Ф. Энгельс, Диалектика природы. К Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 539.

Стр. 161. Школа им. А. Н. Радищева Москвы входила в систему опытных учреждений Наркомпроса.

Сообщение об итогах ознакомления с работой ленинградских образцовых школ

Выступление С. Т. Шацкого публикуется по протоколу заседания Центральной экспериментальной педагогической лаборатории Наркомпроса от 23/X 1934 года.

Поездка в Ленинград и встреча с учителями образцовых школ была последней встречей С. Т. Шацкого с учителями, а доклад об этой поездке — последнее выступление. Стенограмма доклада хранится в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 2, л. 158—162. Стенограмма подготовлена к изданию Л. Н. Скаткиным.

Стр. 163. Николай Сергеевич Поздняков (род. в 1876 г.) — методист-словесник, автор ряда учебников для школ и «Методики русского языка» для учительских институтов. В 30-х годах являлся сотрудником Центральной экспериментальной педагогической лаборатории Наркомпроса и вместе с С. Т. Шацким в октябре 1934 года выезжал в Ленинград для изучения опыта образцовых школ.

Стр. 164. Классы ИЗО, т. е. классы, специально оборудованные для занятий по изобразительному искусству.

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Предисловие к сборнику «Этапы новой школы»

В июне 1922 года в Москве состоялась конференция работников Первой опытной станции, на которую были приглашены учителя Москвы. Доклады, прочитанные на конференции, были опубликованы в сборнике «Этапы новой школы», под ред. С. Т. Шацкого, М., «Работник просвещения», 1923. Публикуемая статья — предисловие, написанное С. Т. Шацким к этому сборнику.

Доклад о школе II ступени

Этот доклад был сделан С. Т. Шацким в деревенском отделении Первой опытной станции 3/II 1923 года. Запись доклада хранится в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 171, л. 15—16, публикуется впервые.

Предисловие к книге «Годы исканий»

Публикуемая работа — предисловие, написанное С. Т. Шацким к книге «Годы исканий», М., «Мир», 1924. В первом томе Педагогических сочинений С. Т. Шацкого «Годы исканий» (Часть I) помещена без этого предисловия.

К вопросу об учете работы просветительных учреждений

Статья публикуется по тексту в сборнике «Организация и методы просветительной работы», под ред. И. Векслера, Я. Гайлиса, И. Переля, М. Эпштейна, М., «Работник просвещения», 1927.

Стр. 188. Речь идет о программах ГУСа, построенных по комплексному принципу.

Стр. 190. Так называли в те годы аналитико-синтетический звуковой метод обучения грамоте, который, как известно, до сих пор является основным в практике советской начальной школы. Обучение грамоте по методу целых слов, проводившееся в 20-х — начале 30-х годов, оказалось менее эффективным и было заменено аналитико-синтетическим звуковым методом.

Выступление на дискуссии о спорных вопросах марксистской педагогики

Выступление С. Т. Шацкого на дискуссии о спорных вопросах марксистской педагогики 3/XII 1928 года было опубликовано в сборнике «Спорные вопросы марксистской педагогики», М., 1928. В связи с этим выступлением С. Т. Шацкий был обвинен в «правом уклоне» в педагогике. См. письмо С. Т. Шацкого Н. К. Крупской в настоящем томе (стр. 258) и комментарии к нему (стр. 313).

Стр. 196. *Виктор Николаевич Шульгин* — работал в Наркомпросе РСФСР в 1918—1931 годах, был членом Коллегии Наркомпроса, руководил Институтом методов школьной работы при Наркомпросе.

Статья В. Н. Шульгина «Педагогика переходной эпохи», упоминаемая С. Т. Шацким, была опубликована в журнале «На путях к новой школе», 1927, № 9.

См. высказывание В. И. Ленина в «Политическом отчете ЦК РКП(б) XI съезду РКП(б)» 27/III 1922 года. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 78.

Стр. 198. С. Т. Шацкий имеет в виду программу, построенную по комплексному принципу (1923—1930 годы).

Алексей Георгиевич Калашников (1893—1962) — доктор физико-математических наук, действительный член АПН РСФСР, в 1946—1947 годах министр просвещения РСФСР.

Альберт Петрович Пинкевич (1883—1939) — профессор педагогики, в 1924—1925 годах ректор 2-го МГУ, а затем руководитель Научно-исследовательского института при 2-м МГУ.

О товарищах по работе

Надежда Осиповна Массалитинова

Статья печатается по тексту, опубликованному в «Бюллетенях дошкольного воспитания Наркомпроса», 1921, № 7-8. Это некролог Н. О. Массалитиновой, умершей в мае 1921 года. См. о ней коммен-

гари в первом томе Педагогических сочинений С. Т. Шацкого.

Стр. 201. *Владислав Станиславович Пирусский* (1857—1933) — врач и педагог. Он широко пропагандировал в Сибири идеи физического воспитания детей и молодежи, в 1895 году организовал в Томске «Общество содействия физическому развитию».

По инициативе В. С. Пирусского были организованы детские летние площадки, колонии, курсы гимнастики для учащихся и учителей, курсы дошкольных работников.

Педагогическая деятельность Луизы Карловны Шлегер

Статья написана С. Т. Шацким в 1923 году в связи с шестидесятилетием Л. К. Шлегер. См. комментарии о ней в первом томе Педагогических сочинений С. Т. Шацкого. Публикуется впервые, хранится в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 116, л. 207—211.

Луиза Карловна Шлегер — для тех, кто ее знает

Статья была написана к шестидесятилетию Л. К. Шлегер, впервые опубликована в журнале «Вестник просвещения», 1923, № 11—12. Печатается по тексту журнала.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

Большая часть эпистолярного наследства С. Т. Шацкого погибла в 1930 году во время пожара в колонии «Бодрая жизнь» или утеряна. Из сохранившихся писем для опубликования отобраны письма или извлечения из писем, в которых раскрываются педагогические взгляды и деятельность С. Т. Шацкого.

Письма 1913—1914 годов

Л. К. Шлегер

Письма Станислава Теофиловича Шацкого к Луизе Карловне Шлегер написаны им в период с октября 1913 года по апрель 1914 года, когда он совершал свою вторую заграничную поездку по Германии, Бельгии, Франции и Швейцарии. Целью его поездки, так же как и первого путешествия в Скандинавские страны в 1910 году, были «поиски трудовой школы» (См.: С. Т. Шацкий, Педагогические сочинения, том первый, стр. 59).

В тот период общество «Детский труд и отдых» имело детский сад, начальную школу, клуб для детей, подростков и молодежи до 17 лет, летнюю колонию «Бодрая жизнь». Работа этих учреждений не вполне удовлетворяла педагогов-сотрудников общества. Они ставили перед собой задачу организовать школу для подростков, а также для работающей молодежи, в которой учащиеся совершенствовались бы свою профессиональную подготовку, получая в то же время научные знания, эстетическое, нравственное и физическое воспитание. Трудовое обучение предполагалось укрепить и в практике начальной школы общества.

Эти планы на первых порах были поддержаны членами финансового комитета общества, субсидирующими работу деньгами, в частности С. И. Четвериковым, неоднократно упоминаемым в письмах. Однако члены финансового комитета выдвигали лишь узкопрактическое требование «довести до дела» детей и подростков в учреждениях общества «Детский труд и отдых». Этот «социальный заказ» вызывал у ряда сотрудников скептическое отношение к самой идее трудовой школы.

Во время своей поездки С. Т. Шацкий тщательно изучает создававшиеся в то время трудовые школы за границей. Своими впечатлениями об увиденном и соображениями о дальнейшей работе учреждений общества «Детский труд и отдых» он делится с Л. К. Шлегер, а через нее со своими товарищами по работе.

Всего публикуется 13 писем. Они хранятся в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, ед. хр. 242, л. 41—43, 140—165 (в соответствии с порядком опубликования писем см. л. 140—141, 142—143, 144—145, 146, 147, 151—152, 153—156, 161—164, 157—158, 149—150, 41—43, 148, 165).

Большая часть писем сохранилась без дат. Даты определены по указанию В. Н. Шацкой. Письма публикуются впервые, подготовлены к печати В. Н. Шацкой и Д. С. Бершадской.

Стр. 219. Федор Федорович Эрисман (1842—1915) — педагог-гигиенист, основоположник школьной гигиены в России. В упоминаемый период жил в Швейцарии.

Стр. 220. Эд. Эртли — швейцарский педагог. Автор книги «Народная школа и трудовое начало», опубликованной в Швейцарии «Швейцарским союзом для распространения ручного труда среди детей». На русском языке была издана в 1914 году.

«Свободное воспитание» — ежемесячный педагогический журнал, издававшийся в Москве в 1907—1918 гг.

Купцами С. Т. Шацкий называет членов финансового комитета общества «Детский труд и отдых», которые субсидировали работу.

Стр. 222. Далее автор письма дает схему учебных заведений Цюриха.

стр. 226. *Гуардия Франсиско Феррера* (1850 — 1909) — испанский просветитель и педагог, который был казнен за свою республиканскую и антиклерикальную деятельность. Речь идет о школе, носящей его имя и основанной на средства рабочих в Лозанне.

Николай Александрович Рубакин (1862—1946) — писатель, известный библиограф и библиофил — находился в то время за границей.

По-видимому, *Павел Иванович Бирюков* (1860—1931) — секретарь, впоследствии биограф Л. Н. Толстого.

Автор имеет в виду «Дом свободного ребенка», основанный К. Н. Вентцелем в 1906 году.

Институт им. Ж.-Ж. Руссо (Institut J. J. Rousseau) — учреждение для подготовки учителей, основанное в Женеве в 1912 году в связи с празднованием двухсотлетия со дня рождения Руссо, существует до настоящего времени. Институт ведет не только учебную, но и научно-исследовательскую и информационную работу.

Стр. 227. *Сергей Иванович Четвериков* — член финансового комитета общества «Детский труд и отдых».

См. также об этом письмо к Л. К. Шлегер, написанное в конце марта — начале апреля 1914 года, стр. 248.

Стр. 228. Речь идет о Елене Яковлевне Фортунатовой.

Стр. 229. *Адольф Ферьер* (A. Ferriere), родился в 1879 году, швейцарский педагог, профессор Института им. Ж.-Ж. Руссо с 1912 по 1922 год. Организатор и председатель «Международного бюро новых школ», учрежденного в Швейцарии в 1912 году.

М. Бове (M. Bovet) — директор Института им. Ж.-Ж. Руссо.

Эдуард Клапаред (1873—1940) — швейцарский психолог, основатель Института им. Ж.-Ж., Руссо.

Себастьян Фор (1858—1942) — основатель и руководитель школы-колонии «Улей» под Парижем.

Стр. 230. Далее в письме даны 3 рисунка.

Стр. 231. *Дмитрий Николаевич Анучин* (1843—1923) — выдающийся русский географ, этнограф, антрополог и археолог.

Стр. 232. Автор имеет в виду книгу: Г. Кершенштейнер, Развитие художественного творчества ребенка, пер. под ред. С. Левитина, М., 1914.

Стр. 234. Далее в письме С. Т. Шацкий дает рисунок, воспроизводящий узор на стенах.

Стр. 235. Далее дан рисунок рабочего стола, о котором идет речь. Автор дает чертеж тисков.

Стр. 236. Дан рисунок кассы.

Дается чертеж доски с поперечно набитыми дощечками.

Далее следует рисунок С. Т. Шацкого — маленькие счеты.

Стр. 237. В письме изображены элементы букв.

Стр. 239. *Устиныч* — Александр Устинович Зеленко.

Стр. 241. Книга Г. Кершенштейнера «Трудовая школа» издавалась на русском языке в 1910 году (М., «Свободное слово») и в 1913 году (М., изд. Тихомирова). О какой рецензии идет речь, установить не удалось.

Стр. 242. *Альвин Пабст* (1854—1918) — немецкий педагог, сторонник трудовой школы.

Гуго Гаудиг (1860—1923) — немецкий педагог, разработывавший «педагогику личности», возглавлял женскую учительскую семинарию в г. Лейпциге.

Бертольд Отто (1859—1933) — немецкий педагог, основатель системы подготовки домашних учителей в Берлине. В руководимом им воспитательном учреждении имели место общественные суды над провинившимися воспитанниками. Эта практика получила резко отрицательную оценку Н. К. Крупской. (См. ее статью «К вопросу о школьных судах», Педагогические сочинения, т. 1, стр. 130—134).

Людвиг Гурлитт (1855—1931) — один из представителей «педагогики личности» в Германии.

Стр. 243. *Грамотеи* — руководители издательства «Грамотей».

Стр. 244. *Бертильон Альфонс* (1853—1914) — буржуазный криминалист, издавший систему опознания преступников.

Стр. 248. См. об этом письмо к Л. К. Шлегер от 21/XII 1913 года на стр. 227—228.

Тина — Валентина Николаевна Шацкая.

Стр. 251. Имеется в виду дом-клуб в Москве общества «Детский труд и отдых».

Стр. 253. *Мальчики* — старшие воспитанники учреждений общества «Детский труд и отдых», которые помогали проводить воспитательную работу.

Во время заграничной поездки 1913—1914 годов Валентина Николаевна и Станислав Теофилович Шацкие написали книгу «Бодрая жизнь», часть I.

Герман Литц (1869—1919) — немецкий педагог. Основал ряд сельских воспитательных учреждений типа «новых школ» в Ильзенберге, Биберштейне.

Письма 1926 — 1933 годов

Н. К. Крупской

Письма С. Т. Шацкого, адресованные Надежде Константиновне Крупской, хранятся в архиве Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 784, л. 18—27.

Стр. 255. Имеется в виду «Программа ГУСа для III группы начальной школы» (сельский вариант), подготовленный С. Т. Шацким к 1926/27 учебному году.

Стр. 256. *Фридрих Вильгельмович Ленгник* (1873—1936) — видный деятель Коммунистической партии, работал в Наркомпросе в первые годы строительства советской школы.

Андрей Матвеевич Лежава (1870—1938) — член Коммунистической партии с 1904 года, после Октябрьской революции находился на руководящей хозяйственной и советской работе. В конце 20-х — начале 30-х годов работал в Совнаркоме РСФСР.

Стр. 257. Соцвос — Главсоцвос — Главное управление социального воспитания и политехнического образования Наркомпроса РСФСР.

Стр. 258. Речь идет о письме С. Т. Шацкого в редакцию газеты «Вечерняя Москва» по поводу опубликованной в этой газете 20/II 1929 года заметки «На путях марксистской педагогики» (за подписью «Не педагог»). Познакомившись с материалами, переданными ей С. Т. Шацким, Надежда Константиновна Крупская выступила со статьей-опровержением на страницах газеты «Вечерняя Москва», где писала:

В редакцию «Вечерней Москвы»

В номере 42 (от 20 февраля) «Вечерней Москвы» помещена заметка *Не педагога* — «На путях марксистской педагогики (На диспуте в Политехническом музее.)». В этой заметке достаточно известный передовому учительству педагог С. Т. Шацкий охарактеризован как «идеолог правого крыла московских педагогов». С тех пор как С. Т. Шацкий стал коммунистом и повел энергичную борьбу с кулачеством, у него появилось не мало врагов. Не мало также и таких людей, которые не очень-то понимают, что к чему, не умеют слушать и зникать в постановку вопросов и рады лишь случаю пошуметь и нажать кое-какой капиталец на этом шуме.

С. Т. Шацкого я знаю с 1921 года, близко знаю его взгляды и его большую самоотверженную работу в деле народного образования и могу только удивляться, что возможно появление на страницах «Вечерней Москвы» столь безответственной заметки.

Н. Крупская

23 февраля 1929 г.
Москва

Впервые опубликовано в газ. «Вечерняя Москва» № 46 от 25/II 1929 г. См.: Н. К. Крупская, Педагогические сочинения, т. 11, стр. 315.

В. Н. Шацкой

Письма Валентине Николаевне Шацкой написаны из заграничной командировки в конце июля — начале августа 1933 года. С. Т. Шацкий был командирован на Международный педагогический конгресс в Париж и Реймс.

Газета «За коммунистическое просвещение» от 4/VIII 1933 года сообщала:

«Открылся международный конгресс работников просвещения.

Париж, 2. Вчера открылся международный конгресс единства работников просвещения, созданный по инициативе группы революционных учителей Франции и других стран. Несмотря на официальный бойкот конгресса со стороны лидеров реформистских профсоюзов, прибыли делегаты учительских организаций всех направлений из Франции, Англии, Германии, Бельгии, Швеции, США и других стран. Ожидается также прибытие советской делегации в лице тт. Шацкого и Литвина¹, которые заочно избраны членами президиума конгресса.

Созыву международного конгресса предшествовала большая подготовительная работа, проделанная организационным бюро по мобилизации учительства на борьбу с фашистским террором, военной опасностью и за улучшение экономического положения учительства. В ряде стран состоялись конференции единства работников просвещения, мобилизовавшие учительство на создание единого фронта...

... Первое заседание съезда представляло собой внушительную демонстрацию международной солидарности революционных работников просвещения с жертвами фашистского террора...»

В той же газете от 6/VIII 1933 года была опубликована следующая заметка:

«Международный конгресс работников просвещения приветствует советских делегатов.

Париж, 4. Работы международного конгресса работников просвещения продолжаются. Появление на конгрессе советских делегатов тт. Шацкого и Литвина было встречено пением «Интернационала» и возгласами «Да здравствуют Советы!»

... Советские делегаты выступили с докладами о постановке школьного дела в СССР. Их выступления вызвали большой интерес всех делегатов. Конгресс единогласно принял резолюцию, в которой формулируются требования работников просвещения и намечаются методы борьбы против сокращения зарплаты, фашизма и войны».

В той же заметке сказано, что «конгресс послал делегацию на происходящий в Париже съезд реформистского профсоюза учителей».

---

¹ *Литвин-Седой Зиновий Яковлевич* (1876—1947) — рабочий-коммунист, член партии с 1897 года. С 1921 по 1939 год являлся директором хлопчатобумажного техникума им. Декабрьского вооруженного восстания 1905 года. Был делегатом ряда партийных съездов и конференций.

Из писем С. Т. Шацкого мы узнаем, что он был и на этом съезде, перенесшем свою работу из Парижа в Реймс.

Письма С. Т. Шацкого из командировки хранятся в личном архиве В. Н. Шацкой, подготовлены к печати В. Н. Шацкой и Д. С. Бершадской.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Доклад о политехнизме

Публикуется впервые по стенограмме, хранящейся в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 112, л. 13. Доклад был прочитан в Москве в январе 1930 года. Подготовлен к изданию М. Н. Скаткиным.

Школа и перевыборы Советов

Данная статья является введением к сборнику «Школа и перевыборы Советов» (По материалам Первой опытной станции по народному образованию), под ред. С. Т. Шацкого, М., «Работник просвещения», 1930.

Шестнадцать лет советской политехнической школы

Публикуется впервые по незаконченной рукописи 1933 года, хранящейся в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 250, л. 17—24.

Истории советской школы С. Т. Шацкий посвятил статью «Пути массовой педагогической работы за 10 лет», опубликованную в журнале «Народное просвещение», 1928, № 1. В ней он освещает историю советской школы за 1917—1918 годы. Автор не завершил свою работу. В публикуемой статье С. Т. Шацкий вновь возвращается к истории советской школы, но этот труд также не был закончен.

Стр. 271. См.: В. И. Ленин, Странички из дневника. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 363.

Т а м ж е, стр. 364.

—Т а м ж е, стр. 364—365.

Стр. 272. В. И. Ленин, О кооперации. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 376—377.

См.: Сб. «Народное образование в земствах», под ред. Е. А. Звягинцева, А. М. Обухова, С. О. Серополко и Н. В. Чехова, М., «Задруга», 1914, стр. 4—6.

Стр. 273. Цитата приведена из статьи И. Бубен «Возрождение школы и упрощение русского алфавита», опубликованной в журнале «Бюллетени литературы и жизни», книга IX—X, 1917, стр. 63—64.

Таблица приведена Н. В. Чеховым в книге «Типы русской школы в их историческом развитии», М., «Мир», 1923.

Стр. 274. См.: «Народный учитель», 1917, № 1, передовая статья «Истекший год культурного строительства».

А. Е. Матвеевко, Что же делать?, «Народный учитель», 1918, № 4, стр. 1—4.

Декрет ВЦИК Советов от 16/X 1918 года. «Положение о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Совет-

ской Республики» см. в книге «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании». Сборник документов за 1917—1947 годы, вып. 1, стр. 120—126.

Из доклада на производственной конференции педагогов Московской государственной консерватории

Стенограмма доклада С. Т. Шацкого на конференции педагогов Московской государственной консерватории 11/III 1934 года публикуется впервые. Она была передана комиссии по изучению педагогического наследства С. Т. Шацкого при АПН РСФСР заведующим кафедрой педагогики Московской государственной консерватории И. И. Любимовым в 1958 году. К изданию стенограмма подготовлена В. Н. Шацкой и Л. Н. Скаткиным.

Стр. 276. В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 102.

Стр. 279. Постановление ЦИК СССР от 19/IX 1932 года «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» см. в книге «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании». Сборник документов за 1917—1947 годы, вып. 2, стр. 84.

Имеется в виду *школа* как определенная система обучения музыке.

Из доклада на заседании дирекции Московской государственной консерватории

Протокольная запись выступления С. Т. Шацкого 15/XI 1933 года на заседании дирекции Московской государственной консерватории совместно с заведующими кафедрами публикуется впервые. Хранится в Государственном архиве литературы и искусства СССР, ф. 658, оп. 9, ед. хр. 78, л. 11—12. К изданию подготовлена В. Н. Шацкой.

Из доклада в Коллегии Наркомпроса

Это протокольная запись доклада С. Т. Шацкого на заседании Коллегии Наркомпроса. Доклад был сделан в 1934 году. Точная дата выступления не установлена. Хранится в Государственном архиве литературы и искусства СССР, ф. 658, оп. 14, ед. хр. 599, л. 11—14. К изданию подготовлена В. Н. Шацкой.

Стр. 283. См. Постановление ЦИК СССР от 19/IX 1932 года «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» в книге «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании», Сборник документов за 1917—1947 годы, вып. 2, стр. 77—89.

Выступление на совещании актива учителей 1-й образцовой школы имени А. В. Луначарского

Во время командировки в г. Ленинград С. Т. Шацкий выступил 17/X 1934 года на совещании учителей 1-й образцовой школы имени А. В. Луначарского. Запись выступления хранится в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 2, л. 153—157. К изданию подготовлена Д. С. Бершадской.

Стр. 287. Чебаковская неполная средняя школа Ярославской области была одной из образцовых школ.

Николай Михайлович Головин (1899—1954) — заслуженный учитель РСФСР, директор Чебаковской неполной средней школы.

Стр. 288. *Александров* — один из учителей 1-й образцовой школы имени А. В. Луначарского.

С. Т. Шацкий — детям

Страдальцы

Статья из рукописного журнала «Наша жизнь» (1913), который выпускался в колонии «Бодрая жизнь». Хранится в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 158, л. 32—34.

Стр. 289. Далее в журнале даны несколько иллюстраций, изображающих «страдальцев».

Щербаков, Никитины, Сережа Богачев — воспитанники колонии «Бодрая жизнь».

Работники — головы садовые

Статья из рукописного журнала «Колонист» (1915). Хранится в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 158, л. 48—49. С. Т. Шацкий подписал статью псевдонимом «Неизвестный, всем известный».

Письмо из маленькой колонии

Эта статья С. Т. Шацкого была помещена в рукописном журнале «Колонист» (1915), хранится в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 158, л. 49.

Стр. 293. *Маленькая колония* — летняя колония детского сада общества «Детский труд и отдых» в Пушкино под Москвой; возглавляла колонию Луиза Карловна Шлегер.

Варя Малахова, Леня Виноградов — воспитанники колонии «Бодрая жизнь».

Шуточный словарь колонистов

«Шуточный словарь колонистов» был помещен в рукописном журнале «Колонист» (1915), хранится в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 158, л. 38—43. Сохранился словарь не полностью. При подготовке к изданию был изменен порядок расположения материала: фамилии колонистов даны строго в алфавитном порядке.

После праздника

Статья написана С. Т. Шацким в 1928 году. Хранится в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 242, л. 243—245. Публикуется впервые.

Стр. 298. С. Т. Шацкий имеет в виду Праздник урожая в 1928 году в Калужском отделении Первой опытной станции. См. рукопись С. Т. Шацкого «Праздник урожая» в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 238, л. 92—108.

Стр. 299. В. И. Ленин, Задачи Союзов молодежи. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 314.

Колонистам-экскурсантам

Письмо написано С. Т. Шацким 16/VIII 1929 года после путешествия по Грузии и Осетии. Ежегодные экскурсии старших колонистов по родной стране были традиционными в колонии «Бодрая жизнь».

Отрывки письма были опубликованы в книге Д. С. Бершадской «Педагогические взгляды и деятельность С. Т. Шацкого», М., Изд-во АПН РСФСР, 1960, стр. 199, а также в сборнике «О Шацком», М., Учпедгиз, 1961, стр. 132—133. Письмо хранится в Научном архиве АПН РСФСР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 242, л. 74—75.

Стр. 300. *Товарищ Роман* — Роман Шефаренко — воспитанник колонии «Бодрая жизнь», секретарь комсомольской организации.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Авторитет — 213, 215, 220, 258, 281
Анатомия — 201, 205
Арифметика. См. Математика
- Беседа — 52, 70, 221, 235
Библиотеки — 45, 84, 182, 209, 225, 242, 272
Быт, основные проблемы, борьба с пережитками старого — 21, 22, 34, 40, 81, 84, 138, 170, 184, 199, 208
- Внешкольная работа среди детей — 81, 183. См. также Клубы; Клубная работа; Кружки
Воспитание, его сущность, цели и задачи — 11, 12, 14, 16, 18, 21, 24, 28, 29, 31, 34, 35, 40—42, 48, 50, 55—57, 76, 89—93, 96, 97, 101—103, 109, 110, 112, 121, 142, 175, 179, 182, 184, 197, 199, 220, 240, 242, 247, 254, 261, 269, 270, 281, 300
Воспитание общественно-политическое — 31, 40, 46, 115, 131, 269, 270
— антирелигиозное — 98, 103, 198
— трудовое — 30, 34, 38, 40, 49
— умственное — 15, 39, 57, 58, 109, 111, 153, 154
— физическое — 39, 220
— эстетическое — 13, 251, 252
Воспитатели. См. Педагоги; Преподаватели; Учителя
- Всеобуч — 102, 117, 119, 123, 128, 129, 136
Выставки педагогические — 45, 133, 193, 210
- География — 110, 224, 228
Гигиена и санитария — 30, 62, 70, 71, 81
ГУС (Государственный ученый совет) — 257, 258
- Детская колония. См. Колония детская
Детские ясли — 46, 60—63, 85, 86, 122
Детский дом — 36, 250
Детский сад — 44, 46, 85, 86, 170, 207, 208, 211, 213, 220—222, 229, 231, 232—234, 240, 250
Детское общество (сообщество) — 177, 178, 204
Дисциплина — 12, 20—24, 26, 28, 32, 123, 157, 163, 165, 180, 240, 242, 279, 280, 287, 288
- Естествознание — 30, 52, 55, 68, 100, 110, 113, 131, 202, 205, 228
- Игра, ее воспитательное значение — 52, 53, 61, 62, 68, 202—206, 232, 234, 236, 250
Избы-читальни — 43, 81, 191
Интересы детские — 24, 37, 38, 41, 51—53, 156, 183
Искусство, его воспитательная роль — 132, 233, 250, 279, 281
История — 226

¹ Составитель Ф. А. Фрадкин.

- Класс, группа — 23, 65, 67, 68, 73, 74, 134, 135, 140, 142, 146, 157, 158, 163, 165, 172, 173, 177, 192, 201, 202, 214, 220—223, 226, 231—236, 238, 241, 243, 277, 286
- Клубы, клубная работа — 43, 182, 207, 250
- Книга, ее роль в воспитании и образовании — 43, 59, 68, 69, 85, 101, 105, 107, 108, 112, 113, 118, 127, 128, 130, 164, 171, 176, 215, 220, 225, 226, 228, 229, 231—233, 235, 239, 241, 244, 249, 251, 253, 256, 267, 272
- Колония детская — 56, 172, 234, 243, 252, 253, 291, 293—297, 300
- Коллектив — педагогический — 191, 282, 287, 288
— детский — 42, 55
- Комсомол — 86, 87, 129, 143
- Кружки — 182, 201, 205, 207, 209, 213
- Культурная работа с населением — 12, 26, 77—79, 87, 113, 116—126
- Курсы педагогические. См. Образование педагогическое
- Лекция — 45, 54, 55, 86, 228, 253, 277, 278, 285, 288
- Ликвидация безграмотности (ликбез) — 13, 85, 102, 128
- Мастерские — 43, 84, 128—130, 147, 164, 173, 220, 225, 228, 250—252, 268
- Математика — 55—58, 68, 110, 131, 139, 174, 180, 201, 202, 205, 221, 247, 279, 288
- Методы обучения и воспитания — 13, 15, 17, 21, 50, 51, 57, 59, 88, 98, 103, 109, 110, 111, 113—115, 125, 128, 130—133, 139, 141, 142, 144, 145, 156, 159, 165, 177, 179, 181, 182, 187—193, 197—199, 208, 209, 212, 215, 222, 244, 245, 246, 260, 275—277, 279, 280, 283
- Навыки и умения — 16, 23, 24, 29—31, 49, 50, 52, 55, 57, 58, 66, 68, 109, 127, 131, 141, 142, 145, 155, 173, 174, 191, 199, 250, 272, 278, 283, 284, 296
- Наказание — 32, 59, 136, 137
- Наркомпрос (Народный Комиссариат просвещения) — 26, 27, 58, 61, 91, 108, 125, 148, 149, 169, 198, 258, 283
- Образование общее — 11, 15, 16, 27, 40, 78, 116, 121, 135, 137, 142, 179, 181, 182, 250, 261, 267, 273
— педагогическое — 201—204, 209, 210, 225
- Обучение — 13, 30, 33, 37, 39, 44, 51, 58, 96, 104, 109, 111, 121—123, 125, 127, 128, 135, 137, 141, 142, 153, 154, 179—181, 189, 191, 220, 245, 251, 275, 276, 278
- Общество «Детский труд и отдых» — 203—205
- Общество «Сетлемент» — 207, 245, 253
- Обществоведение — 30, 55, 113, 131, 139, 174
- Педагоги — 14, 21, 31, 33, 37, 48, 90, 109, 115, 123, 139, 162, 164, 169, 170, 177, 178, 180, 199, 201, 206, 210, 211, 216, 242, 272, 275—278, 284, 286—288. См. также Преподаватели; Учителя
- Педагогика — 17, 100, 115, 140, 157, 169, 176, 177, 195, 208, 209, 225, 271, 272
- Педология — 51, 132, 150
- Пение — 62, 224, 232, 233, 234, 251, 252
- Первая опытная станция по народному образованию — 169, 204, 256
- Пионеры — 36, 86, 87, 112, 129, 140, 143
- Политехнизм — 98, 100, 103, 106, 107, 120, 122, 123, 128, 130, 131, 267, 268, 288
- Поощрения — 59, 136, 137
- Преподаватели — 13, 149, 164, 278, 279, 287. См. также Педагоги; Учителя

- Программы школьные — 15, 17, 30, 40, 41, 49, 50, 68, 88, 89, 91, 93, 95, 96, 101, 102, 107, 108, 130, 131, 138, 167, 173, 174, 179, 182, 184, 186, 187, 188, 191, 198, 238, 255—257, 260, 273, 280, 283, 284, 287
- Проекты — 15, 50—52, 54, 55, 59—74, 97, 104, 106, 110, 114, 131, 146
- Пропаганда педагогическая — 113, 128, 210, 284
- Профессиональная подготовка — 12, 13, 33, 144—147, 241, 252
- Психология — 32, 246
- Режим дня — 132, 158, 184
- Рисование — 224, 241, 250, 251
- Русский язык — 55, 57, 58, 68, 69, 110, 111, 113, 131, 139, 141, 180, 189
- Самоуправление детское — 94, 244, 274
- Сочинения детские — 69—71, 73
- Среда, ее влияние на детей — 20, 21, 31, 32, 76, 92, 170, 172, 175, 177—180, 183, 196, 198, 199
- Театр — 13, 43, 45, 53, 72, 85
- Тесты — 189
- Техникумы педагогические — 13, 126, 129, 142, 185
- Труд детей, формы, виды труда — 14, 29, 33, 35—42, 60, 62, 68, 86, 96, 110, 114, 131, 132, 140, 174, 191, 205, 220, 224, 225, 227, 235, 242, 246, 250
- Труд педагогический — 17, 131, 132, 138, 145, 178, 242
- Упражнения — 24, 50, 52, 57, 73, 221, 236, 237
- Урок — 148—151, 152—162, 221, 238, 244, 277, 278, 288
- Участки школьные — 54, 57, 108
- Учебники — 17, 115, 119, 120, 125, 180, 181, 244, 260, 273, 284
- Учебные пособия — 14, 15, 21, 108, 119, 125, 127, 133, 165, 181, 257, 268, 274, 279
- Ученики, школьники — 15, 18, 23, 24, 30, 36—38, 41, 60, 70, 73, 85, 95, 101, 103, 104, 108, 112, 113, 117, 118, 127, 131, 134—136, 138—143, 144—147, 150, 152, 153, 157—159, 165, 172, 174, 181, 187, 191—193, 199, 210, 215, 220—224, 226, 229, 233, 237, 238, 241, 242, 246, 247, 253, 276—279, 286—299
- Учет — 37, 60, 131, 144, 188 — 191, 192—194
- Учителя — 15, 17, 18, 23—25, 31, 38, 50, 53, 57, 68, 72, 73, 75—88, 97, 106, 107, 112, 113, 115, 119, 125—129, 131—133, 136, 139, 141, 143, 148, 151—153, 156, 158—160, 164, 165, 169, 170, 177, 184, 187, 188—194, 198, 199, 201, 219, 224, 226, 229, 233—238, 241, 244, 257, 262, 267, 271, 272, 274, 278, 287—299
- См. также Педагоги; Преподаватели
- Физика — 52, 141, 164, 232, 288
- Физкультура — 52
- Химия — 52, 164, 232
- Школа трудовая советская — 12—16, 18, 19, 25, 27, 29, 30, 31, 35—37, 39, 45—49, 53, 59, 60, 61, 64, 67, 68, 69, 73, 76, 81, 86, 90—92, 95—99, 101, 103, 108, 109, 112, 113—115, 117, 119—123, 125, 132, 137—141, 143, 144, 146, 147, 149, 151, 158, 161—166, 169, 171, 173, 174, 178—182, 184—189, 191, 194, 196—199, 204, 205, 215, 256, 257, 260, 261, 269—274, 276, 279, 287—288
- дореволюционная — 110, 117, 134, 136, 137, 142, 152, 180, 192, 201, 202, 204, 224, 240, 247, 248, 267, 273
- зарубежная — 135, 180, 181, 219, 220—224, 226—232, 234, 238, 241, 242, 244, 247, 254
- Экзамен — 30, 37, 184, 192, 226, 272
- Экскурсии — 48, 49, 52, 57, 68, 70, 147, 190, 234

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Абубакиров Р. В. — 118
Александров — 288
Алексеева Д. А. — 122
Алферов А. Д. — 204, 241
Алферова А. С. — 204
Алыпов С. А. — 118, 124
Анучин Д. Н. — 231
- Балябина М. И. — 122
Барсуков И. И. — 112
Березина Н. П. — 121
Бертильон А. — 244
Бирюков П. И. — 226
Блонский П. П. — 136, 189
Бобынина И. Д. — 69
Бове М. — 228, 253
Боткины (семейство) — 226
Бубнов А. С. — 116, 118, 124,
125
- Вармут — 239
Варушкин И. М. — 69
Вихирев Н. В. — 124
Вострецов Я. В. — 121
- Галеев А. Г. — 122
Галилей Г. — 255
Гастев А. К. — 12
Гаудиг Г. — 242, 249
Гербарт И. — 180
Головин Н. М. — 287, 288
Гомер — 244
Гурлитт Л. — 242
- Декроли О. — 229, 253, 254
Демидов И. — 69
- Джоуль Д. — 154
Достоевский Ф. М. — 152, 178
- Зеленко А. У. — 203, 227, 239,
247, 252
- Калашников А. Г. — 198, 199
Кант И. — 222
Кершенштейнер Г. — 221, 230,
231, 232, 235, 241, 242, 243,
245, 246, 249
Клапаред Э. — 229
Кольдинг Л. — 154
Коперник Н. — 255
Крупская Н. К. — 11, 123, 255,
258, 259
- Левитин С. А. — 232
Лежава А. М. — 256
Ленгник Ф. В. — 256
Ленин В. И. — 16, 20, 30, 33, 78,
101, 115, 195, 196, 271, 272,
276, 279, 299
Лесгафт П. Ф. — 201, 202
Лесков Н. С. — 141
Литц Г. — 253
Луначарский А. В. — 287
Любимова С. Т. — 126
- Майер Ю. — 154, 155
Маркс К. — 39, 40, 55, 91, 115,
195
Массалитинова Н. О. — 200 —
206
Маттей — 229

¹ Составитель Д. С. Бершадская.

Мах Э. — 153
Милославский П. Т. — 117
Мирецкий Н. И. — 119, 123, 126
Митропольская — 165
Монтессори М. — 215, 221, 227,
229, 230, 237

Нуссбаум Г. — 229

Отто Б. — 242, 243, 244, 245,
246, 254

Пабст А. — 242
Перель И. А. — 124
Петр I — 226
Пинкевич А. П. — 198, 199
Пирусский В. С. — 201, 203
Плеханов Г. В. — 195
Поздняков Н. С. — 163

Рубакин Н. А. — 226, 228
Руссо Ж.-Ж. — 226, 229, 253

Свидовский И. Я. — 119
Стецкий А. И. — 14
Страдивариус А. — 225

Тарханова Г. А. — 121
Тизанов С. С. — 125

Феррер Г. — 226, 228, 229, 245
Ферьер А. — 229, 253, 254
Фор С. — 229, 254
Фортунатова Е. Я. — 229, 248
Фребель Ф. — 208

Четвериков С. И. — 227, 240,
243, 248, 249, 252

Шанявский А. Л. — 203, 209
Шацкая В. Н. — 248, 260, 261,
262

Шелли — 228
Шлегер Е. К. — 293
Шлегер Л. К. — 207—216, 219,
221, 222, 223, 226, 228,
231, 233, 239, 243, 245, 248,
253, 293

Шульгин В. Н. — 196, 197, 198,
199

Энгельс Ф. — 91, 92, 115, 154,
195

Эпштейн М. С. — 256

Эрисман Ф. — 219

Эртли Э. — 220, 221, 222, 231,
232

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ РАБОТ, ВОШЕДШИХ
В ЧЕТЫРЕ ТОМА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ
С. Т. ШАЦКОГО¹**

- Американские педагоги у нас в гостях, 1928 г. — 3, 206
 Антирелигиозная работа, 1928 г. — 3, 194
- Ближе к учителю, 1928 г. — 3, 164
 Бодрая жизнь, 1914 г. — 1, 295
 Большие и больные вопросы современной школы, 1926 г. — 2, 313
- Вопросы народного образования на XV съезде Советов, 1931 г. — 4, 116
 Выступление на Втором Всесоюзном партийном совещании по народному образованию, 1930 г. — 4, 11
 Выступление на дискуссии о спорных вопросах марксистской педагогики, 1928 г. — 4, 195
 Выступление на совещании актива учителей 1-й образцовой школы имени А. В. Луначарского, 1934 г. — 4, 287
- Годы исканий. Часть I. Старая школа, 1924 г. — 1, 68, 491
 Грядущая школа, 1921 г. — 2, 73
- Деревенские дети и работа с ними, 1925 г. — 2, 209
 Дети — работники будущего, 1908 г. — 1, 453
 Дети — работники будущего, 1922 г. — 1, 197, 492
 Детский труд и новые пути, 1908 г. — 1, 265
 Доклад на пленарном собрании сотрудников Первой опытной станции по народному образованию 17 декабря 1919 г. — 2, 416
 Доклад о школе II ступени, 1923 г. — 4, 172
- Единый план работы опытной станции и работа над ним, 1930 г. — 3, 366
- Живая работа, 1927 г. — 3, 52
 Задачи общества «Детский труд и отдых», 1909 г. — 1, 287

¹ В настоящем указателе названы 106 работ и 21 письмо, вошедшие в настоящее издание Педагогических сочинений С. Т. Шацкого. Из них 38 работ и 20 писем публикуются впервые. Первая цифра после названия работы или адресата письма с их хронологическими данными обозначает порядковый номер тома, вторая — страницу текста. Адресаты писем приведены по алфавиту фамилий.

Составитель Д. С. Бершадская.

Занятия на основных учительских курсах Первой опытной станции в 1920 году — 2, 429

Из доклада в Коллегии Наркомпроса, 1934 г. — 4, 283

Из доклада на заседании дирекции Московской государственной консерватории, 1933 г. — 4, 280

Из доклада на производственной конференции педагогов Московской государственной консерватории, 1934 г. — 4, 275

Из записей занятий по естествознанию на летних учительских курсах опытной станции в 1920 году — 2, 421

Из записей занятий С. Т. Шацкого с учителями Первой опытной станции по проведению программы физического развития детей, 1922 г. — 2, 454

Из курса лекций по педагогике, 1929 г. — 3, 395

Из лекционного курса «Колхозное строительство и школа», 1930 г. — 4, 16

Изучение жизни и участие в ней, 1925 г. — 2, 286

Итоги работы опытной станции Наркомпроса, 1929 г. — 3, 339

Итоги XVI партийного съезда ВКП(б), 1930 г. — 3, 384

К вопросу о педагогике деревни, 1929 г. — 3, 242

К вопросу о хулиганстве, 1926 г. — 2, 392

К вопросу об учете работы просветительных учреждений, 1927 г. — 4, 185

Коллективизация быта, 1929 г. — 3, 387

Колонистам-экскурсантам, 1929 г. — 4, 300

Колхозное движение, 1930 г. — 4, 75

Н. К. Крупской, [1926 год] — 4, 255

Н. К. Крупской, [август 1926 года] — 4, 258

Н. К. Крупской, [21—24 февраля 1929 года] — 4, 258

Н. К. Крупской, [31 января 1930 года] — 4, 259

Кто виноват? 1928 г. — 3, 176

Курсы как организующая сила в педагогическом деле, 1923 г. — 2, 142

Луиза Карловна Шлегер — для тех, кто ее знает, 1923 г. — 4, 212

Методика и качество работы школы, 1931 г. — 4, 109

Методика опытной работы, 1930 г. — 3, 369

Методическая работа Наркомпроса и местных органов по народному образованию, 1928 г. — 3, 88

Методические искания, 1929 г. — 3, 297

Методические пути Первой опытной станции за 10 лет, 1929 г. — 3, 354

Мой педагогический путь, 1928 г. — 1, 49

На пути к трудовой школе, 1918 г. — 2, 13

Надежда Осиповна Массалитинова, 1921 г. — 4, 200

Надо обучать детей умению работать, 1928 г. — 3, 43

Народная школа, 1924 г. — 2, 181, 463

Наше педагогическое течение, 1923 г. — 2, 134

Не пугайте детей, 1928 г. — 3, 172

Новая общественно-педагогическая работа для «детей — работников будущего», 1910 г. — 1, 272

Новое и старое, 1929 г. — 3, 272

Общественная работа школы в городе, 1928 г. — 3, 179

О деятельности Первой опытной станции по народному образованию за время с 1 марта по 1 сентября 1919 года — 2, 59

- О количестве и качестве в школьной работе, 1928 г. — 3, 47
- О ликвидации второгодничества, 1931 г. — 4, 134
- О педагогической пропаганде, 1928 г. — 3, 187
- О проблеме качества во всеобщем начальном обучении, 1931 г. — 4, 127
- Опыт применения программ ГУСа в школах I ступени, 1925 г. — 2, 306
- Опыт увязки формальных навыков с комплексными темами, 1927 г. — 3, 74
- О работе деревенского учителя, 1928 г. — 3, 146
- О работе над программами, 1926 г. — 2, 330
- О рационализации занятий в школе, 1928 г. — 3, 105
- О советской дидактике и дидактическом материале, 1928 г. — 3, 119
- О текущих задачах в работе массовой школы, 1928 г. — 3, 25
- О том, как мы учили и как следует учить, 1926 г. — 2, 381
- О том, как мы учим, 1928 г. — 3, 31
- Основные принципы построения новых программ, 1930 г. — 4, 89
- Острые вопросы педагогического образования, 1923 г. — 2, 159
- Очередные вопросы педагогического образования, 1927 г. — 3, 84
- Памяти светлой молодой жизни, 1915 г. — 1, 293
- Педагогическая деятельность Луизы Карловны Шлегер, 1923 г. — 4, 207
- Первая опытная станция по народному образованию при Наркомпросе РСФСР, 1928 г. — 3, 319
- Письмо из маленькой колонии, 1915 г. — 4, 293
- Повышение качества урока, 1932 г. — 4, 152
- Подготовка [дошкольных] работников, 1921 г. — 2, 449
- Положение о Первой опытной станции по народному образованию, 1919 г. — 2, 409
- После праздника, 1928 г. — 4, 298
- Предисловие к книге «Годы исканий», 1924 г. — 4, 176
- Предисловие к сборнику «Этапы новой школы», 1922 г. — 4, 169
- Принципы учета, 1925 г. — 2, 173
- Программы ГУСа и общественная работа, 1926 г. — 2, 350
- Работники — головы садовые, 1915 г. — 4, 291
- Рационализация школьной работы, 1929 г. — 3, 281
- Речь на совещании сотрудников опытных учреждений Наркомпроса, 1932 г. — 4, 148
- Семья и школа, 1928 г. — 3, 197
- Система русского детского сада, 1921 г. — 2, 55
- Советская школа, ее теория и практика, 1928 г. — 3, 11
- Сообщение об итогах ознакомления с работой ленинградских образцовых школ, 1934 г. — 4, 163
- Страдальцы, 1913 г. — 4, 289
- Студенческие годы, 1928 г. — 1, 152
- Съезд школьных комитетов, 1924 г. — 2, 189
- Толстой — педагог, 1928 г. — 3, 215
- Трудовые уголки в деревенской школе, 1930 г. — 3, 382
- Уклоны, начало 30-х гг. — 4, 144
- Учет — основа метода, 1928 г. — 3, 132

Что дает и может дать опытная станция для массовой педагогической работы, 1928 г. — 3, 330

Что такое клуб? 1918 г. — 2, 44

В. Н. Шацкой, [август 1933 года] — 4, 260

В. Н. Шацкой, [август 1933 года] — 4, 261

В. Н. Шацкой, [август 1933 года] — 4, 262

Л. К. Шлегер, [19—21 ноября 1913 года] — 4, 219

Л. К. Шлегер, 26 ноября 1913 года — 4, 221

Л. К. Шлегер, 12 декабря 1913 года — 4, 223

Л. К. Шлегер, [20 декабря 1913 года] — 4, 226

Л. К. Шлегер, [21 декабря 1913 года] — 4, 227

Л. К. Шлегер, [конец декабря 1913 года] — 4, 228

Л. К. Шлегер, [первая декада января 1914 года] — 4, 230

Л. К. Шлегер, [15—18 января 1914 года] — 4, 233

Л. К. Шлегер, 3 февраля 1914 года — 4, 239

Л. К. Шлегер, [вторая половина февраля 1914 года] — 4, 243

Л. К. Шлегер, [конец февраля 1914 года] — 4, 245

Л. К. Шлегер, [март—апрель 1914 года] — 4, 248

Л. К. Шлегер, [март—апрель 1914 года] — 4, 249

Л. К. Шлегер, [14—15 апреля 1914 года] — 4, 253

Школа для детей или дети для школы, 1922 г. — 2, 80

Школа и быт деревни, 1924 г. — 2, 198

Школа и перевыборы советов, 1930 г. — 4, 269

Школа и строительство жизни, 1925 г. — 2, 251

Шуточный словарь колонистов, 1915 г. — 4, 294

Экзамен как педагогическая проблема, 1928 г. — 3, 309

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Статьи, доклады, выступления, 1930—1934 годы

Выступление на Втором Всесоюзном партийном совещании по народному образованию	11
Из лекционного курса «Колхозное строительство и школа»	16
Лекция первая	—
Лекция вторая	27
Лекция третья	34
Лекции четвертая и пятая	40
Лекция шестая	54
Лекция восьмая	59
Лекция девятая	67
Колхозное движение	75
Основные принципы построения новых программ	89
Беседа первая	—
Беседа вторая	96
Беседа третья	102
Методика и качество работы школы	109
Вопросы народного образования на XV съезде Советов	116
О проблеме качества во всеобщем начальном обучении	127
О ликвидации второгодничества	134
Уклоны	144
Речь на совещании сотрудников опытных учреждений Наркомпроса	148
Повышение качества урока	152
Сообщение об итогах ознакомления с работой ленинградских образцовых школ	163

Статьи разных лет

Предисловие к сборнику «Этапы новой школы»	169
Доклад о школе II ступени	172
Предисловие к книге «Годы исканий»	176
К вопросу об учете работы просветительных учреждений	185
Выступление на дискуссии о спорных вопросах марксистской педагогики	195
О товарищах по работе	200
Надежда Осиповна Массалитинова	—
Педагогическая деятельность Луизы Карловны Шлегер	207
Луиза Карловна Шлегер — для тех, кто ее знает	212

Из переписки

Письма 1913—1914 годов	219
Л. К. Шлегер	—
Письма 1926—1933 годов	255
Н. К. Крупской	—
В. Н. Шацкой	260

Приложения

О политехнизме	267
Школа и перевыборы Советов	269
Шестнадцать лет советской политехнической школы	271
Из доклада на производственной конференции педагогов Московской государственной консерватории	275
Из доклада на заседании дирекции Московской государственной консерватории	280
Из доклада в Коллегии Наркомпроса	283
Выступление на совещании актива учителей 1-й образцовой школы имени А. В. Луначарского	287
Шацкий — детям	289
Страдальцы	—
Работники — головы садовые	291
Письмо из маленькой колонии	293
Шуточный словарь колонистов	294
После праздника	298
Колонистам-экскурсантам	300
Комментарии	302
Предметно-тематический указатель	318
Указатель имен	321
Алфавитный указатель работ, вошедших в четыре тома Педагогических сочинений С. Т. Шацкого	323

Станислав Теофилович Шацкий
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ
Том IV

Редактор И. А. Орлова. Оформление И. З. Агронской. Художественный редактор В. С. Эрденко. Технический редактор Е. К. Полукарова. Корректор В. А. Глебова.

Сдано в набор 24/II 1965 г. Подписано к печати 16/VI 1965 г. 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 10,25 (17,22)+вкл. 0,063 (0,105). Уч.-изд. л. 16,81+вкл. 0,04. Тираж 8350 экз. А 10417.

Издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Типография № 1 Управления по печати Исполкома Моссовета.
Москва, ул. Макаренко, 5/16. Заказ 213.

Цена без переплета 80 коп., переплет 20 коп.